Е57—
1052

Совершенно секретно

не подлежит оглашению и передаче

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ДЕЛУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ В ДОНБАССЕ

партбиблиот

1928

1-й экз. ... фонда

E 57 1052

Совершенно СЕКРЕТНО

НЕ ПОДЛЕЖИТ ОГЛАШЕНИЮ И ПЕРЕДАЧЕ

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПО ДЕЛУ

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ В ДОНБАССЕ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТ... БИБЛ... ЕНИНА

Текст Обвинительного заключения содержит лишь незначительные по сравнению с официальным текстом пропуски мест, оглашение которых было совершенно невозможно по ряду соображений.

РЕДАКЦИЯ.

1-й эк

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
32902 1992г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

По делу о контр-революционной организации инженеров и техников, работавших в каменно-угольной промышленности СССР — **Рабиновича, Скорутта, Именитова, Матова, Сущевского, Бояршинова, Березовского и др.**

Формула обвинения.

В официальном сообщении Прокурора Верховного суда СССР от 12 марта 1928 года, напечатанном в № 60 «Известий ЦИК и ВЦИК», было указано:

«На Северном Кавказе в Шахтинском районе Донбасса, органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта контр-революционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района.

Руководящий центр этой организации, как подтверждается несомненными данными следствия, находится за границей и состоит из бывших капиталистических собственников и акционеров каменно-угольных предприятий Донецкого бассейна, имеющих тесные связи с отдельными агентами некоторых германских промышленных фирм и Польской контр-разведкой...

Следствием установлено, что работа этой контр-революционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольного хозяйства методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижения качества продукции, повышения себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов и т. д. При этом задача злоумышленников в случае интервенции, на которую они неизменно расчитывали, состояла в том, чтобы организовать катастрофический срыв всей промышленности, резко понизить обороноспособность страны и тем помочь интервентам одолеть сопротивление Рабоче-Крестьянской Красной армии...

Следствием установлено, что участники организации финансировались заграничным белогвардейским центром»...

Это сообщение о раскрытом контр-революционном заговоре ряда лиц, поставивших своей целью борьбу с Советской властью путем экономического вредительства в каменноугольной промышленности, было основано на направленных своевременно в Прокуратуру Верховного Суда СССР сообщений ОГПУ.

По мере того, однако, как развивалось дальнейшее расследование по делу, оно обнаружило, что контр-революцион-

ная организация на деле представляла собой гораздо более сильную и сплоченную группу лиц, центр которой лежал отнюдь не в пределах Шахтинского района Донбасса, как равно и гораздо более опасную с точки зрения не только конкретных целей, которые ставила себе эта организация, но и с точки зрения тех методов и приемов, помощью которых она добивалась осуществления этих целей.

Нижеприведенные данные устанавливают, что эта организация:

1. Охватывала собой не только наиболее крупные рудоуправления Донбасса и руководящий центр Донугля, но имела своих сторонников и активных членов среди высшего руководящего технического персонала каменноугольной промышленности в Москве.

2. Была связана с такими же организациями в других отраслях промышленности.

3. Одновременно была связана не только с осколками прежних организаций частно-капиталистического характера бывших собственников и владельцев каменно-угольных предприятий СССР, но и с органами и деятелями иностранных держав, не имеющими никакого отношения к каменноугольной промышлености, как таковой.

4. Ставила своей задачей не только экономическое вредительство, но и прямое оказание помощи неприятелю в момент грядущей подготовляемой капиталистическим миром интервенции.

ГЛАВА I.

Исторические причины, толкнувшие верхушку инженерства на путь контр-революции.

Все это, подтвержденное прямым сознанием самих участников организации, заставило предварительное следствие прежде всего поставить вопрос о совокупности тех причин, которые именно из высшего квалифицированного инженерства горной промышленности сделали авангард, на который оперлась контр-революция, и которая в своей совокупности создали возможность не только возникновения этой организации, но и длительного, чуть ли не в течение шести лет, нелегального существования ее под боком у Советской власти, на глазах профессиональных и партийных организаций рабочего класса.

Независимо от коренной, определявшей все, причины — классовой борьбы старого мира против пролетарского государства, этими сопутствующими причинами, толкнувшими инженерство на путь контр-революции, по их собственным словам, явились:

а) теснейшая связь верхушки квалифицированного инженерства Донбасса частью бывших акционерами капиталистических предприятий со своими бывшими хозяевами;

б) идейное классовое единство с буржуазией и наличие старых психологических навыков у остальных, не позволившее им сразу целиком и полностью искренно встать на сторону пролетарского государства, и

в) резкое ухудшение материального положения инженерства в первые годы после Октябрьской революции, непосредственно толкнувшее его на путь борьбы с Советской властью.

Идеология инженерства.

В результате, при первой же возможности это внутреннее классовое единство, старые навыки, экономическая заинтересованность и личные связи дали себя знать и незначительного толчка извне сплошь и рядом было достаточно для того, чтобы толкнуть того или другого инженера в ряды контрреволюционной организации.

Вот, что показывает по поводу причин, толкнувших к вступлению его в эту организацию, обвиняемый **Матов:**

«...идеология буржуазного характера, в которой я был воспитан, вырос и работал до революции, не могла сразу быть изменена во мне при переходе страны из капиталистического в коммунистический строй.

Новые отношения, условия жизни и работы при Советском строе были не только не привычны, но и противоречили всему привычному и, как следствие этого, вызывали отрицательное к себе отношение, и не было веры в возможность развития сил страны при условиях советского строя. Так, в общих чертах, может быть определено мое отношение к Советской власти в первые годы ее существования. В дельнейшем к сказанному надо добавить чувство неуверенности, бывшее у меня и у членов организации, или вернее, отсутствие веры в возможность развития промышленности страны в условиях советского строя» (т. Матова л. д. 134—135).

О том же показывает обвиняемый **Горлецкий:**

«Часть инженеров выбыло за границу, часть осталась, но все думали, что Советская власть долго не продержится. Настроение у данной группы, во всяком случае, у большинства было выжидательное и антисоветское. Мои сочувственные настроения не отличались от большинства остальных специалистов, я тоже не верил в то, что Советская власть просуществует долго. Все мы думали, что Советская власть (большевики) не сумеют восстановить промышленность и сельское хозяйство... Я считал, как и многие из интеллигенции того времени, что развалившуюся промышленность и хозяйство страны советская система и власть восстановить не смогут» (л. д. 19 и 40).

Обвиняемый **Калганов,** как бы дополняя эти показания, говорит:

« ... раньше мы принадлежали к категории работников, резко выделявшихся по уровню материального благополучия, наша служба давала нам покой и более или менее хорошее общественное положение, а после революции мы разделили общее положение со всеми; особых привилегий не давалось, а нужда, имевшая место в годы гражданской войны и в первый период восстановительной работы, не могла нас настроить благоприятно. Влияние имело и следующее обстоятельство: техническая интеллигенция, по сравнению с другими группами интеллигенции, была гораздо ближе к промышленному капиталу по самому своему положению... даже не имея собствен-

ных капиталов мы все же как-то интенсивнее интересовались существом именно капиталистических отношений в тех предприятиях, в которых мы работали... при капиталистическом строе мы являлись, в известной степени обер-офицерами капитала, если можно так выразиться, именно через нас капитал осуществлял свойственную и неизбежную при капитализме эксплоатацию рабочих, а это в свою очередь, порождало уже известную идеологию, которая резко отделяла нас от рабочих, противопоставляла нас им. Радикальное изменение этого порядка после революции многих из нас выбило из колеи, для многих из нас переменить свое мировоззрение и, особенно проявить его на деле было очень трудно. Все эти причины и предпосылки создали для меня и других те побудительные мотивы, которые заставили нас стать на враждебный для пролетариата и Советской власти — путь» (л. д. 22—23).

Так показывает главный инженер Донецко-Грушевского Рудоуправления **Калганов**—интеллигент по происхождению.

О том же самом, хотя несколько иначе, более замысловато показывает бывший собственник и шахтовладелец **Самойлов:** Конечно, прямо сказать, что его толкнуло вступить в организацию стремление вернуть свою бывшую собственность, он не считает возможным, и он ссылается поэтому на более «благородные» мотивы:

«Я вступил в организацию не потому, что я бывший предприниматель, состоятельный человек, на меня воздействовало другое, и это другое, я уверен, свойственно было и большинству моих товарищей по работе: эти побудительные мотивы, вернее, подготовляющие предпосылки были различные, они действовали не все одинаково, но все вместе подготовляли и неудержимо толкали нас на путь, враждебный Советской власти,—эти предпосылки, если можно так выразится, шли по различным каналам.

Первый канал—это отношение к делу и к нам представителей руководящего технического центра; они приезжали, сухо, иногда деловито, осматривали, то что есть, иногда давали указания, чаще не давали, и уезжали. А условия нашей жизни и работы—это, во-первых, естественная оторванность,—шахты, по большей частью расположены по закоулкам, куда живое и свежее, особенно в сфере общественной, проникает труднее. Мы видели только то, что было перед нашим носом, шахты стали работать хуже (20 и 21 г. г.), рабочие также, бедность, недостаток, трудности в работе, раньше неизвестные. При таких условиях работать благотворно, работать от души можно только в том случае, если можешь быть уверенным в успехе, а нам ничего не говорилось, ничего не сообщалось, где-то делали, где-то успевали, больше ошибались (это было тогда), а мы-то могли только видеть худшую сторону дела—трудности, неустройства, возникало невыгодное сравнение со старым, невыгодным оно было в отношении нового; и вот терялась уверенность, и понемному скептическое, а затем огульно отрицательное

отношение ко всему новому начало доминировать. Этот скептицизм и неверие исходили от самих же представителей технического центра, я могу сказать, что они скорее нас разлагали, чем побуждали к созидательной работе.

Второй канал. Надо сказать, что дух корпоративности, дух взаимной солидарности всегда был силен среди технического персонала и особенно среди квалифицированного дипломированного инженерства. После революции эта корпоративность еще более усилилась... Инженерство чувствовало себя после революции несколько ущемленным. Чувствовало себя как бы в чужой среде, в которой меры самозащиты, а значит и сплоченности должны быть более интенсивными. После революции эта корпоративная солидарность попросту выразилась во взаимном укрывательстве. Ошибки старались не выявлять, если они все же были таковы, что их не замечать было нельзя, искусственно подбирались так называемые об'ективные доводы и соображения...

Третий канал — это самая организация инженеров и техников ИТС. Прежде всего ИТС и об'единяемые ею инженеры нисколько не слились с массой, в некоторых случаях даже наоборот — инженерно-техническая секция давала организационный выход присущему инженерству корпоративному духу. Воспитательной работы никакой не было, призывы правительства и партии... не захватывали должным образом всей массы... словом, идеология в значительной мере оставалась прежней»... (л. д. 15—16).

До чего доходили, в частности, эти психологические настроения и навыки, насколько чувствовала себя в своей среде, «своими людьми» определенная группа инженеров, показывают факты, в возможность которых на 10-м году Советской Власти едва ли можно было поверить, если бы о них не показывали сами обвиняемые. Сюда относятся: пение во время товарищеских вечеринок царского гимна, систематические, считавшиеся признаком хорошего тона антисоветские и антисемитские выходки и т. д.

Главный механик Власовского Рудоуправления инж. **Башкин** показывает:

«Вспоминая отдельные факты из внутренней жизни среды, окружавшей меня, под влиянием которой я находился, я вспоминаю вечер у инж. **Калганова** по случаю какого-то торжественного события, тогда собралось много технического народа Д. Г. Р. У. — **Самойлов, Гаврюшенко, Бабенко, Нашивочников, Колодубы, Беленко,** и много других из этой компании. Я слышал, как злорадно говорили о скорой гибели Донецко-Грушевского Рудоуправления. Подвыпивши, произносили тосты за скорое падение власти, пели «боже царя храни», «Всколыхнулся, взволновался тихий Дон», и др. казацкие песни».

Еще более откровенно о мотивах, толкнувших его вступлению в контр-революционную организацию, показывает обвиняемый инженер **Березовский:**

---

[1]) Инженерно-технической секции Союза горняков, об'единяла исключительно технический персонал.

«Основной моей службой в дореволюционное время я считаю службу мою в Донецко-Грушевском Акц. О-ве, где занимал должность Зав. Шахтой Петропавловской, получая жалованье 400 руб. в м-ц, бесплатное помещение, освещение, отопление, выезд, содержание, домашних животных, пользовался и отпусками, получал и наградные, составлявшие в год двух-месячный оклад содержания. Моя служба давала мне право рассчитывать на дальнейшее продвижение и я твердо полагал, что по истечении некоторого периода времени я получу должность управляющего рудником; эта последняя должность давала бы уже 750 руб. в м-ц, тантьему, соответствующие наградные и проч. Общественное положение управляющего рудниками считалось тогда значительным, я был бы не посредственно связан с Правлением, а это открывало еще большие перспективы. К моменту революции у меня были сбережения около 20.000 руб., я их держал в Азовском банке; в результате революции я потерял эти деньги».

Если таково было квалифицированное инженерство, то говорить об идеологии и политических настроениях того персонала, который составился из бывших шахто-владельцев, таких как Андрей и Емельян **Колодуб,**—конечно, не приходится. На очной ставке свидетель Вайлов следующим образом в лицо характеризует обвиняемого Емельяна **Колодуба:**

«Я говорю факты, это сидит передо мной кровавый вампир, угнетатель рабочего класса, непримиримый враг и враг опасный советской власти, много сирот, вдов и матерей плачут от действий этого палача при царизме, и при власти его соратников белогвардейцев»...

И дальше показывает Вайлов:

«Пусть он скажет, как обдирал рабочих и загонял их в могилу. Пусть он скажет, как нажитые эксплоатацией—рабочих 30.000 денег отправил в Германский банк». (л. д. 96—97).

Эта нелестная характеристика, общая **Колодубу** Емельяну, **Васильеву, Беленко,** и др., подтверждена была на следствии опросом десятков рабочих, и еще очень хорошо помнящих как **Колодубы, Гаврюшенки, Васильевы,** и др. лица среднего технического персонала били их по физиономии, раздавали направо и налево зуботычины, крыли «матом» и т. д. Среди этих лиц контр-революционные тенденции не нужно было культивировать,—они были всегда налицо.

Несколько особое место занимала среди контр-революционного инженерства та его часть, правда немногочисленная, которая в своей молодости была близка к рабочему классу и его революционной борьбе и которая сохранила к моменту прихода советской власти и организации пролетарского государства, хотя бы некоторые намеки на благожелательное отношение к пролетариату. Представителем этого типа инженерства является обвиняемый **Калнин,** бывший социал-демократ меньшевик, следующим образом обрисовавший причины, толкнувшие его на вступление в контр-революционную организацию:

«Из Российской Социал-Демократической партии (меньшевиков) я вышел в 1907 году в связи с тем, что мне угрожал надзор полиции. С этого момента я постепенно отошел от партийной работы, хотя в 1917 году, после Февральской революции, я вновь вступил на рудник в С. Д. кружок. Должен признать и заявить, что за период времени с 1908 г. и по 1917 г. я не только отошел от партийной С. Д. работы, но я политически совершенно разложился. За это время я занимал ряд должностей в Горно-промышленных о-вах, оплачивающихся довольно высоко, и ничто не побуждало меня вести политическую работу. События Февраля 1917 года встряхнули меня, я вновь полевел и опять начал с.-д. работу. За дальнейшей период с 1917 года по 1921 г. период самых отчаянных колебаний в моей личной политической установке, я все же не определил точно своей политической физиономии.

Такое свое колебательное состояние я об'ясняю влиянием предшествующих годов своего политического разложения. В силу чего я оказался ближе к Парамонову, чем к революционным рабочим». (л. д. 21).

Наконец, особую разновидность представляют из себя — инженеры-шкурники, для которых, по существу, совершенно безразличны были «белые» и «красные», Советская власть и капиталистическая организация, которые не возражали против того, чтобы способствовать реставрации капитализма, но отнюдь не хотели упускать и синицу из рук, в виде жалованья, которое платила инженерам Советская власть, карьеры, которую можно было сделать при ней. К числу таких относятся обвиняемые: **Ржепецкий, Кузьма** и др. Вот что говорит о себе и причинах, толкнувших его ко вступлению в организацию **Ржепецкий:**

«Такое уже свойство человека, что он зачастую старается угодить двум хозяевам, хотя расчеты этих хозяев направлены в противоположные стороны. Хотелось и советскую власть не обидеть, и заслужить внимание на будущее (старых хозяев)». (л. д. 24).

Такова была почва, на которой выросла контр-революционная организация, куда вошли по словам **Гаврюшенко:**

«Монархисты и кадеты», — конгломерат, которому необходимо было только одно — свержение Советской власти и восстановление вместо нее, капиталистического порядка».

Случайные обстоятельства, способствовавшие образованию к.-р. организации среди инженеров.

Обстоятельством, значительно способствовавшим процессу оформления контр-революционной организации среди инженерства, было то, что советское правительство допускало вернувшихся инженеров на те самые рудники, где они работали раньше, благодаря чему они оседали на старых местах такой же спаянной и крепко-сработавшейся группой, какую они представляли собой и при старых хозяевах. Это обстоятельство сыграло значительную роль в момент, когда организация начала принимать более устойчивый и оформленный вид. Но отдельным рудо-управлениям такие «оседания» инженеров целыми кустами на старых местах имели место почти по всему Донбасу. В частности же внимательный анализ лич-

ного состава Донецко-Грушевского «куста» показывает, что при таком составе инженерства ненормальным должно считаться не то, что среди него возникла контр-революционная организация,—нонормальным явилось бы, если бы таковая не возникла в такой среде.

Вот что говорит об этом составе его глава—главный инженер Донецко-Грушевского Рудо-Управления **Калганов:**

«Основной командно-технический персонал на Донецко-Грушевском Рудо-Управлении состоял в большинстве из тех же лиц, которые служили и при старых хозяевах. Главный механик Башкин и раньше был главным механиком, зав. шахтой пролетарской диктатуры. Бабенко раньше заведывал Макарьевской шахтой, Зав. шахтой им. Воровского, техник Гаврюшенко был раньше пом. зав. шахтой № 2, ныне «Пролетарской диктатуры», зав. шахтой «Красненькая», а затем зав. разведкой на Аюте— Андрей Колодуб раньше был завхозом Акц. О-ва «Антропром», зав. Профобром Рудо-Управления Емельян Колодуб раньше был управляющим всеми рудниками Донецко-Грушевского О-ва, зав. шахтой «Окт. революции», Самойлов, раньше был совладельцем рудников «Антропрома» и шахтой «Красненькая», Нашивочников также раньше работал в Донецко-Грушевском О-ве, а в ДГРУ он был пом. Бабенко, а в течение последнего года он был зав. шахтой «Пролет. дикт.», когда Бабенко был назначен зав. механизацией всего рудо-управления. Со всеми этими лицами были очень хорошие отношения, я считал, что у всех у них политическое настроение общее, вполне согласованное и с моим». (22 об.).

Если сопоставить кадр ответственных служащих, работавших в Донецко-Грушевском о-ве до 1919 года, с кадром, оставшимся и работавшим после революции, то получится следующая картина:

До 1919 года в о-ве работали следующие лица:—Емельян **Колодуб,** управляющий этого О-ва, носившего название «Грушевский антрацит», он же акционер Антрацитно-Промышленного Товарищества; его брат Андрей **Колодуб**—управляющий шахтой «Красненькая»; сын Емельяна Колодуба работал на «Бессергеневской проходке», на шахте № 2 работал родственник Емельяна Колодуба—**Гаврюшенко,** на той же шахте № 2 работал другой родственник Емельяна Колодуба—Бабенко, на шахте «Красненькая» работал **Самойлов** (совладелец шахты и пайщик «Антропрома»), родственник Емельяна Колодуба— на шахте «Антропром» работал и **Верескунов** (совладелец шахты), на шахте «Петро-Павловской» под руководством Емельяна Колодуба работал его бывший знакомый **Калганов,** на шахте № 2 по руководством **Гаврюшенко** работал, учившийся на средства Емельяна Колодуба преданный ему человек—техник **Васильев,** на руднике «Благовещенском» ставленник Е. Колодуба—**Нашивочников,** на руднике «Петро-Павловском» работал **Березовский.**

Таким образом, до революции высший технический персонал состоял из 7-ми акционеров и 6-ти человек, связанных родственными отношениями.

После 1919 года в Донецко-Грушевском Рудо-Управлении, в состав коего вошли упомянутые выше национализированные предприятия, продолжают работать:

Калганов—главный инженер, **Е. Колодуб**—зав. рационализацией, **Колодуб А.**—зав. шахт., а затем проходкой «Аюта», **Гаврюшенко**—зав. шахтой, **Бабенко**—зав. шахтой **Васильев**—техник, **Нашивочников** пом. зав. шахтой, **Самойлов**—зав. шахтой, **Березовский**—техн. руководитель, так же работает Константин **Колодуб и Верескунов.**

Таким образом, после революции в Донецко-Грушевском Рудоуправлении продолжают работать 3 бывших акционера и 6 родственников. Идеология этой групы уже достаточно обрисована приведенными выше показаниями. Родственные же связи и долголетняя совместная работа привели к тому, что толкнуть этих лиц на определенные вредительские действия не стоило особого труда.

О поведении именно всей этой группы лиц показывает обвиняемый Емельян Колодуб.

> «Горное дело Донецко-Грушевского Рудоуправления велось под руководством и распоряжением Березовского Калганова, Бабенко, Самойлова, Гаврюшенко, Нашивочникова, Беленко, А. Колодуба, Костенко. Все эти лица в политическом отношении были контр-революционы допускали разрушительные работы, саботаж в строительстве советской промышленности. Вследствие этого, в производстве были неполадки, непроизводительные работы». (л. д. 157).

Индивидуальные характеристики обвиняемых по их прошлой деятельности.

Факты же из недавнего прошлого этих же лиц, приводимые многочисленными, допрошенными в качестве свидетелей рабочими-шахтерами, много лет работавшими под их началом на рудниках, показывают, что характеристику Емельяна Колодуба едва-ли следует признать преувеличенной. На деле перед нами не только контр-революционеры, но и махровые черносотенцы, мордобойцы и эксплоататоры времен и методами чуть ли не эпохи первоначального накопления.

О **Гаврюшенко** мы имеем следующее показание: горнорабочий Твердохлебов, Сила Ефимович, показывает:

> «Я, Твердохлебов, знаю Гаврюшенко, Николая Андреевича, еще до империалистической войны. Он служил на шахте № 2 техником, я там работал, Гаврюшенко в тот момент дерзко обращался с рабочими и бил их по щекам. Лично мне по щекам не попадало, но утверждаю, что других Гаврюшенко, бил. При власти белых Гаврюшенко, как и я, продолжал служить на рудниках в шахте № 2. Гаврюшенко при белых еще хуже бил рабочих. Мне известно, что на шахте № 2 был десятником Илья Чурсин, который вел активную работу за советскую власть среди рабочих и читал им революционную литературу и газеты. В одно из таких чтений техник Гаврюшенко спустил в шахту контр-разведчика Клатько, но я в шахте опознал Клатько, заговорил с ним, а в этов время все разошлись и Клатько вылез на гора ни с чем, а после Чурсина взяли в контр-разведку и затем расстреляли. Когда белые были разгромлены. Гаврюшенко бежал и скрывался. Через несколько времени он появился на шахтах, его рабочие хо-

тели убить, заявляя открыто, что Гаврюшенко контр-разведчик, и Гаврюшенко вновь скрылся и появился несколько времени спустя». (л. д. 12).

Другой рабочий **Андрей Пономаренко** дает следующую характеристику **Гаврюшенко:**

«Я, Пономаренко, знаю Николая Андреевича Гаврюшенко с 1912 года. Мы вместе работали на шахте № 2. Гаврюшенко был штейгером и проявил себя как ярый защитник капиталистического строя. Мне лично известно, как свидетелю, что Гаврюшенко избивал рабочих, за малейшее слово, был их по щекам и по чем попало. При белых, как и подтвердит десятник шахты «Красненькая» Твердохлебов, Гаврюшенко с казаками в 1919 г. ходил по рудникам и опознавал революционных рабочих. При встрече с рабочим—такого брали казаки или Гаврюшенко говорил: «это не тот, это свой»... (л. д. 28).

Бывший в то время начальником Шахтинской контр-разведки свидетель Прудентов Павел показывает:

«Я, знаю Гаврюшенко Николая Андреевича, с которым меня познакомил помощник мой по контр-разведке Филатов. Я знаю Гаврюшенко Наколая Андреевича очень хорошо, да и он меня должен знать.... Гаврюшенко Николай неоднократно посещал наше управление, посещения эти имели характер дачи того или иного сведения, нужного для нас ценного по нашей контр-разведывательной деятельности... Работал Гаврюшенко Николай добровольно, секретным сотрудником у нас не состоял, денег я ему платил, да он и не нуждался в них, так как зарабатывал службой достаточно, в добавок был интеллигент, разговора с ним об оплате его услуг у меня с Гаврюшенко никаких не было. По данным Гаврюшенко сведениям, например, был извлечен из шахты № 2 один красногвардеец, который, по произведенному контр-разведкой дознанию, был присужден военно-полевым судом к расстрелу. Можно указать еще на дело рабочего Чурсина, Селянина, из которых первый также был расстрелян, и ряд других сведений, которых я не упомню...». (л. д. 88).

А вот, что показывает о связи с Шахтинской контр-разведкой других работников ДГРУ сотрудник контр-разведки **Клатько** Константин:

«Припоминаю, что контр-разведку посещали и были связаны с ней специалисты с рудника Петропавловского механик-инженер Абрам Борисович **Башкин,** техник **Калганов** Николай Ефимович и инженер Николай Николаевич **Березовский.** Все эти лица были связаны лично с головкой контр-разведки ротмистром Прудентовым и его помощниками Филатовым и Монастырским. Эти лица, безусловно, давали ценные для контр-разведки сведения о лицах, сочувствующих советской власти и об активных борцах за дело советов. Контр-разведка по этим донесениям принимала меры арестов и расстрелов рабочих. Рабочие расстреливались пачками, до 50 человек расстреляно около хутора Поповка, 150 чел.—около Карьера, 300 ч. —за кладбищем, 300 чел., около бойни, расстреливали пачками по дороге в Новочеркасск, творилась кровавая

бойня, расправа углепромышленников и их ответственных служащих с рабочими, расстреливались рабочие даже только за то, что имели винтовку, за отдельные слова и фразы против белых углепромышленников. Указанная мной цифра расстрелянных не исчерпывается полностью Расстрелов было больше. Всего, примерно, 3—4 тысячи рабочих. Все эти рабочие были выданы контр-разведке, главным образом, указанными мной ранее и в данном протоколе специалистами....». (л. д. 70).

Бывш. нач. шахтинской контр-разведки Прудентов Павел, говоря о **Калганове,** также свидетельствует о его связи с контр-разведкой:

Инженер Калганов имел тесную связь и с шахтинской контр-разведкой и не один раз его экипаж останавливался у под'езда, где помещалась наша контр-разведка. В свои посещения контр-разведки Калганов делился с нами сведениями о настроении рабочих в Петропавловске, указывая на тех рабочих, которые выделялись среди последних или как агитаторы, или как большевистски настроенные...» (л. д. 74).

Если Прудентов, таким образом, подтверждает показания Емельяна **Колодуба** о **Калганове** и др., то целый ряд допрошенных в качестве свидетелей рабочих-шахтеров не менее красочно показывают о самом **Емельяне Колодубе.**

Рабочий **Кузнецов Федор,** работавший на рудниках Донецко-Грушевского р-на с 11 лет, показывает, что на рудниках существовала определенная «колодубовская группа», заправилой которой был Емельян **Колодуб,** «до революции управляющий Акц. Общества «Грушевский Антрацит» —

«... под его управлением на ответственных должностях работали его родственники и приближенные Андрей Колодуб, Бабенко, Гаврюшенко и ряд других лиц. Указанная группа играла доминирующую роль, служа пугалом рабочих и служащих, проявила себя как ярые черносотенцы и враги не только рабочего движения, но и самой сущности рабочего-пролетария. Эта борьба была не случайной, а организованной, это я подтверждаю,—говорит он,—следующими данными и фактами:

В 1905 году рабочие шахты № 2 и других примкнули к революционному движению и двинулись к управляющему Колодубу с требованием надбавки и 8-ми часового рабочего дня. Когда рабочие подошли к дому Колодуба, его дома не оказлось. Разгневанная масса разгромила дом Колодуба и сожгла, так как, во-первых, Колодуб не хотел выслушать рабочих, а, во-вторых, он Колодуб, идиотски поступал с рабочими и за малейшее слово избивал рабочих палкой, с которой всегда ходил... Вскоре нагрянули сотни казаков и местные черносотенцы—торговцы и приказчики — начали вооруженную расправу с рабочими. Было много убитых и раненых... (л. д. 39)».

Рабочий **Вайлов** рассказывает о дикой эксплоатации Емельяном **Колодубом** пленных и о возмутительном его отношении к захваченным белыми рабочим-красноармейцам.

«В 1918 г... на шхаты было пригнано свыше 300 пленных красноармейцев. Эти красноармейцы, по распоряже-

нию белых властей, предназначались для работ в шахтах, несмотря на то, что буквально все пленные были раздеты и очень голодали, распоряжением **Е. Колодуба** и **А. Колодуба** они жестоко эксплоатировались. Когда тот или иной пленный красноармеец, изнемогая от работы, от нее отказывался, или должен был это сделать по болезни..., по распоряжению **Колодуба** этого красноармейца с работы снимали и отправляли в казарму, где этот красноармеец встречался с полицией или казаками и жестоко избивался... Пользуясь беспомощностью этих людей, вместо полной оплаты их труда, выдавали им незначительные гроши (л. д. 66)».

Рабочий **Куропаткин** Федор говорит о Емельяне **Колодубе,** что:

«он всегда ходил с толстой палкой, что он рабочих считал за собак, сам избивал рабочих». Эта палка, **Колодуба,**—свидетельствует он,—в 1913 году ходила и по моей спине...» (л. д. 78).

О связи Емельяна **Колодуба** с шахтинской контр-разведкой свидетельствует тот-же **Прудентов.**

«**Колодуб Емельян,** был связан с контр-разведкой, давал добровольную информацию о лицах, сочувствующих советской власти, и по этой информации контр-разведка, начальником которой был я, принимала карательные меры... **Е. Колодуб** был свой человек, в контр-разведке...» (л. д. 87).

Того же сорта деятелем был и брат **Е. Колодуба** обвиняемый **А. Колодуб,** жестокое обращение которого с рабочими уже указывалось в ранее приводимых показаниях рабочих. Тот же контр-разведчик **Прудентов** показывает, что **А. Колодуб** «приходил к нам в контр-разведку и имел постоянную связь с контр-разведкой и давал контр-разведке сведения на сочуствующих большевистскому движению рабочих. По этим сведениям контр-разведка, естественно, принимала аресты и т. п. » (л. д. 134).

О связи **А. Колодуба** с контр-разведкой свидетельствует и другой б. сотрудник контр-разведки **Куприянов Петр** (л. д. 314).

Для характеристики **А. Колодуба** чрезвычайно показательным является факт, о котором показывает свидетельница **Февронья Савина:**

«С белыми ушел и А. Колодуб, вместе со своей семьей, не успев захватить всех своих вещей. Моя подруга—прислуга Колодуба—Поля, желая сохранить вещи хозяев на случай их возвращения, спрятала вещи к своим родственникам на шахте № 2. После занятия г. Шахты белыми белопогонниками пришел и Андрей Колодуб. Жена потребовала с Поли вещи... Поля принесла Колодубу вещи, и Колодуб заявила, что не достает одного зеленого бархатного платья». По заявлению Колодуба «Поля была арестована, ее судил военно-полевой суд... и она была расстреляна. Я лично ходила смотреть ее,—показывает свидетельница»,—«уже расстрелянную, уже за кладбищем. Она лежала незарытой, с простреленной головой и вся избитая штыковыми ударами. Полю выдали в руки

белых палачей А. Колодуб и его жена, она была расстреляна, а ей было только 16 лет...» (л. д. 336).

Так использовал **Андрей Колодуб** свои связи с контр-разверкой. Характерным, однако, является то, что нравы Колодубов, отнюдь, не были свойственны только им. И высококвалифицированные инженеры не гнушались ни рукоприкладствовать, ни дружить с контр-разведкой.

Вот какие показания мы имеем об инженере **Березовском.** Рабочий **Доровский** Григорий показывает, что когда «на рудник—«Октябрьская Революция» были присланы для работы пленные красноармейцы... то каждый раз, приходя на работу, я видел как пленные кр-цы голые и босые зимой на морозе гоняют вагонетки, а **Березовский** избивает то того, то другого кр-ца. Эту картину я видел ежедневно. Не лучше **Березовский** относился и к другими рабочим, тоже их избивал» (л. д. 10).

Другой рабочий **Сапрунов** показывает, что **Березовского** «рабочие выгнали с рудника как эксплоататора, дерзко обращающегося с рабочими» (л. д. 20).

В результате, после Февральской революции обвиняемый **Березовский** был вывезен из рудника на тачке. О связи **Березовского** с контр-разведкой, кроме вышеуказанных бывш. контр-разведчик Прудентова и Клатько, свидетельствует и бывш. писарь контр-разведки Даниил Костин и сотрудник контр разведки Куприянов.

К той-же галлерее Донецко-Грушевских «дельцов» относится и племянник **Е. Колодуба**, обвиняемый **Бабенко**.

Вот что рассказывает о нем рабочий **Давыдов:**

«На шахте № 2 я служу давно. Знаю хорошо штейгера Бабенко. С рабочими он был страшно дерзок, при царском строе он заставлял работать, и лично меня, по 40 часов без отдыха, а если кто-либо отказывался,— увольнял. Это было в 12 и 13 г. когда он был штейгером. Заставлял работать в невыносимых условиях. А когда рабочие и я лично заявляли ему, что мы изнемогаем, мы пропадаем, он кричал: «Вас много за воротами найдется», т.-е. можете убираться. От такой бессовестной эксплоатаций рабочие умирали, я сам знаю до 20 товарищей, умерших от непомерной эксплоатации. Сам я стал инвалидом...» (л. д. 10).

Бывший пленный красноармеец, работавший у Бабенко, свидетельствует о том, что когда он **Вымаров Василий**

«в ноябре 18 года, как красноармеец, попал в плен к белоармейцам, вместе с другими пленными был направлен на Грушевские рудники и был переброшен с другими товарищами на рудник Самойлова, коим управлял штейгер Бабенко, они попали в невыносимые бесчеловечные условия... Жаловаться было нельзя, так как сам Бабенко заявлял: «Сукины дети совдепцы, я вам буду платить четверть упряжки за упряжку» (л. д. 13).

Следующим из той же плеяды является техник **Васильев,** примыкавший, по его показаниям, одно время, к РСДРП меньшевиков.

Рабочий **Вахличев Николай** показывает:

«Васильев весьма грубо обращался с рабочими и занимался мордобитием, бил даже девушек, раз хотел уда-

рить и меня, но я убежал... Рабочие за грубое отношение в дни революции хотели убить Васильева, но ограничились тем, что вывезли его на тачке из рудника...» (л. д. 48).

Другой рабочий **Янченко** также рассказывает о том, что «рабочие шахты категорически требовали убрать **Васильева.** На этом руднике **Васильев** служил в до-революционное время и за грубость был выгнан рабочими, а в дни революции был вывезен на тачке» (л. д. 56).

Состав Власовского рудоуправления

Точно также и на Власовском Рудоуправлении сгруппировалась часть старых служащих, работавших еще у собственника этих рудников известного в Донецком бассейне капиталиста Парамонова. К числу этих старых служащих, относятся: Полетаев, Кумпан, Великин, Юткин и Виноградов, при чем, как показывает обвиняемый **Горлов**—зав. шахтой—«во всех случаях своей работы старались сделать какие-нибудь гадости, но делали это очень осторожно и каждая неполадка в отдельности в глаза не бросалась, сходила просто за ошибку, все же вместе взятое, в конечном счете, подрывало работу Рудоуправления довольно основательно». Однако, и вновь поступавшие работники далеко не всегда были лучше старых служащих. Ярким примером этого является фигура главного механика Рудоуправления обвиняемого **Башкина.** Целый ряд рабочих, допрошенных в качестве свидетелей по делу, приводят вопиющие факты из прошлого инженера Абрама Борисовича **Башкина.**

«При владычестве белых банд на руднике Башкин дерзко поступал с рабочими, вечные оскорбления, угрозы и сплошные издевательства над рабочими—вот действия Башкина. На руднике при белых работала группа пленных красноармейцев, часть из них была в ведении Башкина, его издевательства над пленными заканчивались избиением пленных. Я лично был свидетелем, когда однажды Башкин вскочил в кочегарку и ни с того ни с сего набросился на пленного красноармейца и ударил его по щеке, красноармеец заплакал (показание рабочего Чебатова) (л. д. 12).

О том же показывает и **рабочий Жуков:**

«И без того грубый Башкин стал еще грубее, и самым бесчеловечным образом издевался над пленными красноармейцами. С наступлением красных войск и занятием ими Донецко-Грушевского р-на Башкин вторично бежал с белыми и вернулся, кажется, в 1921 г. на 1-й Гос. рудник (б. Парамонова). Башкин во время военных действий был связан с белыми» (л. д. 15).

Не уступал **Башкин Калганову и Колодубам** и по связи с контр-разведкой.

Бывш. агент контр-разведки **Куприянов** показывает:

«Служа в контр-разведке в г. Шахты в 1919 г., в течение около 5 месяцев, в должности агента, а затем стражника, я наблюдал, что гр-н Башкин, Абрам Борисович, очень часто посещал шахтинскую контр-разведку как в дневное, так и в вечернее время, приходя в контр разведку, он обращался к нач. контр-разведки, непосредственно к Прудентову, а иногда к его заместителю, с которым вел о чем-то разговоры, о чем, именно, не знаю». (л. д. 26).

О чем вел разговоры инженер **Башкин** в контр-разведке, показывает бывш. нач. контр-разведки Прудентов:

«Я припоминаю еще двух лиц, которые ходили не раз в 1919 г. в нашу разведку, это были—Башкин, по имени, кажется, Абрам, он был, как припоминается, механик на «Петропавловске», имел типичное еврейское лицо, был низкого роста, с большими ушами, затем припоминаю инженера Березовского—зав. рудником «Петропавловск»—был высокого роста, плотный, с большими усами... И по данными ими сведениям, нашей разведкой принимались известные меры, как-то: обыски, аресты и т. д.» (л. д. 35).

Башкин издевался не только над пленными, он был пугалом для рабочих:

«Когда проходит по руднику **Башкин,** то его каждый рабочий старался избегать за тем, чтобы не получить пощечину» (заявление рабочего шахты «Пролетарская Диктатура» Радина Петра) л. д. 12).

Состав Несветаевского рудоуправления.

На Несветаевском Рудоуправлении, принадлежавшем до революции уже упомянутому углепромышленнику Парамонову, точно так же, в качестве наиболее ответственных руководителей рудника и после революции остались «свои» парамоновские люди: **Калнин Петр**—главный инженер, **Некрасов, Ал-др**—зав. горными работами и **Кувалдин Владимир**—главный механик.

О главном инженере Несветаевского Рудоуправления **Калнине** уже выше упоминалось и была приведена, лично им данная себе характеристика, где он указывал о своем политическом разложении, в силу чего он «оказался ближе к Парамонову, чем к революционным рабочим». Это указание Калнина на его «близость» к Парамонову и руководило им во всей его работе на руднике.

О зав. горными работами **Некрасове** дает показание рабочий **Жердев Семен.** Он свидетельствует, что

«когда пришла советская власть, Некрасов бежал с белыми, забрав с собой всех рудничных лошадей. Этот Некрасов—палач рабочего класса—при белых он устроил тюрьму для рабочих при Управлении, где сейчас Красный Уголок, и туда за малейшее слово бросали рабочих, истязали их...» (л. д. 16).

Другой рабочий **Василий Прудников** показывает, что **Некрасов**

«рабочим был известен как зверски обращавшийся с ними и даже ходили слухи, что он палкой избивал рабочих. Уже в период революции и пребывания на Дону белых, Некрасов многих рабочих выдавал белым, которых арестовывали, уводили и после таковые не возвращались. Одного рабочего Чернова Николая, по указанию Некрасова, несколько раз арестовывали и, в конце концов, расстреляли... Среди рабочих Некрасов был грозой. Все его боялись, так как за малейшее слово, которое не нравилось Некрасову, рабочий подвергался аресту...» (л. д. 53).

Рабочий Николаев Павел показывает, что **Некрасов**

«у владельца рудника Парамонова считался одним из лучших, но для рабочих он был зверем, обращался по зверски, избивал,—при мне помню Некрасов дал по-

щечину Селезневу Константину, это было еще в 1907—08 г.г.... Лично меня Некрасов уволил, в то время, когда я стал заступаться за рабочего Селезнева и при увольнении сделал отметку, чтобы меня нигде не принимали и я был безработный в течение 3-х месяцев» (л. д. 83).

Рабочий **Степанович Михаил** показывает, что **Некрасов**

«многих рабочих избивал, мне лично еще в 1913 г., когда я работал в ламповой 1-го госрудника при Парамонове, пришлось получить пощечину от **Некрасова** и штраф 3 рубля, тогда как жалованье я получал 12 р. в м-ц. Ударил он меня за то, что я плохо прочистил ему шахтерку (л. д. 94).

Что из себя представлял главный механик **Кувалдин,** в свое время, как и Парамонов, примыкавший к партии меньшевиков, за что был арестован в 1903 г., показывает свидетель **Голохвостов:**

«Кувалдин старый ставленник Парамонова, исполнял роль доносчика и наблюдателя за жизнью и действиями рабочих и технического персонала. До последнего момента ждет прихода другой власти и Парамонова, заявляя, что этим «босякам», т.-е. советской власти и коммунарам, не существовать. Скоро придут наши, тогда покажем, как крепка эта власть»... (л. д. 54).

Свидетель **Красов** указывает, что **Кувалдин** «был любимец Парамонова и Парамонов за какие то услуги Кувалдина выдвинул из кочегаров в механики». «Мне известно, что Кувалдин, Калнин и Некрасов—это одна семья»... (л. д. 80).

Щербиновское рудоуправление.

Ту же картину встречаем мы, наконец, и на Щербиновском Рудоуправлении, где сгруппировалось значительное количество старослужащих, после революции на этих же рудниках занявших командные должности. Обвиняемый **Сущевский** при старых хозяевах был главным инженером, таковым сказался он и после революции.

Работавший на Щербиновке до революции обвиняемый **Одров в 1923 г.,** по приглашению **Сущевского** занимает должность зав. шахтой «Центральная».

«Сущевский меня знал ранее, когда я работал на Щербиновском руднике в качестве студента и инженера» (показание обвиняемого Одрова).

Впоследствии Сущевский назначает Одрова вторым своим помощником.

Из старых служащих, оставшихся на рудниках и после революции командные должности продолжают занимать обвиняемые: **Будный, Люри.** Насколько благосклонно старые хозяева относились к такому порядку вещей явствует из того, что некоторые из упомянутых лиц, по признанию самого **Сущевского,** получили «вспомоществование» из-за границы из средств бывших собственников только для того, чтобы этим сохранить на рудниках преданный «хозяйский» кадр служащих. О том, как, за что и от кого обвиняемые получали вознаграждение вспоследствии более детально будет указано ниже.

На рудниках сгруппировались, таким образом, в качестве верхушки, старые служащие, бывш. собственники, об'единенные общим мировоззрением, общими политическими взглядами, связанные между собой близким знакомством, старо-

давней дружбой, а иногда и родством и свойством. В этих условиях уже можно было отдельным, более активным контр-революционным работникам из инженерства строить и развивать контр-революцию, назначать и насаждать, где нужно, под видом деловых служебных назначений, своих агентов — вести разрушительную работу.

Вот что показывает по этому поводу обвиняемый **Березовский:**

«В феврале 1920 г. прибыл в Ростов т. Бажанов, который всех инженеров распределил по специальностям и по знакомым районам. Меня он направил в Александро-Грушевский район, теперешний Шахтинский. В этом районе я работал с 20 по конец 23 года и занимал должность Зав. Техническим Отделом Районного Управления... Моя должность являлась, по существу своему, должностью технического руководителя всего района. Формально моим начальством являлся районный управляющий, их было несколько, это всегда были члены партии, люди без специального образования, технически не компетентные. Мне непосредственно подчинялись зав. рудниками всего района, а через них и зав. шахтами. Фактически, от меня зависело назначение и зав. рудниками и зав. шахтами. Я рекомендовал назначить Самойлова зав. Петропавловским рудником, ныне рудник им. «Октябрьской Революции». Емельяна Колодуба **я назначил** на рудник им. Воровского, возможно при моем посредстве был еще кто-нибудь назначен, сейчас я затрудняюсь точно припомнить. С целым рядом работников, которых я застал в Шахтинском р-не и которые при мне были приняты на работу, я хорошо знаком был еще с дореволюционных времен. К числу таких лиц я могу отнести: Башкина, Бабенко, Колодуба Емельяна, Колодуба, Андрея, Самойлова, с Калгановым я близко познакомился в 1920 г. и у меня сложились с ним очень хорошие отношения. Когда я поступил на службу в Шахтинский р-н, я знал, что там найду много работников, которых, я знал, которые меня знали, с которыми у меня найдется общий язык и не только в сфере узко-специальной, но и в области общих вопросов, интересов и воззрений политических, я мог иметь уверенность, что из этого круга вряд ли что может просочиться наружу неугодное власти, проще говоря, я не боялся сплетен и доносов (л. д. 8).

Бывший шахтовладелец, обвиняемый **Самойлов,** об'ясняя причины возникновения организации вредителей, показывает следующее:

«Я бы сказал, что к вредительству организованному я и мои товарищи перешли как-то незаметно. Сначала это была общая халатность, халатность, так сказать, естественная, к ней привыкают, а от халатности обыденной, конечно, не трудно было перейти и к халатности умышленной, а дальше и к активным вредительским действиям...

Сравнительно легкому появлению в нашем районе вредительской организации содействовало и то, что большинство работников знало друг друга с давних времен,

работали на одних и тех же местах, остались они в том же районе и после революции» (л. д. 16).

О том же показывает обвиняемый **Казаринов:**

«Это брожение, вылившееся сначала в саботаж и мелкое индивидуальное шкурничество, при котором часто вспоминалась хорошая жизнь при старом хозяине, стала постепенно принимать реальную форму благоприятной почвы для взращивания на ней всякого рода об'единений и организаций, ставящих своей целью осуществление этих мечтаний. Своего апогея указанное настроение достигло во время голодного года, после которого атмосфера стала такой, что тех. персонал только ждал своего организатора для того, чтобы слепо броситься на его призыв лишь бы последней целью его было изменение к лучшему условий тяжелого быта и труда. Особенно сильно выявилось такое настроение в тех многочисленных участках Донбасса, где бывшие вчерашние хозяйчики стали в одну ночь преданными советскими чиновниками. Эта атмосфера быстро и правильно была учтена не дремлющими врагами советского строя, в лице сидящих за границей бывших промышленников, нашедших деятельных проводников их чаяний и мечтаний, в лице старшего технического персонала, психология коего с особенным трудом могла быть перелюмлена, так как в них она сидела особенно прочно подкрепляемая моментами коллегиальности идеологическими и т. п.» (л. д. 373).

Таково было настроение инженерства. Оно, конечно, еще не означало, что все сплошь инженерство было контр-революционно, или все спрошь представляло собой готовый материал для контр-революционной организации. Анализ личного состава, данный выше, показывает, что наиболее контр-революционную группу представляло из себя высшее инженерство сплошь и рядом экономически связанное с капиталистическим миром (быв. шахто-владельцы, акционеры и пр.), но средний и нисший технический персонал привык к ним, привык их слушаться, сам не доверял еще полностью советской власти. Все это облегчало работу контр-революционерам.

Первые опыты формирования контр-революционной организации.

И, действительно, на отдельных Рудоуправлениях, уже начиная с 1920 г., начали образовываться контр-революционные группы инженеров, связанных между собой общим мировоззрением, общим прошлым и общими надеждами на лучшее будущее. В первое время, однако, эти попытки формирования контр-революционных организаций были раз'единены и носили кустарный характер индивидуальных связей, индивидуальных группировок.

ГЛАВА II.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ К-Р ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕДИТЕЛЕЙ.

Совещание в Ростове в 1920 г.

Исходным пунктом для возникновения всех этих организаций послужили указания, полученные от бывших хозяев непосредственно после захвата красными войсками Донбасса на совещании бывших владельцев и инженеров в Ростове н/Д. в 1920 г. во время последнего с'езда Совета горнопромышленников.

Вот, что показывает об этом с'езде и его настроениях обвиняемый **Матов:**

«В начале декабря 1919 г. я приехал в Ростов. Здесь собрались в то время все наиболее видные промышленники и большое количество техников из Донбасса. Из них я помню: Фенина, Соколова, Дворжанчика, Сергеева, Эйдлера и др.»

Матов ничего больше не сообщает, кроме самого факта совещания. О содержании этого совещания показывает обвиняемый **Потемкин.** Он пишет:

«Незадолго до оставления белыми Ростова, я выехал туда из Новороссийска и зашел в Совет С'езда Горнопромышленников..., где собралась большая группа инженеров, в числе которых были: Матов, Бейлин, Шишкин, Миокович и некоторые др.... Обсуждался вопрос, ехать с белыми или оставаться; все мы думали, что уход белых не будет продолжительным. Я, впрочем, сомневался в этом. Помню, настаивал на том, чтобы остаться—Шишкин, Матов настаивал на от'езде и, действительно отступил в Крым» (л. д. 147).

Первые директивы.

Обвиняемый **Березовский,** однако, показывает, что обсуждался не только вопрос о том, оставаться или ехать, а и о том, что делать в случае, если оставаться:

«Целая группа инженеров и техников с рудников приехала в Ростов, так как рудники были заняты красными. Из приехавших техников и инженеров я помню следующих: Гаврюшенко, Иванова, **Башкина, Горлецкого,** Рисса, **Кузьму,** Спельд, Ильинича, **Некрасова, Калнина,** Свидина, Игнатьева, Логина, Игнатовича, **Скорутто,** Пряткина Дмитрия, Рутченко, Эйлера, Айэрбаха, Татарова, и Оловягина.—У техников, находящихся в Ростове, была уверенность, что советская власть просуществует очень недолго и поэтому твердо вопрос об организации между техниками и инженерами не ставился. Но все разговоры между лицами, связанными между собой по производству, муссировались приблизительно таким порядком, что при той или другой передвижке рудников, т.-е. занятие их красными войсками, мы должны **работать в пользу старых хозяев по сохранению рудников** и оборудования в целости, чтобы их не обесценивать, т.-е. чтобы **при переходе рудников обратно к белым, они не были взорваны** красными войсками и повреждены так, чтобы их нельзя было восстановить. Таковы были задачи» (л. д. 198).

После занятия красными Ростова и окончательного бегства промышленников за границу, непоехавшие за границу инженеры были предоставлены сами себе и обнаружили тягу к возвращению на покинутые рудники, в частности, стремясь пролезть на старые места. Однако, возвратившись на рудники, инженеры остались верными своим хозяевам и в дальнейшем стремились выполнять полученные от них директивы в течение ряда лет. Разногласия между ними были лишь в вопросе о методах исполнения этих директив: расчитывавшие на близкое торжество интервенции—стремились к сохранению шахт и оборудования так, как оно есть,—сомне-

вавшиеся в близких успехах белых—стремились к сохранению в неприкосновенности недр считая, что лучшим средством для этого является затопление шахт.

Весь первый период, приблизительно, по 1923 г. включительно, и представляет собой период изолированной деятельности отдельных инженеров, направленная к исполнению такого рода директив. Лишь к 1923 г. относятся первые шаги по установлению разорванной, потерянной связи с бывшими хозяевами и первые индивидуальные попытки установить систематическую переписку и получать более точные указания—как же быть теперь, после того, как советская власть просуществовала пару лет.

Изолированное вредительство первого периода с 1920 по 1923 г.

Одновременно по мере того, как у оставшихся инженеров блекли надежды на скорое возвращение белых, инстинктивная враждебность по отношению к советской власти начала претворяться уже в прямые акты вредительской деятельности, и стремление не только исполнить в точности директивы по сохранению рудников начало перекрещиваться со стремлением, по возможности, тормозить, задержать работу по восстановлению рудников, вплоть до стремления отдельным вредительством нанести прямой ущерб укреплявшейся власти пролетариата.

Бабенко.

Вот что показывают об этих актах неорганизованного вредительства первого периода обвиняемый **Бабенко:**

«Еще осенью 1921 г. я, по указанию Березовского, затопил шахту бывшей Ново-Азовской Компании, входящую в Донецко-Грушевское Рудоуправление, я был тогда заведывающим этой шахтой. Березовский мне тогда говорил, что это надо сделать в интересах бывших хозяев, которым было нежелательно, чтобы ее эксплоатировали. Шахта эта была на ходу, эксплоатация была бы выгодной, она и до сего времени затоплена. Затопление это я произвел путем поднятия насосов. (Показание обв. Бабенко» (л. д. 29).

Березовский.

Обвиняемый **Березовский,** сознаваясь в затоплении Ново-Азовской шахты, показывает, что мероприятие это было произведено с явно-вредительной целью и при том по его, **Березовского,** распоряжению.

Башкин.

Бывший главный механик Донецко-Грушевского Рудоуправления **Башкин,** сознаваясь в своей вредительской деятельности, следующим образом показывает о первых своих вредительских действиях:

«Первое мое вредительское действие заключалось в том, что я не установил конденсационные горшки на магистраль и паропровода электрической станции, в результате чего турбина изнашивалась быстрее; сделано это было мной по наущению Калганова, это наущение выразилось в форме намека, не вызывавшего, однако, никаких сомнений в существе его. Второе мое вредительское действие относится также к 1920 г., я не усилил и не отремонтировал тягальную лебедку на первом пласте Петропавловского рудника; в результате добыча не могла нормально развиваться. Это было сделано по директиве заведывающего шахтой Самойлова. Третье

вредительное действие относится к 1921 г., когда я умышленно с инженером Петровым допустили свалку шлаков возле шлакового под'емника, в результате чего произошел пожар под'емника, а из-за этого затруднена была эксплоатация котельной станции. Сделано это было по директиве Калганова» (л. д. 40 об.).

Самойлов.

О том, какими мотивами руководились отдельные вредители, показывает обвиняемый **Самойлов.** О **Березовском** он говорит:

«На меня лично подействовало, в известной мере и поведение в отношении меня инж. Березовского. Мне было ясно, что он хотел так или иначе подготовить свое участие в Антропроме (дореволюционное предприятие, под фирмой Антрацитно-Промышленное Т-во, участниками коего был Самойлов). Это я заключаю из следующих трех эпизодов:

Давая в моем присутствии задание «хорошенько» отремонтировать копер на шахте Воровского (быв. Антропром), он сказал, что надо это сделать хорошо, чтобы Самойлов и К-о в будущем, если им придется хозяйничать, не были на нас в претензии; это было в конце лета 1920 г.

Второй раз, в конце 1920 г. имел место такой случай: он пригласил меня к себе на квартиру и заговорил о следующем: возможно, в близком будущем предстоит отбор наиболее интересных для государственной промышленности шахт и оставление других для сдачи в аренду и он, Березовский, постарается шахту Воровского поместить во вторую категорию с тем, чтобы я с моими компаньонами принял и его, Березовского, в дело, конечно, негласно, а он сможет, благодаря своему служебному положению, быть полезным.

Третий разговор был в моем кабинете на шахте «Октябрьская Революция», когда он посетил шахту и зашел ко мне, я тогда затеял разговор о продолжении Бессергеневской проходки; он мне сказал, что для этого нет времени, нет денег и людей; мне и раньше было ясно, почему он не хочет производить работу по Бессергеневке, я во время этого разговора только лишний раз убедился в моем предположении» (л. д. 16).

Приведенные факты затопления шахты «Ново-Азовская» и всяческого торможения к проведению т. н. Бессергеневской проходки являются, быть может, наиболее характерными выпуклыми проявлениями определенной системы, которую проводили инженеры, чтобы не дать советской власти возможности ни эксплоатировать наиболее выгодные пласты («Ново-Аловская») ни поставить эксплоатацию новых пластов, хотя для этого имелись все возможности (Бессергеневская проходка).

О том как оценивали отдельные рабочие — старые шахтеры—и какое впечатление производил на них этот активный саботаж со стороны инженерства—см. ниже.

Организованное вредительство. Начало организации в Д. Г. Р. У.

Однако, организованное вредительство в ДГРУ начинается с 1922 г. Вот как показывает об образовании Донецко-Грушевской организации обвиняемый Березовский, бывш. районный инженер по Шахтинскому району:

«Во второй половине 1922 г. была учреждена должность районных уполномоченных; эти районные уполномоченные являлись связующим звеном между районными управлениями и руководящими техническими органами Донугля. Районный уполномоченный являлся докладчиком в Донугле по делам своего районного управления, он передавал директивы Донугля, он, в известной мере, был и органом контроля со стороны Донугля; таким образом, заведывающий техническим отделом районного управления являлся, в некоторой степени, лицом зависимым от районного уполномоченного. На эту должность по нашему райуправлению назначен был инженер **Шадлун;** в первый раз я видел его в Ростове в 1918 г.; именно, тогда хозяева совещались с инженерами; в надежде, что красные будут отброшены, хозяева давали инженерам директивы не покидать рудников и заботиться об их сохранении. В 1920 г. я встречался с Шадлуном на собраниях инженеров; его политические воззрения мне хорошо были известны; мы были с ним единомышленниками. Этот самый Шадлун во время одного из своих посещений меня похвастался передо мной, говоря, что его бывшие хозяева пересылают ему деньги из-за границы [1]); я заинтересовался этим и выразил сожаление, что я не получаю денег от хозяев; Шадлун мне сказал, что это легко сделать через Горлецкого и я буду получать деньги. Тогда же Шадлун мне сказал, что деньги эти являются вознаграждением со стороны хозяева за сохранение в порядке отобранных у них шахт, за переоборудование и улучшение их и, наконец, за сокрытие от совласти наиболее ценных месторождений с тем, чтобы наиболее важные подземные богатства к моменту падения советской власти могли быть возвращены хозяевам нетронутыми и неистощенными. Я согласился принять на себя выполнение этих заданий, согласие мое отнюдь не было вызвано давлением со стороны Шадлуна. После этого я получил от **Горлецкого** письмо с изложением директив по вредительной работе. Вскоре я переговорил с главным инженером Донецко-Грушевского Рудоуправления **Калгановым,** который также без всякого давления с моей стороны согласился стать участником этой организации и выполнять ее задания. Я тогда больше ни с кем из работников ДГРУ по этому вопросу не беседовал, отчасти из соображений конспирации, отчасти не желая вмешиваться в компетенцию Калганова ибо он был там главным инженером и технические работники были подчинены ему. Немного времени спустя Калганов мне сообщил, что им завербованы в организацию: **Самойлов, Андрей Колодуб, Емельян Колодуб, Бабенко, Башкин, Чернокнижников и Антонов».** (л. д. 9 об.).

Шадлун.

Горлецкий.

Калганов.

---

*) Об истории и источниках финансирования Шадлуна см. ниже.

Так создалась организация в Донецко-Грушевском Рудоуправлении и дальнейшие показания **Березовского** обрисовывают ее дальнейший рост на основе тех предпосылок, о которых писал выше, с одной стороны, и на базе денежной помощи, получаемой со стороны, из-за кордона, — с другой. Обвиняемый **Березовский** сообщает:

«Я жил в ДГРУ до конца 1923 г. и мне не трудно было убедиться, что директивы организации проводятся в жизнь. Добавляю, в организацию вступил также и Нашивочников, позднее вступил и Антонов. Все эти лица получали денежное вознаграждение. Размер его, приблизительно, соответствовал окладу месячного содержания, тогда выдавалось это вознаграждение не ежемесячно, а каждые три, четыре месяца; вообще, сроки выплат не были регулярными. В то время, когда еще существовал совзнак, вознаграждение выдавалось в совзнаках с переводом на товарные рубли, был один или два случая, когда деньги частично передавались в валюте червонной».

Построение и финансирование организации. Роль Березовского.

Вскоре организация получила совершенно стройный вид, при чем параллельно развивались и совершенствовались и методы конспирирования (л. д. 9 об.).

Тот же **Березовский** показывает:

«До конца 1923 г. я получал деньги от Шадлуна не только для себя, но и для распределения по периферии. Деньги я передавал Калганову и последний мне сообщал, что распределял их между членами организации. После расформирования института райуполномоченных я деньги получал непосредственно от Горлецкого; последний, как и Шадлун, деньги передавал мне лично, эти передачи происходили в Правлении Донугля. Расписок не требовалось, отчеты были устные: Калганов отчитывался передо мной, я перед Горлецким. Лично я получил в свою пользу за все время от 15.000 до 20.000 р. Горлецкий инструкции о направлении вредительной работы давал мне устно, точно так же и я устно сообщал ему о всем проделанном.

Еще Шадлун мне говорил, что деньги идут из-за границы от хозяев Горлецкому, но каким путем,—Шадлун мне не сказал. Как-то раз, в беседе с Горлецким, я поинтересовался какими каналами пользуются бывшие хозяева для перевода этих денег, но Горлецкий решительно и твердо отказался мне дать какие-либо сведения на этот предмет; больше я и не спрашивал. Всего за все время через меня прошло на нужды организации около 175.000 р. В числе завербованных Калгановым лиц пятеро являются заведывающими шахтами (Самойлов, Андрей Колодуб, Емельян Колодуб, Бабенко и Нашивочников) двое являются главными механиками (они служили не одновременно, один сменил другого) это Башкин и Чернокнижников и, наконец, один является инженером горного надзора это Антонов. Сочетание этих лиц, отнюдь не является случайным, ибо при таком сочетании при необходимых элементах для организованного вредительства находятся в руках организации: 1) шахта, 2) механизмы, дающие энергию и 3) контроль. Только при

сочетании этих трех элементов вредительскую работу можно построить планомерно, не боясь провалов» (л. д. 10).

Вовлечение Калганова.

Показание **Березовского** подтверждается и показанием **Калганова,** который следующим образом описывает свое вступление во вредительскую организацию:

«В 1922 году создан был институт районных уполномоченных, а при них районные техруки; Березовский был таким районным инженером по шахтинскому району. Его район обнимал Власовку, всю Грушевку и Несветай. Он был моим непосредственным начальником и техническим и административным. В 1922 г., во время посещения моего по делам службы районного управления, он затеял со мной разговор на следующую тему: советский порядок непрочен, он обречен на гибель, советская власть не только не может развить производство, но не может даже сохранить шахты, неизбежна перемена власти, возвращение капиталистического строя, а, следовательно, возвратятся и старые хозяева, перед которыми придется держать ответ за состояние шахт, от хозяев мы попрежнему будем зависеть кто бы они ни были, те же лица, или новые концессионеры, по существу это одно и то же; вернее, что это будут старые хозяева, ибо по мнению многих война была неизбежна, а отсюда и последствие ее—реставрация. Естественной в силу этого явилась директива Березовского вести дело так, чтобы все возможности и средства были обращены на сохранение хозяйского достояния. По смыслу разговора я понял, что и сам Березовский имеет такое поручение, что в силу этого есть и выше стоящая организация. О существовании таковой я узнал позже из разговоров с ним же, Березовским. Уже при первой беседе Березовский дал мне задание привлечь к этому делу подчиненный мне технический персонал. Он обещал мне и всем лицам, которые примкнут к делу, денежное вознаграждение в размере от 50 до 100% получаемого оклада жалования. Обещал он также и другие блага, которые могут быть реализованы при реставрации, мне он обещал место управляющего рудниками Донецко-Грушевского Общества (место это очень выгодное). Я согласился на предложение Березовского без какого-либо давления с его стороны. В первую очередь, я привлек к делу **Самойлова,** потом **Бабенко,** Гаврюшинко, Башкина, Колодуба Андрея, Колодуба Емельяна, Нашивочников привлек Бабенко, я привлек Чернокнижникова, после того, как Башкина перевели на Власовку. Я не знаю, привлечен ли к делу был Антонов, во всяком случае не много» (л. д. 23).

Вступление Самойлова, Бабенко, Башкина, Колодуба, А., Колодуба, Е, Нашивочникова, Чернокнижникова, Антонова.

Насколько широко были поставлены работа и финансирование в Донецко-Грушевском Рудоуправлении, свидетельствуют показания обвиняемого **Калганова:**

«Всего за все время на нужды вредительства я получил до 100.000 р., всем переименованным моим подчиненным, за исключением Е. Колодуба я передавал деньги».

И **Самойлов** подтверждает приведенные выше показания:

«Всего через мои руки на нужды организации прошло тысяч 16 или 17».

О том же показывает и **Бабенко:**

«За свою вредительскую работу по шахте № 2 я от Калганова за все время получил тысяч 9, из этих денег я тысячи 2 роздал другим лицам за выполнение моих заданий...» и далее: «За свою вредительскую работу по должности пом. заведующего горными работами Рудоуправления около тысячи рублей» (л. д. 31).

Такие же показания дает и быв. зав. шахтой им. Воровского **Гаврюшенко.**

История возникновения контр-революционной организации на Власовском рудоуправлении

Аналогичная картина развития вредительства и образования вредительской контр-революционной организации наблюдается и на Власовском Рудоуправлении.

Чернокнижников о себе.

Уже в 1920 г. главный механик Власовского Рудоуправления **Чернокнижников** занимается вредительством. Вот как он сам об этом показывает:

«Начало моей вредительской деятельности я отношу к концу 1920 года, когда я был главным механиком на Власовке; приехал ко мне инж. Березовский, состоявший тогда в должности заведывающего Горно-Техническим Отделом Шахтинского Районного Управления. Турбины на Власовке тогда были неисправны вследствие поношенности, я докладывал об этом Березовскому; я говорил ему о моих попытках организовать своими средствами изготовление испорченных диафрагм; когда я ему сказал, что одна из машин остановлена и разобрана и я дал обещание сделать новые диафрагмы, Березовский сказал, чтобы все оставалось попрежнему. Это указание я понял как директиву Березовского задержать работу, вредительная цель этой директивы для меня была ясна; при неисправности турбины рудник никогда не может считаться в безопасности. Директиву я выполнил в смысле замедления работ по приведению машины в исправное состояние. Задержка эта получилась месяца на 4 или на 5». (л. д. 35).

Насколько смело, беззастенчиво и, в то же время, уверенно работал в этом отношении **Березовский,** свидетельствуют дальнейшие показания **Чернокнижникова.**

«Следующим моим вредительским действием, произведенным также по директиве Березовского, является разборка механизмов на брикетной фабрике, что разрушало механическую часть фабрики; я считаю это особо важной вредительной работой, так как вскоре из Донугля поступила директива восстановить фабрику, для чего приезжал инженер Данчич, но фабрика бездействует и поныне.

Это вредительное действие относится к весне 1921 г. Сделано это было мной с полным сознанием и пониманием причиняемого вреда. В августе 1921 г. Березовский дал мне задание поскорее вывести из строя последний оставшийся подклетевой канат; я побоялся выполнить это задание, так как порча каната могла вызвать не

только остановку шахты, но и катастрофу с человеческими жертвами.

Вскоре после этого разговора он мне у себя в кабинете передал 5.000 руб., пять ассигнациями по 1.000 руб. каждая. Я ясно видел, что это получка не обычная и мне не трудно было вывести заключение, что эти деньги являются вознаграждением за вредительство» (л. д. 35).

В бытность **Чернокнижникова** в Власовке, организация, однако, еще не успела создаться,—**Березовский** лишь закладывал ее фундамент; окончательно она возникла с момента перевода на Власовку Башкина, через **Калганова,** поддерживавшего связи с Донецко-Грушевской организацией.

Башкин о себе.

«В конце 1921 г.,—показывает **Башкин**,—«я был переведен на должность главного механика Власовского Рудоуправления, что являлось повышением по службе. Контр-революционная организация на Власовке возникла только в 1925 г., в силу этого я продолжал связи с ДГРУ в лице Калганова и Самойлова. Их директивы сводились к тому, чтобы я ослаблял снабжение ДГРУ энергией с Власовки, где была более мощная станция, чем на ДГРУ. Я сделал это, насколько мне в этом предоставлялась возможность: я не принимал никаких мер к усилению линий, чем порученное мне задание и выполнял их в течение времени, начиная с 1922 г по 1926 г. включительно» (л. д. 41).

Кузьма, Овчарек, Горлов.

В контр-революционную организацию на Власовке вошли: главный инженер **Кузьма,** главный механик **Башкин,** зав. горными работами **Овчарек,** и зав. шахтой **Горлов.**

Об'яснением этому может быть только то, что лишь с 1924 года туда прибыл **Кузьма,** переведенный туда с Щербиновки, где он уже проводил вредительную работу, и только с этого момента началась выдача на Власовке денежных вознаграждений, как и в ДГРУ; денежным источником явился тот же **Березовский,** показывающий:

«Главным лицом в организации на Власовке был Кузьма... Деньги для работы организации Калганов и Кузьма получали лично от меня... В отличие от других членов организации, они получали единовременно по 1.000 рублей.

... Я передал лично Кузьме пять—семь тысяч руб.» (показание Березовского л. д. 183).

По показаниям **Калганова** главный механик **Башкин** получил за вредительство около 10.000 рублей.

Башкин не отрицает получения денег за вредительство и указывает на то, что деньги он получал и от **Кузьмы** за заземление проводов.

Зав. горными работами **Овчарек,** по показаниям **Башкина,** получал за вредительство от **Кузьмы** от 4 до 8 тысяч рублей (показания Башкина л. д. 090—091).

Зав. шахты **Горлов,** по его личным показаниям, также получал от **Кузьмы** деньги под видом «премии» (л. д. 090—091).

Организация на Несветаевском Рудоуправлении.

Вредительская контр-революционная организация на Несветаевском Рудоуправлении возникла в 1923 году.

В организацию вступили: главный инженер **Калнин,** заведывающий горными работами **Некрасов** и главный механик Рудоуправления **Кувалдин.**

Все они также получали деньги от **Березовского,** но через **Некрасова.**

По этому поводу **Калнин,** явно не договаривающий всего, что ему известно, показывает:

Калнин. «Однажды, вначале весны 1923 года, в разговоре у меня в кабинете с Некрасовым, я ему сказал, что в данный момент нуждаюсь в деньгах, на что Некрасов мне ответил, чтобы я не беспокоился, так как деньгами он мне может помочь. Я у него тут же спросил, из каких источников и за что именно—он собирается мне дать деньги, он ответил, что об источниках он мне ничего сказать не может, предложил деньги принять и особенно не напирать на новые работу и погрузку угля. Я ему на это ничего не ответил, деньги принял и на указанные отрасли работы в будущем особенного внимания не обращал. В этот же день вечером он мне передал двести рублей червонцами, достоинством, кажется, по одному червонцу, деньги были не новые. После этого, в течение того же лета 1923 г. я получал от Некрасова еще два раза деньги: **Некрасов.** один раз сто рублей, и один раз двести рублей. Эти два раза он принес мне без всяких с моей стороны напоминаний о том, что мне денег не хватает. При получении этих денег у меня с Некрасовым никаких разговоров не было. В течение 1923 и 1924 г.г. я от Некрасова больше денег не получал и других разговоров с ним о том, что я должен делать, в связи с получением денег, не имел. В конце лета 1925 г. Некрасов, явившись ко мне в кабинет, поздравляя меня с началом работ по проходке ш. «Скачинского», сказал, что это начало надо вспрыснуть и передал мне двести руб., — попросил меня особенно не нажимать на проходку ш. «Скачинского». Я деньги принял и ничего ему не ответил. Разговоров с ним тогда об источниках этих денег и о том, зачем ему, Некрасову, задерживать эту работу—не имел. Указанные двести рублей Некрасов мне передал червонцами, довольно помятыми, кажется, по одному червонцу. В течение 1925 г. после этого мне Некрасов больше денег не давал. В начале весны 1926 г. еще до таяния снега, Некрасов, явившись ко мне в кабинет, передал мне двести рублей, ничего при этом не говоря. Деньги он передал также мне помятыми червонцами, какового достоинства—не помню. Второй раз, в начале лета 1926 г. незадолго перед моим отпуском Некрасов принес мне в мой кабинет еще двести рублей и передал их мне, сказав, что деньги понадобятся мне на отпуск О том, что мне делать и откуда у него эти деньги, он опять мне ничего не говорил. Это был последний случай получения мной денег от Некрасова. Всего, таким образом, я от него получил тысячу сто рублей» (показание Калнина л. д. 090—091).

В то же самое время **Березовский** показывает:

«Разновременно мной было передано Некрасову до 1925 г. около 4.000 руб. Первая сумма около 500 руб. была мной передана Некрасову вскоре после нашего с ним разговора о его работе в организации в 1923 г. Деньги были переданы мной Некрасову на руднике на поверхности.

А уже последующие суммы я передавал ему также там на Несветаевском руднике при своих посещениях с примерными перерывами по 2—3 месяца. Задания при этом давались общего характера, о которых я говорил выше, т.-е. о сбережении и сохранении недр. Затем после моего перехода на Ирменский р-к и возвращении оттуда мной, вновь была возобновлена передача денег Некрасову, при чем к характеру даваемых заданий были добавочные указания об ухудшении качества углей путем не улучшения обогатительного хозяйства, это было одним из главных заданий, кроме того, в задание входило небрежное хранение угля на стенках. Передачи сумм Некрасову я производил с промежутками опять-таки в 2—3 месяца на протяжении 1925 и всего 1926 г., при чем за весь этот период мной было передано Некрасову около 21.000 руб., сколько, точно я не помню. Передачу денег я производил всегда при об'ездах по шахтам (показание Березовского л. д. 107).

Вышеприведенные показания **Березовского** о том, что в состав вредительной организации на ДГРУ вошли лица, возглавляющие основные рычаги ДГРУ, оказалось, таким образом, справедливым и в отношении других Рудоуправлений.

ГЛАВА III.

ВРЕДИТЕЛЬСКИЕ ДЕЙСТВИЯ НА МЕСТАХ.

Возникновение организации позволило ее руководителям перейти уже к более энергичному и организованному вредительству. Рассматривая вредительные действия по отдельным рудоуправлениям, необходимо отметить, что методы и об'екты вредительства были в большинстве случаев идентичными; следствие уже в начальной своей стадии обратило внимание и на схожесть методов вербовки и привлечении членов, на единообразный способ оплаты вредителей, а также на единого проводника средств — **Березовского.** Именно эти обстоятельства навели расследование на следы гораздо более обширной организации, о которой будет указано ниже.

При расследовании вредительных действий, совершенных местными организациями, следствием допрошено было значительное число рабочих. Все они единодушно показывают о систематических «неполадках» в производстве, неполадках, свидетельствующих о неуклонном стремлении к вредительству лиц технического персонала.

Вредительские действия отдельных обвиняемых по Рудоуправлениям.

В отношении отдельных обвиняемых по отдельным Рудоуправлениям Донбасса после того, как были вскрыты основные разветвления организации и их внутренняя связь, установлено следующее:

Самойлов.

Вот что показывает рабочий крепельщик **Сизов** (шахта Воровского):

«В 1922 году я поступил вновь работать на рудник; я увидел, что зав. шахтой был Самойлов В. Н., бывш. шахтовладелец, техником Куркин, говоривший, что коммунисты не могут управлять государством, что совласть долго не продержится, этот Куркин был через

Р — ние принят Самойловым и потом, по неизвестным причинам, бежал ночью с рудника, где он сейчас не знаю; в тот же период на руднике работал В. И. Беленко. Сам Самойлов В. Н., весьма хитрый человек, держал себя высокомерно и явно заметно избегал не только коммунистов, но даже обиходных советских выражений, как-то: «товарищ», «социализм» и т. п. В 1923 г. работал принятый Самойловым б. его компаньон Верескунов, позже был принят К. Колодуб, сын б. совладельца и заметно, что Самойлов стягивал быв. людей. Работа всей этой кампании сводилась к следующим фактам:

имелся старый бремсберг № 8 с 8-го хода. В 1924 г. Самойлов В. Н. и техник Беленко В. И. начали закладку нового бремсберга № 8. Работа эта совершенно бесцельна и не оправдывала себя. Новый бремсберг был пройден на 100 мт. и метров до 100 от старого. Через новый бремсберг было взято незначительное количество углей и это, ни в коей мере, не оправдало расходы на бремсберг. Весь уголь можно было выбрать через старый бремсберг; как Самойлов, так и Беленко это знали отлично, что уступом № 1 они бы уже дошли до сброса. Я лично Самойлову и Беленко говорил, что: «Вы делаете напрасную работу, нового бремсберга не нужно»,—они мне отвечали: «Ваше дело работать, а нам нужно это сделать». Когда бремсберг был уже пройден, он оказался искривленным, благодаря чему уступы правильно было проходить невозможно. Уступы №№ 4 и 6 попали на пустоту, в уступе № 2 пришлось разогнать раскоску до 10 саж., работы для рабочих сделались невыполнимыми, рабочие волновались, я перед Самойловым и Беленко поставил категорически вопрос—создать комиссию и проверить работы, я тогда работал артельщиком—тогда Самойлов, без всяких оснований, взял и снял меня, а бремсберг сейчас же был заброшен.

С 1925 и по 1926 г. проходился 19 бремсберг. Бремсберг оказался ненужным, через него взяли незначительную часть угля—бремсберг, пройденный на 60 лет—забросили, бремсберговый инструмент не убран. 19 ход проходился с 1924 по 1927 г., пройден на 70—90 лет. Надобность в этом ходе с прохождением вспомогательного уклона пропала; ход сейчас заброшен и заваливается. На него затрачены огромные средства—эти работы были выдвинуты и проводились штейгером Самойловым.

Воздух в шахте был плохой, были случаи, когда рабочие с нижних уступов центрального литера бросали работу и вылазили, то же было на рыхлом пласту, рабочие отказывались от работы. Администрация, в лице Самойлова и техника Колодуба К. не только не принимала мер, но преступно, и я считаю, злонамеренно, оставляли шахту без воздуха. Например: для поддержания вентиляции проводились вентиляционные штречки, их проходили несвоевременно, забои пускали вперед, таким порядком штречки заваливались, рабочие указывали на это, но все указания оставались без последствий, причем Колодуб К. категорически заявлял, что штреки исправ-

ны когда контрольный десятник Пахомов категорически потребовал очищения штреков, Колодуб тайком послал рабочих разобрать штреки, что подследил Пахомов, но после этого Пахомов с участка Колодуба был снят, он сейчас работает на шахте.

Выработан в 1926 г. ход № 15, несмотря на это, он поддерживается до сих пор, на него тратят огромные деньги и только потому, что через него проложен кабель, когда его можно с успехом перевести в другой ход и прекратить бесцельные расходы по поддержанию 15 хода.

Рыхлый пласт был вскрыт старым хозяином К-ом Буросом, но вскоре этот пласт был заброшен как невыгодный. Несмотря на это, в 1925 г. Самойлов стал восстанавливать этот пласт. В результате, сейчас западная сторона заброшена за полной невозможностью ее работать. Восточную сторону до сих пор работают 2 уступами, но толку нет никакого, работы требуют больших затрат, уголь имеет большую себестоимость, качеством плохой и засорен породой. Чтобы сбыть этот уголь, его мешают вместе с хорошим. Самойлов это укрывает и говорит, что рыхлый уголь, вместе с углем I и II пласта идет на сортировку. На производственном совещании предложено было работы на рыхлом пласту приостановить—это было в начале 1927 г., Самойлов не согласился на это и был принужден приостановить лишь работы западного крыла.

Бывали частые случаи, когда уголь, отправляемый с рудника на заводы и ф-ки других городов, браковали, последний случай был недавно, мы выслали в Ленинград, как подарок к Октябрю, точный адрес не знаю, 8 ваг. отсортированного угля, но оказалось, что по месту назначения была направлена черепица, — уголь отправлял и отправляет Верескунов. Случаи эти не единичны.

В палении динамита до последнего момента был полный хаос. Запалы систематически производились во время крутильных смен и крутелям приходилось уходить, чем работа срывалась, через это получались конфликты, доводилось до сведения и Самойлова и Колодуба, но никаких мер к урегулированию вопроса принято не было.

Самойлов систематически производил скидки с рабочих за засоренность и недогруз, скидка производилась безразлично, выдал рабочий норму или превысил ее. Засоренность угля происходила не от рабочих, а от самого же Самойлова, так как для отбора черепицы существовал специальный штат черепишников, но Самойлов давал им другие работы. Такие действия Самойлова возмущали рабочих и, в результате, получалось, что если рабочим нужно было выдать уступ и дать лишнюю норму, они не делали этого, заявляя, что: «все равно сбросят» и невыданный уголь оставался по 10—15 вагонеток под завалом. Самойлову заявлялось и мной и на производственном совещании о недопустимости этого, но он ничего не хотел принимать.

В заключение я могу сказать, что вся работа не имела никакой плодотворной системы, а, наоборот, систему форменного и очевидного разрушения—темп производи-

тельности труда, рационализация—срывались. Это привело к полнейшему обострению настроения рабочих и рабочие не звали иначе Самойлова, как четырех-глазая собака. Рабочие, особенно за последнее время, говорили открыто: «зачем власть и партия пускают такую сволочь только разрушать производство» и был случай, когда старый рабочий Доровский, доведенный зажимом Самойлова до отчаяния, ходил с ружьем в засаду, чтобы убить Самойлова в 1927 году» (л. д. 40—43).

Рабочий **Пахомов** показывает:

«Вентиляция в дальних уступах была очень скверная, рабочие недовольствовали и благодаря отсутствию воздуха, производительность определенно срывалась. Я лично технику Колодубу Константину заявлял, что в уступах нет воздуха, что нужно пробить штречек в 23 уступе,—эти заявления я делал весной 1927 года, Колодуб К. мне ответил, «это не твое дело», принял ли меры Колодуб к исправлению вентиляции, я не знаю, так как за настаивание перед Колодубом о вентиляции, зав. шахтой Самойлов перевел меня на другой участок» (л. д. 65).

Не менее определенно показывает и рабочий-запальщик **Ильин:**

«Паление по распоряжению Самойлова всеми запальщиками и мной производилось систематически все время от 20 до 32 бурок единовременно. Это паление угрожало жизни запальщиков и рабочих и были случаи, когда в 1926 г. в уступе № 4 запальщик Сергеев едва не остался под газами, а запальщик Клюшнев,—он сейчас работает на шахте,—в 1926 г. угоревшим из 15 штрека выдали на гора. Палили в упряжку до 96 бурок, с таким палением было справляться невозможно и запалка систематически запаздывала, добыча срывалась, так как рабочим приходилось ждать, когда выйдет газ.

Благодаря массового паления, было невозможно, в силу опасности, и некогда, в силу перегруза, следить за выпалом бурок, благодаря чему бурки не просчитывались и динамит попадал в уголь, угрожая жизни рабочих.

Самойлов никаких мер к устранению изложенного не принимал, когда запальщики просили увеличить штат, он ответил: «штат увеличивать не буду»; хотя Самойлов заведомо знал о всем указанном мной и последствиях (л. д. 70—71).

Рабочий **Володин** показывает:

«Самойлов выдавал динамит артельщикам для производства паления, а последние давали рядовым рабочим и последние совершенно не следили за динамитом и разбрасывали его, динамит часто попадал в уголь, а Самойлов формально сносил это за счет запальщиков (л. д. 74).

О том, как проводил Самойлов горные работы, показывают многочисленные свидетели-рабочие:

Рабочий **Панченко** сообщает следующее:

«Мне известно, что проходка бремсберга № 27 была весьма медленная, в силу чего бремсберг свое значение

в конечной цели потерял. Такое положение Самойлов, безусловно, должен был предвидеть и знать.

Ход № 19 также не достиг результатов, с закладкой вспомогательного уклона ход № 19 потерял всякое значение, это, безусловно, Самойлов также должен был знать и предвидеть. Ход № 19 сейчас метров на 220 заброшен.

В центральном уклоне в уступах, благодаря тому, что крутель не в состоянии были произвести выемки всего угля, зарубленных, а требовали новой зарубки, то тот уголь, который не успели своевременно выдать, оставался в пустотах. Об этом неоднократно стоял вопрос и на производственном совещании, выписки из протоколов давались Самойлову на предмет принятия мер, следовательно Самойлов предупреждался.

Рыхлый пласт пущен в эксплоатацию по инициативе Самойлова, пласт оказался убыточным, уголь плохого качества, с большой засоренностью и я весной 1927 г. настоял закрыть эксплоатацию запасного поля рыхлого пласта, Самойлов долго не соглашался, но затем был вынужден остановить» (л. д. 83).

Таковы же показания и других рабочих, работавших под началом Самойлова.

Бабенко.

О заведующем шахтой **Бабенко** рабочие дают не лучшие отзывы. Рабочий Шевалдин следующим образом показывает о затоплении **Бабенко** Ново-Азовской шахты:

«Я в течение 48 лет работаю на рудниках. С 1906 г. я работаю на Ново-Азовском руднике. Принадлежа до революции англичанину Стурму, этот рудник был чрезвычайно выгодным для эксплоатации, так, например, с углубления в среднем квадрат давал 360 пудов угля. Верхний пласт, в среднем, давал 180 пудов угля. Рудник был прекрасно оборудован. Не хватало лишь незначительного количества машин, кои были Стурмом уже выписаны из Англии, но застряли во Владивостоке, когда у нас началась революция. В 1917 г. по подсчетам инженера Алексютина Павла Степановича, ныне умершего, рудник Ново-Азовский, с близлежащими возле него участками, должен был давать до 9 миллионов пудов угля в год. Это мне лично говорил инженер Алексютин. В углублении пласт был саженный. Уголь был пачками с промежутками шла черепица. Качество угля очень хорошее. При советской власти, приблизительно, в 1921 г. Зав. Ново-Азовским рудником был назначен Бабенко, Сергей Александрович.

В момент поднятия Ново-Азовского рудника Бабенко С. А. последний работал, давая добычу, в среднем 100 тысяч пуд. в месяц, при Стурме этот рудник давал 150 тысяч в месяц и были реальные перспективы значительно увеличить добычу. Углубление этого рудника было затоплено при Стурме из-за недостатка машин. Верхний же продолжал разрабатываться, давая указанную выше добычу. Бабенко С. А. окончательно затопил рудник и остановил его.

Знаю, что Бабенко С. А. ставил вопрос через ЦПКП о том, что дальнейшее существование рудника нецелесообразно, ибо связано с большими затратами.

Я считаю, что разрушение этого рудника являюсь явлением весьма ненормальным и странным, так как по моему, если бы он был сохранен, то несомненно являлся бы одним из самых мощных рудников, дававшим колоссальную добычу угля. Я неоднократно слышал от Алакина, что эту шахту можно с успехом разработать и поэтому затопление этого рудника Бабенко С. А., мне кажется, весьма странным и непонятным» (л. д. 58).

О том же показывает и **кузнец Кутовой:**

«На руднике Ново-Азовском я работал с 1915 г. по 1921 г. и мне известно: рудник новый, с большими запасами, разрабатывался только беглый пласт, но разрабатывался и углубленческий пласт. Оборудование рудника было хорошее. Здания новые, надшахтное, сортировка, электростанция, колония и др. необходимые службы. Было много машинных установок, точное количество не знаю. В таком положении рудник остался и с установлением сов. власти. С приходом на рудник штейгера Бабенко в конце 1920 г., до этого я его не знал, рудник стал разоружаться. Машинные установки развозились по разным рудникам и в большинстве на Парамоновский, ныне 1-й государственный рудник. В этих машинах 1-й госрудник в то же время не нуждался и машины использованы не были, куда они девались, мне неизвестно,— почему разоружалась шахта, но я знаю, что по распоряжению Бабенко в 1921 г. и он был затоплен—это проделывалось при полной возможности выдать воду, водоливы для этого были—в этом же году я с шахты был переведен и окончательная ликвидация мне неизвестна». (л. д. 76).

Как указано—выше, **Бабенко,** признал, что затопление Ново-Азовской шахты сделано им сознательно, с вредительской целью, по указанию **Березовского.**

О том, как поставлена была работа на шахте «Пролетарская Диктатура», которой заведывал тот же **Бабенко,** показывает рабочий Семкин:

«В 1925 г., когда Бабенко заведывал шахтой «Пролетарская Диктатура», то по диагоналу № 2 были систематические неполадки. Происходили они от неисправности путей, роликов. Было недостаточно крепление и были завалки диагонала. Я лично, и другие рабочие, как-то: Колодяжный, неоднократно заявляли Бабенко об этих неполадках. На наши заявления он не обращал никакого внимания, даже не желал с нами разговаривать. Из-за этих неполадок, которые были систематически, часто не выполнялся наряд. Вместо 400 вагонеток давали 200—250 вагонеток. Это приносило убыток предприятию» (л. д. 83).

О том, как работал главный механик ДГРУ инженер **Чернокнижников,** дает показания турбинный мастер Антон Бибрис:

Чернокнижников.

«Мне известно, что с приходом советской власти б. Парамоновский механик-инженер Чернокнижников Степан Ефимович, будучи главмехаником 1 госрудника, перестал совершенно следить за электро-станцией руд-

ника. В турбины часто перекачивалась вода, направляющие колесину не менялись, лопатки стали выламываться и лопатки в роторе побились. Это привело к тому, что Несветаевские рудники систематически выключались и добыча срывалась, энергии не хватало и даже на 1-м госруднике, это было в 1920, 1921 и частью в 1922 г.г., пока из Харькова не приехал инж. Морозов, предложивший принять меры к ремонту турбины...» (л. д. 2).

Отношение к коммунистам.

Чрезвычайно характерно было отношение всей этой группы к коммунистам. Так, свидетель **Понаморев** показывает:

Нашивочников и Башкин.

«На шахте № 2 существует явное нежелание иметь коммунистов, со стороны зав. шахтой **Нашивочникова** В. Н. и техника **Башкина** Б. Ф., Николаенко Д. М. (сейчас последний в ДПИ).

С 15/VIII 1926 г., когда был переведен на шахту № 2, там работал член ВКП(б) инженер Лифшиц С. М., он заведывал участком литера «Б» бремсбергом № 1. Его, Лифшица, всячески старались изжить, как, например, если у Лифшица случалось какая-либо незначительная неполадка на участке, то ее всячески старались раздувать, в Гудоуправление сыпались рапорта от Нашивочникова к зав. горными работами Теркану, Бабенко, главинжу Колганову, откуда уже переходили к управляющему, в этих рапортах указывалось, что Лифшиц неправильно ведет работу. В то же время, если на участках техника Николаевского или Башкина получались крупные недоразумения, как например, был случай на участке Николаенко завал главного хода и работы целиком стояли 4—5 часов, об этих случаях Нашивочников всячески замалчивал и я не слушал передали ли куда-либо рапорта. Было это, приблизительно, в августе месяце с. г.

Особой придиркой к Лифшицу было то, что он не успел сделать подрывку ходов 149 уступа, благодаря особой крепости породы к отсутствию пневматических молотков на шахте, в силу этого ход отстал саженей на 7 и уступ пришлось временно остановить. Это соответственно использовали и поставили Лифшицу в вину, после чего он заявил о своем уходе. Это был только предлог изжить Лифшица и никто бы другой большего успеха не мог сделать в 149 ходу, так как не было молотков. Особо кампанию против Лифшица, как и других коммунистов вели Нашивочников, Башкин, Николаенко, Костенко, и они, очевидно, пользовались поддержкой спецов рудоуправления Теркана и Калганова.

Осенью 1926 г. на шахту № 2 в качестве помощника зав. шахтой был переброшен чл. ВКП Долженко по специальности горный техник. Против Долженко Нашивочников повел открытую борьбу. Нашивочников запретил Долженко давать какие-либо распоряжения по шахте или подписывать какие-либо бумаги и этим самым не только обезличил Долженко, но и не дал возможности работать. Один раз в отсутствие Нашивочникова Долженко подписал какое то несерьезное требование не от-

носящееся к делу по шахте, Нашивочников отдал официальное распоряжение считать подписи Долженко, вообще, недействительными и Долженко вынужден был уйти, на эту тему Долженко говорил с управрудом Гончаренко, но сущности разговора мне не известно.

Аналогичная история получается сейчас с выдвижением чл. ВКП(б) Очередниченко,—Нашивочников, Башкин, Николаенко стараются всячески доказывать рудоуправлению, что он никуда не годится. При чем здесь Нашивочников жалуется на Очередниченко, Башкин на Николаенко, а уже последний идет дальше, характерно, что сейчас Очередниченко работает у нового техника и недоразумений с ним нет. Лично ко мне со стороны Нашивочникова, Башкина, Николаенко также была неприязнь, был случай, когда, чтобы уязвить меня, Нашивочников запретил мне мыться в технической бане, заявив: «каких то монтеров напустили в баню». Это было сделано несмотря на то, что не предоставление мне возможности пользоваться технической баней отражалось на работе и я не мог нормально посещать шахты, а рабочие бани работают только в определенные часы (л. д. 38).

Все действия указанных лиц, чувствовалось, определенно были направлены против коммунистов и нервировали последних, о чем лично Лифшицем и др. ставился вопрос в ячейке ВКП(б), при секретаре Гайце.

О том же показывает электромонтер **Кузин:**

«Ярким примером его отношения к коммунистам могут служить его слова, сказанные им при поступлении на шахту техника Лифшица. Когда Лифшиц был уже назначен, то Нашивочников, кажется, в нарядной, обращаясь к Костенко, сказал: «Какую-то жидовню к нам назначают». Кто присутствовал при этом, кроме меня я сейчас уже не помню. После этого мне Лифшиц неоднократно жаловался, что Костенко и Нашивочников грызут его, хотят изжить с рудника, что впоследствии им и удалось. Какие обстоятельства заставили Лифшица уйти из шахт, я сейчас точно сказать не могу» (л. д. 50).

Об выживании коммунистов показывает и свидетель Пономарев:

«Выдвиженец ВКП(б) Очередниченко был стажером на бремсберге № 1, которым заведывал техник Васильев. Фактически Очередниченко был представлен месячный отпуск и когда он возвратился, то на его место был назначен, кажется, техник Беленко, точно не помню. Таким образом Очередниченко остался без места: Костенко направил его в один из бремсбергов диагонала, которым заведывали Батин и Николаенко. Но и здесь почему-то его не приняли. Тогда Костенко об'явил ему, что оставляет своим помощником. Вообще же помощниками зав. горными работами, в данном случае Костенко являлись все заведующие участками шахты. Следовательно, Очередниченко, не являющийся зав. каким-либо участком, не мог быть помощником Костенко и последний оставил его своим помощником с целью сгладить факт оставления Очередниченко без места» (л. д. 71).

Отношение к рабочим.

Одновременно проводилась система возбуждения рабочих искусственным снижением их заработка; об этом также показывают многочисленные свидетели.

Рабочий **Широков** показывает:

«Недоплата рабочим заработка по шахте № 2 существует, как система. Костенко систематически без всякого согласования с КРК увеличивал норму вагонщикам литера «б» с 18 до 25 вагонов. Вследствие этого и расценка с 17 коп. от вагона понижалась до 12½ коп. На этой почве всегда возникали конфликты, разрешающиеся в пользу рабочих. Из каких соображений Костенко увеличивал норму — я не знаю» (л. д. 77).

О возмутительно-небрежном отношении этой группы к вопросам личной безопасности рабочих, что также входило в систему вредительства, показывает целый ряд рабочих. Так, запальщик **Володин** показывает:

«Работаю я на шахте № 2 в качестве запальщика с 1924 г., с тех пор и до середины 1927 г. я, как и другие запальщики, с ведома участковых техников, я всех не помню, но с ведома всех и последнее время с ведома зав. шахтой—Нащивочникова и зав. горработами Костенко, и по их распоряжению, производилось паление бурок во время крутильных смен и, особенно, в центральном литере—от такого паления, мне известно, что в литере прошедшим летом этого года угорел рабочий Ключинский, ходовщик шахты № 2, он был выдан из шахты на гора, второй раз при палении в 9 бремсберге угорело трое крутелей,—я их не знаю,—я лично считаю, что паление во время крутки опасно для жизни, но нам приказывали палить и мы безоговорочно палили, так как это вошло в систему» (л. д. 79).

Беленко.

Особо возмутительный случай имел место в деятельности заведывающего проходкой шахты им. Красина—**Беленко,** который послал на подрывные работы заведомо пьяного рабочего-запальщика, неквалифицированного, в результате—смерть рабочего, погибшего от взрыва.

Рабочий **Антипов** показывает об этом случае следующее:

«В день несчастного случая 13/IV—27 г. я, Антипов, спускался с Кореньковым на одной бадье в проходку для того, чтобы отнять шлангу, а Кореньков спускался заряжать бурки, следом за ним спускался в шахту десятник Толмачев. Я заметил, что от Кореньков сильно несло водкой, я, Антипов, сказал Кореньковy, что: «Ты еще не проспался, несет водкой, а едешь палить», Кореньков ответил: «выпил бутылку но я палил и не такой, был случай—не помнил как палил». О том, что Кореньков пьяный я заявил Толмачеву уже в самой шахте, когда заряжались бурки. Толмачев пожал плечами и ничего не ответил, с одной стороны было уже поздно, так как бурки заряжались, а с другой стороны, по моему мнению, Толмачев ничего не мог сделать, так как Беленко никого не слушал и хорошо знал, что Кореньков ненормальный. После я из шахты вылез, за мной следом выехал Толмачев. Могу сказать, что Кореньков пил сильно, был настоящим алкоголиком,

однажды, пропил спецодежду и долгое время не выходил на работу. Перед несчастным случаем также запил Коренков и за 13 дней сделал только 2 упряжки. Беленко В. И. отлично знал, что Коренков алкоголик, не раз при мне, Антипове, Беленко говорил Коренкову: «Иди похмелись и приходи работать». Коренков, вообще, неспособный запальщик, неоднократно в шурфе при палении застревал и вылезал или выезжал под выпалами. О том, что Коренков неспособен, технику Беленко, заявляли и десятник Толмачек и др., и техник Беленко от должности запальщика Коренкова отстранил. Считаю, что сейчас в смерти Коренкова виноват только техник Беленко, так как Беленко отлично знал Коренкова, как неопытного и алкоголика» (л. д. 164).

Антонов.

История с Коренковым чрезвычайно характерна, однако, не только в начальной своей стадии, до катастрофы, но и по дальнейшей судьбе всего дела и по содержанию переписки между различными органами ДГРУ, которая по этому поводу имела место. Дело о несчастном случае поступило на расследование Шахтинского Отдела ОГПУ, который, допросив целый ряд свидетелей, установил наличие со стороны **Беленко** явного нарушения элементарных требований правил техники безопасности, арестовал **Беленко** и привлек к ответственности по обвинению в халатном отношении к своим обязанностям. Тогда за своего работника вступилось местное инженерство. Представители горного надзора во главе с Антоновым дали техническое заключение, в котором указывают, что несчастный случай произошел по вине самого погибшего и, во всяком случае, без вины со стороны **Беленко;** с другой стороны, что сам Коренков, согласно акту технического заключения, являлся-де весьма опытным запальщиком, в доказательство чего заключение приводит факт необычной ловкости Коренкова, когда, однажды, он сумел выпрыгнуть из одной бадьи в другую во время под'ема из шахты, когда бадье грозила авария. Эти явно несоответствующие истине утверждения, были подписаны представителем горного надзора **Антоновым.** Так как, однако, **Беленко** продолжал содержаться под стражей, тот же **Антонов,** на обязанности которого лежало наблюдение за проведением правил техники безопасности, созвал совещание ИТС Шахтинского округа, где поставил на обсуждение вопрос о бойкоте всякого из членов секции, который позволил бы себе занять место арестованного **Беленко.**

Более выпуклого примера полного извращения **Антоновым** своей роли, как представителя горного надзора, и тесной своекорыстной спайки, которая существовала среди техников против горнорабочих,—трудно себе представить. Лишь благодаря настойчивости органов ОГПУ дело о **Беленко** все же не заглохло, было направлено в суд и не дошло до судебного рассмотрения лишь вследствие того, что было приобщено к возникшему к этому времени настоящему делу.

Однако, показания рабочих не ограничиваются приведенными выдержками из протоколов допросов, нет почти ни одной области в производстве, где бы рабочие конкретно ни указывали следствию на конкретные случаи вредительства и на определенных виновников его.

Уличенные этими показаниями обвиняемые были вынуждены признать свою вредительскую работу.

Калганов сам о себе.

Главный инженер Донецко-Грушевского Рудоуправления **Калганов** следующим образом показывает о произведенном под его руководством вредительстве на рудниках ДГРУ:

«Перехожу к изложению технических способов и приемов причиненного нами вреда:

Сократие ценных участков:

1. Был скрыт, вернее, задержан, выемной участок лит. «Б» шахты «Пролетарская диктатура», сделано это по моему заданию Зав. шахтой Бабенко;

2. На шахте им. Воровского задержан разработкой второй пласт, это сокрытие или задержка начата Березовским, выполнено мной через Заведывающего шахтой Гаврюшенко:

3. На шахте им. Кры,ленко задержана откачка воды из нижних работ, чем задержалась выемка ценного 2-го пласта. Сделано это по моему приказанию при помощи главного механика Башкина;

4. Березовский дал мне задание не поднимать вопроса о Бессергеневке, она на учете у нас даже и не состояла. По сведениям Березовского, там имеются выгодные участки пластов.

Упомянутые мной и задержанные разработкой первые три участка могли давать 12 или 13 миллионов пудов угля в год, задержаны они были на срок от двух до трех лет. Государство не получило угля от 25 до 30 миллионов пудов лучшего угля. Об'ективные условия и все возможности для своевременного пуска этих шахт были налицо.

Пуск в ход нерентабельных шахт:

1. По распоряжению Березовского и Боярщинова пущена была шахта «Красненькая», она явно нерентабельна, это было известно, уголь был худшего качества, условия разработки дорогие, себестоимость на две коп. дороже. Пущена моим приказом Заведующим Андреем Колодубом, на нее затрачено тысяч до ста;

2. По распоряжению Березовского и по моему приказанию была пущена в ход шахта Покровская, им. Землячки, при таких же условиях, как и шахта «Красненькая», затрачено на нее также до 10.000 руб. Шахта Покровская еще до революции Ропитом была заброшена из-за невыгодности.

3. Также, по распоряжению Березовского, и по моему приказанию, была пущена шахта быв. Слатина, ныне им. Фрунзе, шахта явно нерентабельна, вследствие дороговизны выемки угля; затрачено было на нее 120.000 р.

4. По распоряжению Березовского и по моему приказу пущена была шахта «Таврo» б. Таганрогского О-ва, последним брошенная. Шахта явно нерентабельна, вследствие тонкости пласта, крепости зарубки, качество угля плохое. Затрачено на нее было тысяч 80, работала она только до двух лет. Ныне она опять брошена. Заведывающие шахтой очень часто менялись.

Ко всем этим шахтам хозяева интереса, конечно, не могли проявлять и, в случае возвращения, вряд-ли упрекнули бы нас за пуск этих шахт. Ущерб от пуска этих шахт заключается в отвлечении государственных средств от использования их на шахтах выгодных.

Неправильное использование механизмов.

1. Установка несоответствующих сортировок, вследствие чего они часто ломались и, кроме того; портили качество угля. Во время их ремонта рядовой антрацит валился в отвал, для пересортировки которого приходилось ставить дополнительные рабочие руки, что ложилось на себестоимость. Это имело место: а) на шахте Воровского, б) на шахте им. Пролетарской диктатуры.

Делалось это по уговору с заведывающими шахтами Гаврюшенко и Бабенко. Все это резко понижало качество угля и загружало транспорт перевозкой некоторого процента пустой породы в угле. Была полная возможность и финансовая и техническая, иметь надлежащие сортировки и притом в надлежащем состоянии. На сортировки отпускалось до 100.000 р. в год, что вполне достаточно;

2. Энергия Рудоуправления была централизована, действовала турбинная установка, дававшая электрическую энергию для всех рудников Рудоуправления. Установка состояла из двух турбин по 1.000 кв. каждая, одна рабочая, другая запасная. Поломка второй турбины произошла в 1.924 р., механиком тогда был Чернокнижников, заменивший Башкина, ушедшего на Власовку. Порчи турбины можно было избежать, если бы была урегулирована нагрузка, но этого не было сделано умышленно сначала Башкиным, а потом Чернокнижниковым, произведено это было по моей директиве. В результате турбина совершенно вышла из строя, и ее пришлось отправить в ремонт в Ленинград. Это заставило брать энергию с Власовки, что для последней то время было тяжело.

3. Вредительство проявлялось и в применении врубовых машин; машины по своей системе должны соответствовать твердости пласта для работы, на котором они установлены; сознательно допускалась в отношении машин Джефри установка их на твердых пластах, что влекло за собой быстрое изнашивание машин и неудовлетворительную их работу; я об этом ставил в известность Горлецкого, но он из 17 машин забрал только две машины, несмотря на то, что я писал об этом Березовскому официально. С моей стороны, конечно, было сознательное попустительство, ибо я знал для чего это все делается и имел возможность самостоятельно пресечь это, просто прекратив работу этих машин. Я не сделал этого, ясно понимая, что такое применение машин есть один из методов вредительства. Это имело место почти на всех шахтах. Все заведывающие все это знали, так как о действительной цели установки неподходящих машин я им говорил при

посещении шахт. Всего на рудоуправление работало до 50 таких машин, каждая машина с принадлежностями стоит 10.000 р. Старые хозяева врубовых машин не применяли; правильная установка и работа врубовых машин дает громадный экономический эффект, рубль на тонне или на пуде 1—1½ коп. Врубовые машины требовали постоянного ремонта, однако, от Отдела механизации Донугля исходила директива Горлецкого относительно машин Джефри ремонта не производить, а это влекло за собой вывод машины из строя, что имело место.

4. Общая система горной работы заключалась по плану вредительства в стремлении делать как можно больше подготовительных работ, в целях создания ценностей для будущих хозяев. К таким действиям я отношу углубление уклонов с запасом на шахте Пролетарской Диктатуры. Я дал директиву заведывающим делать это по всем шахтам.

19-й ход на шахте Окт. Революции, предназначавшийся для механической откатки и пройденный поэтому с дорогим креплением, остался неиспользованным по моей директиве, которую выполнял заведывающий шахтой **Самойлов.**

5. Кроме перечисленных методов вредительства менялся еще один способ: на рентабельных шахтах умышленно разрабатывались пласты не ценные, что искусственно понижало рентабельность шахты; это имело место на шахте Октябрьской Революции, где по моему приказанию был пущен Самойловым рыхлый пласт» (л. д. 24—25).

Самойлов сам о себе.

Заведывающий шахтой **Самойлов** еще точнее показывает о произведенном им вредительстве:

«Вредительство проявлялось и осуществлялось мной сознательно. Главные об'екты вредительства: 1) механизмы, 2) продукция, 3) горные работы, 4) рабочие, 5) врубовые машины.

1. Механизмы: а) турбина электрической станции, питавшей энергией все ДГРУ, была выведена Чернокнижниковым из строя умышленно и притом, с моего ведома, сделано это было путем создания неправильной системы обслуживания и турбины и кочегарки. Сделано это было в 1923 г., или в 1924 г. Калганов знал, что порча неизбежна при такой системе обслуживания.

б) Котельное хозяйство при электрической станции было ослаблено благодаря отсутствию своевременного ремонта, и необращения внимания на качество воды. Причины, вызвавшие ослабление можно было устранить. Это произошло в течение 1923 и 1924 г.г. сделано это было сначала Чернокнижниковым и закончено механиком **Андреевым,** с моего ведома, Калганов также знал об этом. механики сделали это по указаниям Калганова;

в) Резервный мотор Чернокнижниковым умышленно не ремонтировался, это было в 1923 г. при Чернокнижникове и в 1924 г. при Андрееве. Отсутствие резервоного мо-

тора грозило в случае порчи основного мотора частичным затоплением шахт. Сделано это с моего ведома, знал об этом и Калганов, ибо по его распоряжению мотор и был переброшен на шахту им. Крыленко.

г) На вверенной мне шахте не ремонтировалась золотниковая коробка подъемной машины, вплоть до 1927 г.; отсутствие ремонта грозило сокращением добычи; это отсутствие ремонта произошло по моей вине и по вине механика Андреева, сделано это было и мной и Андреевым сознательно. Отремонтировать было не трудно. Знал об этом и Калганов.

д) На вверенной мне шахте не были установлены предохранители для копровых штивов, вследствие чего постоянно угрожало падение клетки в шахту, установка имела место только в 1927 г.; сделано было мной, Чернокнижниковым, Петровым и Андреевым, сознательно. Калганов также знал об этом.

2. Продукция: а) сортировки находились в неудовлетворительном состоянии, своевременного ремонта им не производилось. В результате уголь или обесценивался или своевременно не пересортировывался, убытки от этого получались значительные. Это имело место в течение всех семи лет моей службы, делал я это сознательно, моими соучастниками в этом деле были Чернокнижников и Андреев; они в этом содействовали мне сознательно. Об этом знал и Калганов, но мер не принимал. Ремонтировать сортировки своевременно труда не представляло;

б) начиная с 1922 г. по 1927 г. (с некоторыми перерывами) мной допущена была выдача низкосортной части пласта, которая до революции забрасывалась, это увеличивало количество угля и понижало его качество. Делал это я с Петровым умышленно по заданиям Калганова;

в) накомпляющиеся запасы непересортированного угля отправлялись потребителям. Делалось это в 1924 и 1925 г.г., мной по заданиям Калганова. В результате потребитель получал уголь пониженного качества.

3. Горные работы: а) прохождение хода № 19 и бремсберга № 19 произведено было умышленно нецелесообразно, так как полная их ненадобность была очевидна. Совершенно даром было выкинуто тысяч 10 рублей. Началось это в 1924 году, кончилось в 1925 г. Сделано мной лось это в 1924 году, кончилось в 1925 г. Сделано это мной умышленно, совместно с инженером Петровым по заданиям Калганова, который понимал ненужность работы;

б) Наоборот, нужный бремсберг № 27 проведен был умышленно с большим опозданием и вследствие этого наполовину потерял свое значение. Сделано это было мной, начиная с августа 1926 г. по июль 1927 г. Калганов об этом знал. Работу производил К. Колодуб.

в) Умышленно не поддерживался ход № 16 к уступу за тем же номером, что вызвало завал хода. Это имело место в 1924 г., сделано мной умышленно по инициативе Петрова.

г) С ведома и поощрения Калганова было задержано прохождение центрального уклона, что нарушало нормальное соотношение между подготовленными работами и работами эксплоатационными и именно это причиняло и затрудняло возможное развитие шахты. Сделано мной и Петровым сознательно. Это имело место с 1920 по 1923 г.

д) Начиная с 1926 г. я по заданиям Калганова начал восстанавливать разработку рыхлого пласта. Это было делом заведомо невыгодным. Сделано мной сознательно.

4. Врубовые машины: а) на шахту машины через Рудоуправление поступали сверх нужды, целиком не использовывались, машины сплошь и рядом устанавливались в неподходящих условиях, я это знал и мер никаких не принимал. Это имело место особенно в 1926 и 1927 г.г.;

б) мне было известно, со слов Гарлецкого, что врубовые материалы устанавливаются в таком количестве и таким способом с той целью, чтобы старые хозяева по возвращении могли получить ценное оборудование, которого раньше не было. Разговор имел место в 1927 г. в здании электрической станции. На таком размещении постоянно настаивал и Калганов.

5. Рабочие: Вредительная деятельность ставила одной из своих задач—понижение политического настроения части рабочих. Это производилось следующими главнейшими способами:

а) Людей оставляли в тяжелых условиях труда и быта, там где была возможность улучшить материальные условия без ущерба для производства, этого не делалось рабочие сознавали эти возможности и роптали; это не было постоянным явлением, но поскольку я в своих показаниях стремился чистосердечно выявить все отрицательное, я не могу не коснуться и этого обстоятельства. В отношении коллективных договоров все время велась линия как можно дальше оттянуть проведение их в жизнь. В результате отсутствовала достаточно четкая регламентация условий труда, что создавало постоянную почву для конфликтов. Могу сказать, что это была политика Калганова. Все это в отдельные моменты у отдельных рабочих вызывало нареканиия и на советскую власть и на ВКП(б)» (л. д. 17—19).

Признание Бабенко.

Не менее конкретно и согласно с предыдущими показаниями излагает и бывш. зав. шахтой № 2 **Бабенков:**

«На шахте № 2 главными и основными об'ектами моей вредительской деятельности были следующие:

1. В области механизации: По заданиям Калганова, получаемые на шахту врубовые машины мной ставились в такие условия работы, когда, с одной стороны, они должны были быстро изнашиваться, а с другой стороны, не давать должной производительности. Это достигалось тем, что врубовая машина ставилась на уступы неподходящие по своим природным условиям для работы врубовыми машинами и на ненадлежащей длины уступы (очень длинные уступы). Такое отношение к врубовым

машинам привело к тому, что из шести машин, имевшихся на шахте, две машины всегда находились в ремонте и в бездействии. Помимо неправильного использования врубовых машин, последние, требующие за собой постоянного и неуклонного наблюдения и ремонта, оставались без должного наблюдения, ремонтировались небрежно, при чем ремонт обычно затягивался на длительное время. В неправильной установке врубовых машин, неправильном их использовании, небрежном их ремонте сознательно принимал участие и инструктор по врубовым машинам Рудоуправления Никишин Михаил Ефремович, который также входил в организацию.

2. В области сортировки: а) по заданиям Калганова на шахте № 2 мной совместно с главным механиком Рудоуправления Андреевым сознательно была установлена механическая сортировка с малой производительностью, не могущей охватить всю добычу шахты, что привело к уменьшению производительности шахты, примерно, на 10%. Эта сортировка была закончена установкой в 1927 г., заменив старую сортировку, пришедшую в полную негодность. Для установки действительной, вполне отвечающей требованиям шахты № 2, сортировки имелись все возможности и средства;

б) по отношению к продукции—новая сортировка в силу ее малой производительности и постоянной перегрузки, сильно ухудшала качество угля, неправильно разделяя по маркам.

3. В области горной работы: а) лучшая часть пласта шахты № 2, находящаяся в восточной части лит. Б по заданиям Калганова сознательно мной задерживалась разработкой и, таким образом, на шахте разрабатывалась худшая часть пласта. Разработка этой восточной лучшей части пласта не была произведена до последнего времени, т.-е. была задержана в течение четырех лет. О задержке разработкой этого пласта должен был знать и Горлецкий, который сам мне, будучи в 1924 г. в шахте дал совет не разрабатывать этого пласта, а сохранить его. Уже в 1927 г. мной для выполнения полученных директив и с целью сохранения этого пласта был остановлен проходкой бремсберг № 1, который подготавливался для разработки этого пласта. В сохранении всего восточного поля помимо меня принимал участие и входящий в организацию Нашивочников;

б) По заданиям Калганова мной сознательно был отремонтирован бремсберг № 5, в то время, когда его ремонт был излишен, на этот ремонт было затрачено 2 или 3 тысячи рублей.

в) Разработка уступов в механизированном участке лит. Б велась неправильно, устанавливалось неправильное крепление, производились длинные уступы, задерживалась подрывка ходов, что приводило к частым завалам уступов. В этой вредительской работе принимал помимо меня участие и Нашивочников.

4. В области рабочего вопроса: По заданиям Калганова и как общая линия инженерно-технической секции пре-

проводился сознательный нажим на политическое настроение рабочих с целью вызывать с их стороны недовольство советской системой. Это входило в план общей вредительской деятельности. Выражалось это в форме установления неверных расценок, задержки зарплаты, невыполнения коллективного договора, несоблюдения правил по технике безопасности и т. д. Все эти мероприятия и приводили к тому, что среди рабочих наблюдалось возбуждение и недовольство. На отдельных участках работы имели место и частичные забастовки. За свою вредительскую работу по шахте № 2 я от Калганова за все время получил тысяч девять (9.000). Из этих денег я тысячи две роздал другим лицам за выполнение моих заданий. Деньги я им выдавал под разным предлогами, так как эти лица в организацию не входили.

Когда я перешел на работу в качестве пом. зам. горными работами Рудоуправления, моя вредительская работа сосредоточилась в области механизации, которой я непосредственно ведал. Вредительскую работу я проводил совместно с инструктором Никишиным.

Одним из основных актов вредительства с моей стороны по должности пом. завед. горными работами является забракование крематоровской врубовой машины (машины советского производства), присланной на испытание на шахту Пролетарской Диктатуры. Для того, чтобы ее забраковать эта машина была мной умышленно поставлена в ненормальные условия работы, где она не могла показать действительного своего качества и своей действительной производительности. Несмотря, однако, на такие условия работы, машина проработала месяц без поломки и дала хорошую производительность, тем не менее выполняя данные мне директивы я составил акт, что она для работы не годна, что она испытания не выдержала и, таким образом, машина с работы была снята. Все это я выполнял по заданиям Калганова, от которого я знал, что это директива Горлецкого. Помимо меня в забраковании машины принимали сознательное участие Никишин и Нашивочников.

Помимо краматоровской врубовой машины, мной умышленно по заданиям Калганова и при участии Нашивочникова тормозилось введение в работе скрепера системы Лунценко—рабочего, члена ВКП(б), инструктора Донугля. Скрепер Лунценко после того как был пущен в работу, дал блестящие результаты, увеличив производительность по доставке антрацита из уступов по 40%. Приемку скрепера Лунценко мы тормозили месяца четыре, нанеся этим значительный материальный ущерб, при чем пригодность скрепера нам была ясна после первого же его испытания. Вообще мы, я, Бабенко, Нашивочников, Костенко, Васильев и другие техники были настроены против механизмов советского производства и против изобретений рабочих. Это настроение поддерживалось ИТС, а затем прямыми директивами Калганова, которые он давал техникам членам вредительской организации.

За свою вредительскую работу по должности пом. зав. горными работами Рудоуправления, примерно, за год своей скужбы я получил около тысячи рублей».

Признание Чернокнижникова.

Главный мехник ДГРУ **Чернокнижников** о своем вредительстве показымает следующее:

«1-го декабря 1921 года я был переведен в ДГРУ на должность главного механика Рудоуправления. Моим начальником там все время был Калганов. Электрическую станцию я там застал в чрезвычайно запущенном состоянии, машины и котлы были в таком виде, что нельзя было быть уверенным в благополучной работе станции. До меня главным механиком был Башкин. Месяца через четыре после моего перехода в ДГРУ в апреле 1922 года я имел разговор с Калгановым и указал ему на невозможное положение станции «Пусть работает до конца, а если машины станут, то мы будем правы». В то время Калганов имел в виду передать ремонт машин ЭТЦР[1]), но переговоры велись очень медленно, думаю, что умышленно медленно. Так мы работали с перерывами и задержками до 1923 года, когда ЭТЦР приступил к ремонту машин, В 1922 году у меня уже сложилось убеждение, что существует вредительная организация, это убеждение основывалось не только на тех фактах, которые я изложил в настоящем показании, но и на последующих событиях я заметил (это было в 1922 году), что тягательная машина работает очень неисправно (на шахте Окт. Револ.). Ознакомившись с работой машины, я понял в чем дело: машина умышленно перегружалась вагонетками, машина была пущена явно с намерением превысить рассчитанную мощность ее; грозил даже срыв машины с фундамента; я тотчас же сказал об этом заведывающему рудником Самойлову, но он усмехнувшись, ответил мне: «Вам то, Степан Ефимович, что, Вы о чем заботитесь». Сказано это было тоном, не вызывающим сомнений; это было летом 1922 г., а в 1923 г. Самойлов передал мне в марте мес. 6.000 руб. или 8.000 рубл. дензнаками 22 г. Весной 1923 г. сын Калганова (мальчик) принес мне мешок, в нем были ботинки детские и отрез сукна; мальчик этот мне сказал, что у папы есть еще деньги для меня, но папа—мол, передаст их сам.

Припоминаю, что на другой день утром он мне прислал тысяч пять или шесть дензнаками. Через день или два я, встретившись с Калгановым в конторе у Самойлова, спросил, что это за деньги, но он мне махнув рукой, сказал: «получайте». Больше он мне ничего не сказал. Мне было понятно, что деньги эти выдаются либо за мою вредительную работу, либо за умолчание о тех неполадках, которые я замечал. О происхождении, вернее, об источнике этих денег я не задумывался.

Во время ремонта турбины я замечал, что этот ремонт производится неправильно и даже делал некоторые указания производившему ремонт инженеру Морозову; после пуска машины было обнаружено, что ремонт, дей-

[1]) Электрический трест центрального района.

ствительно, произведен неправильно, так как машина продолжала вибрировать, я это предвидел во время ремонта уже, но никаких решительных мер я не принял; в результате машина вышла из ремонта не вполне исправной. Мы пытались устранить это дрожание, но оно осталось.

Как я уже указывал, мне было ясно вредительское направление и моей деятельности и деятельности других лиц, мне было ясно существование определенной организации задачи которой я так или иначе осуществлял; участие мое, однако, вызвано было, главным образом, вследствие зависимости моей от вышестоящих лиц, также участников организации» (л. д. 36—37).

Никишин.

О том, как препятствовали вредители проводимой механизации процесса выработки угля показывает член организации инструктор по врубовым машинам **Никишин:**

«Когда я приехал, то я нашел там только четыре машины, из коих две были в шахте, а две на поверхности. Условия для работы машин были самые неподходящие, даже невозможные. Я хотел принять меры к устранению всех причин, мешающих правильному применению врубовых машин, но Калганов и Самойлов дали мне понять что это их не интересует. Им было важно лишь бы продолжать установку машин, а в каких они условиях работают это им было—неважно; а при тех условиях машины не могли дать ни рационализации работы, ни удешевления ее.

Эти вредные условия заключались: 1) в искривлении забоев, 2) в недостаточной длине забоев, 3) верхняя порода была неустойчива и опасна как для машины, так и для врубовой бригады.

В этих условиях машин применять нельзя, их надо было устанавливать в более подходящих местах, иначе машины портились и не могли работать производительно.

На дальнейшие мои замечания Калганов и Самойлов по прежнему не обращали внимания; 1925 г. прошел незаметно. В 1926 г., начиная с апреля месяца врубовые машины начали поступать большими партиями разных заводов и систем. Первая партия в 15 штук производстве американского завода Джефри. Всего таких машин в Донбасс поступило 30 штук и 60% было забраковано в ДГРУ. И в дальнейшем ДГРУ из всех рудоуправлений получало врубовых машин больше чем все другие рудоуправления. Машины Джерфи не были пригодны для наших условий, для зарубки по твердым прослойкам. Кроме того, машины приходили без запасных частей, которые быстро изнашиваются; к тем же частям, которые изнашиваются медленно, запасные части были присланы в избытке. В результате, в случае поломки или износа какой-либо части годная машина выходила из строя, а это давало повод требовать закупки новых машин. Обэтом я неоднократно говорил и Калганову и Горлецкому, но ответа по существу от них я не получал; Горлецкий говорил только одно, что от меня требуется установить как можно больше

машин, а насчет правильного их использования ничего не говорил.

Машины, по распоряжению Калганова устанавливались в таких местах, где они никакой пользы принести не могли. Я снова об этом говорил Горлецкому, когда приехал в Харьков, но он иронически мне сказал: «Несмотрите на это, как смотрят товарищи, ясно подразумевая под словом «товарищи» коммунистов и, вообще советски-настроенных людей. Этот разговор имел место в 1926 г., тогда мне вредительская цель таких инструкций стала вполне ясной, мне также стало ясно, что это проводится сверху, что внизу Калганов это осуществляет через меня. Мне ясно стало, что и все заведывающие шахтами за одно, ибо ни один зав. шахтой, хоть сколько-нибудь понимающий в деле и желающий добросовестно работать, никогда не допустил бы такого применения врубовых машин, ибо они при правильном их использовании дают очень большой производственный эффект. Тем временем мне начали повышать вознаграждение. В течение периода времени с 1924 по 1-е января 1928 г. вознаграждение мне было повышено до 300 р. в месяц; прибавки эти делались официально, в виде повышения заработной платы, других видов вознаграждения (за исключением премиальных) я не получал» (л. д. 54).

Нашивочников (бывший помощник у Бабенко) дает чрезвычайно конкретные показания о проведенном на шахте им. Пролетарской Революции вредительстве: Нашивочников.

«Во время моей службы на этой шахте имел место ряд событий, которые я считаю для производства вредными.

1. О разработке целика между литерой Б и диагоналом № 2.

Это целик, находящийся в центре расположения шахтного поля и имеющий по простиранию километр, разрабатывался только со стороны литеры «Б», т.-е. с восточной стороны, западная сторона не разрабатывалась. Мной было предложено в конце 1926 г. заведывающему горными работами Рудоуправления Теркалу и его помощнику Бабенко приступить к разработке этого поля со стороны диагонала № 2, т.-е. с западной стороны. Мой проект облегчил бы выемку этого поля сокращением откаточных ходов и увеличением пропускной способности откатки по диагоналу № 2; кроме того, разработка этого поля со стороны диагонала № 2 дала бы возможность подать достаточную вентиляционную струю к намеченному рудоуправлением десятому бремсбергу. Проект мой был вполне выполним, средства потребовались бы минимальные, экономический эффект был бы значителен, ибо хода были бы укорочены на 50%, короче говоря, мой проект облегчил бы в дальнейшем возможности всесторонней разработки пласта, в котором залегал хороший антрацит. Бабенко в частной беседе одобрил мой проект, но когда он обсуждался официально у Главного инженера Калганова, то последний решительно и категорически отклонил мой проект без мотивировки, Бабенко же меня не поддержал. Этот факт

надо рассматривать как действие вредительное, но тогда мне такая мысль в голову не пришла.

2. Относительно задания десятого бремсберга. Калганов и вообще весь горный отдел Рудоуправления в 1927 г. дали задание провести десятый бремсберг, без обеспечения его вентиляцией. На это я обратил внимание Рудоуправления в лице Бабенко, Теркана и Калганова, возражая против несуразности их проекта, но окончательного ответа я не получил. В результате работы по подготовке прохода десятого бремсберга отстали на несколько месяцев, а отсюда несвоевременное развитие эксплоатационных работ.

Этот факт по существу своему является вредоносным, но я тогда не задумывался об этом.

3. Относительно врубовых машин «Джерфи». Слабые машины Джерфи присылались в чрезмерно большом количестве для работы на таких пластах, на которых они неизбежно должны были очень быстро изнашиваться, ибо конструкция машины не соответствовала крепости пласта. Это поступление машин имело место, начиная с 1926 г. О недостатках, или вернее о несоответствии, этих машин местным условиям я неоднократно докладывал Калганову на технических совещаниях, рассказывал Бабенко и Никишину. Ответ был один «других машин нет». На соседней шахте Ропит, где угли более слабые и где, следовательно, машины Джерфи вполне применимы, машины эти почему-то тогда не устанавливались, а поступили уже значительно позже, когда на смену машинам Джерфи начали прибывать машины марки Сюлливан.

Этот факт нельзя даже назвать вредительством—это форменный вандализм, нельзя так относиться к таким ценным машинам. О смысле этого вредительства я тогда не задумывался.

4. О сортировках. Старый агрегат сортировки, совершенно износившийся, требовал немедленной смены и поддерживания частыми ремонтами. Параллельно ему при заведывании Бабенко, начали ставить новый агрегат, каковой с уходом Бабенко пришлось дооборудовать мне. При пуске этого агрегата в работу выяснилось, что сменная производительность его около 12.000 пудов, в то время когда для работ данной шахты требуется аггрегат сменной производительностью в 20.000 пудов. В конструкторском Бюро я выяснил точно, что при Бабенко этот аггрегат был рассчитан на 10.500 пудов, что является несообразностью. Таким образом, совершенно неосновательно было сооружен явно неподходящий для шахты аггрегат.

Это факт (факт установки) является действием явно вредительским, это было в 1926 и в 1927 г.г.

О смысле этого вредительства я тогда не задумывался, хотя говрил на технических совещаниях, где присутствовал и Калганов. Калганов же отвечал, что мы-де, не умеем работать. Вздорность этого возражения была очевидна.

5. О длине забоев механических уступов.

Еще при Бабенке получен был из Рудоуправления план разработки западного поля литеры «Б» длинными уступами по 40 метров. При развитии этих работ эти уступы привели к частым осадкам, а это вызывало нарушение работы. Вызывалось тем, что были длинные уступы и медленное продвижение их. Кроме того, была и другая несуразность, которая выявилась в невозможности в ручную погрузить и откатить в вагонетки все количество угля уступа.

Первоначальные мои меры заключались в старании удержать уступы частичной забуткой породы, клетями и органной крепью, но удовлетворительных результатов это не дало. Я неожиданно получил распоряжение от Бабенко задать нижележащий 110-й уступ в 30 саж., что меня окончательно поразило; на мои возражения как Бабенко, так Теркану и Калганову, о невозможности работать такими уступами при их медленном продвижении, я получал реплики такого рода, что мы, якобы, не умеем еще работать. Я подал на имя Калганова официальную записку о рассечке вышеозначенных уступок откосными штреками и получил ироническое замечание в ответ.

В результате уступы выходили из строя и получались недостачи механической добычи» (л. д. 66—69).

Петров сам о себе.

Чрезвычайно яркой фигурой является другой вредитель инж. **Петров**, состоявший пом. зав. шахтой «Петропавловской». Сами вредители называли его «классическим саботажником» (показания Самойлова). Это свое прозвище Петров принимал без всяких протестов, «что об'ясняется»,— как показывает Петров,— «упадочным отношением к делу» (?) Постоянно разглагольствуя при всяком удобном случае о близком, якобы, падении сов. власти, распевая в домашней обстановке вместе с товарищами царский гимн (что он сам подтвердил). За постоянные недоразумения с рабочими Петров был принужден перейти на другую работу. В процессе следствия **Петров** хотя признал свое участие во вредительской организации, но признал себя виновным лишь в «общем характере пред'явленных обвинений». Конкретно, **Петров** подтвердил следующие факты из своей вредительской деятельности: начиная с 1922 г. по 1927 г. **Петров**, вместе с **Самойловым**, по заданиям **Калганова** допускали выдачу низкосортной части пласта, которая до революции забрасывалась. Это увеличивало количество угля и понижало его качество. Петров это делал умышленно, вместе с **Самойловым**. В 1924 и 25 г.г. **Самойлов**, совместно с **Петровым**, по заданиям **Калганова**, умышленно провели ход № 19-й и бремсберг № 19-й нецелесообразно, на что совершенно даром было выкинуто тысяч 10 рублей. В 1924 году **Петров**, вместе с **Самойловым**, умышленно не поддерживали ход № 16 к уступу, за тем же номером, что вызвало завал хода. С 1920 по 1923 год, с ведома и поощрения **Калганова**, **Петров** и **Самойлов** задержали прохождение центрального уклона, что нарушало нормальное соотношение между подготовленными работами и работами

эксплоатационными и именно это затрудняло возможное развитие шахт. Все эти факты **Петров** признал.

Рабочий **Емельянов** дает следующие показания о деятельности инженера **Петрова:**

«Инженера Петрова В. Ф., я знаю с 1920 года по шахте Октябрьская Революция и по руднику «Воровского»; мне известно, что Петров в процессе моей работы в период восстановления промышленности, работая на указанных шахтах проводил свою работу не в интересах восстановления, а проводил разрушительные действия, наносил материальный ущерб государству, как, например.

1. О постройке узкоколейки шахты «Воровского» на р. «Октябрьская Революция»: в 1920 г. Петров, будучи зав. шахтой им. Воровского, разработал проект постройки узкоколейки ж. д. для доставки угля с ш. Воровского на р. Октябрьская Революция с той целью, чтобы уголь грузился в ж.-д. вагоны, для отправки с шахты «Окт. Революция». Постройка производилась, точно припомнить не могу, но, кажется, чуть ли ни целый год, на постройку которой были затрачены колоссальные средства—узкоколейка после ее отстройки просуществовала всего не более 2 мес. и, ввиду невозможности доставки по ней угля, посредством силы волов и лошадей, для которых были приправлены вагонетки по 200 пудов, была заброшена, вагонетки валялись без присмотра, шпалы разбирались, вернее расхищались кем попало, таким образом, затраченный труд и колоссальные средства, оказались преступно выброшенными на ветер, тогда как в тот восстановительный период для государства дорога была каждая копейка.

2. О спуске леса в шахту «Октябрьская Революция» и его завалы в шахте: Мне также известно, что Петров, будучи зав. шахтой «Октябрьская Революция» в 1922 году умышленно направлял в шахту крепильный и лавичный лес, сверх требуемого количества, вследствие чего лес оставался, так как извлечь его оттуда не представлялось никакой возможности и на крупную сумму он погибал в шахте, один раз я лично спросил Петрова, «зачем вы излишний лес направляете в шахту, который не использовывается и пропадает на крупные суммы», он ответил: «Иди отсюда вон, или же я тебе дам в морду»; по этому вопросу я подавал заявления в Шахтком, но мер никаких принято со стороны Шахткома не было, лес излишний попрежнему в шахту направлялся и Петров попрежнему на замечания рабочих, последним давал также такой ответ как и мне. Кроме этого, в шахту направлялся строевой строительный лес, изрезанный на поверхности, в то время как в строительном лесе ощущалась большая нужда» (л. д. 48).

Антонов. Как уже указывалось в вышеприведенных показаниях членом организации был и пом. нач. горного надзора инж. **Антонов,** как осуществлявший контрольный орган.

Березовский, говоря в своих показаниях о составе организации указывает, что организация могла работать плано-

мерно только в том случае, если в число членов ее входил и представитель горного надзора.

На очной ставке между **Антоновым**, с одной стороны и **Березовским** и **Калгановым**,—с другой, оба последние снова подтвердили участие **Антонова** в организации, при чем **Калганов** показал:

«конечно, организация не могла бы задерживать выемки тех участков, кои были фактически задержаны, если бы Антонов осуществлял свои нормальные права надзора».

Точно так же **Калганов** подвердил и свои показания относительно получения **Антоновым** денег от организации:

«Из полученных от Березовского денег из суммы 20.000 р. мной инж. Антонову в продолжении 3-х лет, начиная с 1924 года, выдано было около 1.500 р., выдачи производились в моем служебном кабинете. Деньги давал за проявляемое им попустительство выемок целиков участков антрацита (показание Калганова на очной ставке)». (т. л. д. 100 об.).

О том, как относился к своим обязанностям **Антонов** показывает инженер Жалковский:

«Я ему поручил работу по расследованию несчастных случаев и, в связи с этим, наблюдение по технике безопасности», а на вопрос: находите ли вы нормальным то положение, что ни одного акта по несчастному случаю Антонов не реализовал в смысле привлечения к ответственности того или иного техника за нарушение правил безопасности, вызвавшее несчастный случай показал:

«нахожу ненормальным и об'ясняю тем, что Антонов, как представитель ИТС искал дешевой популярности» (л. д. 192).

Начальник Горного Округа инж. **Геладж** по поводу отдельных непорядков, допускавшихся Антоновым, показывает:

«При всякой проходке где употребляются взрывчатые материалы, необходимо иметь специальное помещение для хранения взрывчатых материалов, устроенное по существующим «правилам пользования взрывчатыми материалами». В специальном отделении этого помещения производится зарядка патрон. Пользование динамитным складом рудника «Воровского» ни в коей мере не освобождает от сооружения такого помещения на проходке им. Красина для временного хранения динамита в промежутках между отдельными выпалами в течение дня зарядки динамитных патрон.

Зимой такое помещение, тем более необходимо, что динамит от холода замерзает и в таком состоянии не может употреблен в дело, являясь крайне опасным: может от малого толчка или стука по детонации взорваться. Этот динамит должен быть оттаян. Оттаивание производится горячей водой, для чего в упомянутом помещении должно быть соответствующее приспособление. Оттаивание динамита от тепла печки ни в коем случае недопустимо... Антонов при своем посещении проходки Кра-

сина, обязан был обратить свое внимание на отсутствие помещения для хранения динамита и зарядки динамитных патрон, и принять срочно соответствующие меры записью в инспекторской книге, назначив определенный срок для этого и проверить выполнение»....

«Антонов, согласно наказу начальникам горным округов, должен был посещать каменноугольные шахты не реже одного раза в месяц каждую. В своих посещениях он должен был осматривать и подземные работы, тем более, что в то время техника безопасности лежала на горном надзоре. О каждом посещении он должен был сделать соответствующую запись в инспекторскую книгу... Непосещение шахт целыми месяцами является ненормальным.

«...в то время, когда на горном надзоре лежала обязанность по технике безопасности и необходимо было в некоторых случаях привлекать техников к ответственности за нарушение ее, то такое совместительство было ненормальным, так как Антонов, как представитель горного надзора должен был привлекать к ответственности техников, а как представитель ИТС должен был защищать тех же лиц» (л. д. 140 и сл.)...

«...существуют правила, коими предусмотрены определенные расстояния динамитного склада от ствола шахты, ближе коего склад ни в коем случае не должен быть допустим. Если такое положение существовало на шахте Петропавловской, то Антонов, как зам. нач. горного округа обязан был при своих посещениях обратить на это внимание и предложить устранить соответствующей записью в инспекторской книге. Заведующий шахтой также не должен был допустить этого.

«...в случае, если на шахтах Красненькая, Тагро, Слатина разрабатываются рыхлые угли не имеющие сбыта и, кроме того, поля их выработаны, затрачивать на восстановление этих разрушенных шахт большие суммы было нецелесообразно и даже бесхозяйственно. Антонов, как прдставитель горного надзора должен был обратить на это внимание и сообщить в Краевой Горный Отдел. О состоянии этих шахт он должен был знать».

...«Согласно инструкции Горный Округ должен точно знать все горнопромышленные предприятия, как действующие, так и остановленные на своей территории. В данном случае Антонов должен был выяснить вопрос о причинах их остановки или ликвидации и, найдя неправильность остановки, должен был высказать свое мнение перед Рудоуправлением и поставить этот вопрос перед Краевым Горным Отделом».

Наконец, **Геладж** показывает: «горный надзор, заметив несоответствие подготовительных работ темпу добычи, обязан высказать свое мнение перед Рудоуправлением и поставить соответствующий вопрос перед краевым Горным Отделом. Просматривая дела Горного Округа, до сих пор, я не заметил, чтобы такие вопросы ставились перед Горным Отделом» (т. л. д. 142).

Гораздо более внимательно и явно покровительственно Антонов относился к частному промышленнику Мансурову, арендовавшему один из лучших карьеров в Шахтинском округе:

Вот как об этом показывает районный техник Шахтинского Исполкома **Рябых Семен:**

«Сдача в аренду курьеров этим частникам была произведена Шахтинским Горным Округом в лице инж. Жалковского и Антонова. Мансуров арендовал самый лучший карьер в Шахтинско-Донецком округе, причем, по моему мнению, сдача карьера Мансурову незаконна. Этот карьер Мансуров арендовал с 1921 г. и срок арендного договора истекал в 1925 г. После районирования в 1924 г. Шахтинско-Донецкий округ перешел от Украины к Северному Кавказу. Жалковский, ещн пользуясь полномочиями УССР, сдал карьер в аренду Мансурову на территории Сев.-Кавказа. Хотя официально в договоре числится Жолковский, но я полагаю, что он заключен на выработанных условиях и под нажимом инж. Антонова. Я от имени Райисполкома дважды писал Мансурову раз'яснения, что сдатчик каменных карьер, на основании вышеуказанного декрета, Шахтинский Райисполком, а не Горный Округ, но инженер Антонов внушал гр-ну Мансурову не подчиняться Райисполкому, искажая закон, пытался лично ввести в заблуждение председателя РИК'а, т. Хабичева. По этому вопросу я неоднократно разговаривал с инж. Жолковским, который прямо заявил, что территория на которой находится Мансуровский карьер принадлежит Шахтинскому Райисполкому, а, следовательно, и сам Мансуров эксплоатирующий каменные карьеры должен подчиняться РИК'у. Но тем не менее, его помощник Антонов, всячески настраивал Мансурова и др. арендаторов Райисполкому не подчиняться, на что даже у Мансурова имеется от него официальное отношение. Вообще Антонов всегда противодействовал сдаче курьеров Госучреждениям и, однажды, мне прямо заявил, что он будет беспощаден по отношению государственных и общественных организаций, разрабатывающих карьеров. По этому вопросу Президиумом РИК'а мне было поручено обследовать Мансуровский карьер в смысле технической безопасности, так как от крестьян хут. Поповка Михайленко и Подгорного были жалобы. На месте я установил что были случаи, когда во время бурок камень летел на крыши крестьян что грозило человеческими жертвами.

Антонов же обследуя этот карьер с той же целью с какой и я, дал свое заключение в пользу Мансурова, а официально Краевому ВСНХ доносит, что в отвод земельного участка под разработку карьера Мансурова вошли две крестьянские усадьбы и спрашивает как это случилось.

В действительности же карьеры Мансурову он сдавал сам и гр-нам Михайленченко и Подгорному заявил: «убирайтесь к чорту с территории Мансурова». Донося местным властям, что на карьере Мансурова разработка

безопасна, Антонов, в то же время сообщил в ВСНХ, что действительно правила безопасности у Мансурова нарушены, но он, Антонов, предложил, якобы, Мансурову правила безопасности соблюдать (л. д. 157—159).

До какого цинизма в своем покровительстве частнику доходил **Антонов** показывает рабочий **Подгорный:**

«Мой дом также, как и моего соседа Михайличенко, находился рядом с карьером Мансурова. Летящие от взрывов камни, иногда большой величины, падали ко мне во двор и непосредственно угрожают жизни как мне, так и моей семье. Я неоднократно обращался с жалобами к разным инстанциям но ничего не мог добиться. Неоднократно обращался к часто приезжавшему на карьер Мансурову, инж. горного надзора Антонову, но от него кроме грубостей и угроз ареста ничего другого не слышал.

Помню, однажды, когда я, выведенный из терпения, собрав налетевшие ко мне во двор камни, пришел на квартиру к инж. Антонову и начал его укорять за непринятие мер, последний арестовал меня и доставил в ГИК. Ругаясь со мной, он заявил мне: «Вы для государства стоите полушку, а Мансуров стоит 5.000 р.» (т. л. д.).

Все наши жалобы были совершенно напрасны, т. к. Антонов очень часто бывал на квартире у Мансурова, пил и гулял с ним и наши жалобы часто разбирал в нетрезвом виде и, конечно, не в нашу пользу. В разговоре с нами, инж. Антонов неоднократно заявлял нам: «Улетайте отсюда, все равно Вам здесь не жить, этот отвод принадлежит Мансурову».

Несмотря на явную опасность нам от взрывов. Антонов создавал комиссии и находил, что никакой опасности нет.

В то же время очень часто Мансуров посылал за Антоновым экипаж и приводил к себе, где устраивались пьянки, песни и пр.» (т. л. д. 243).

О том же показывает сосед Подгорного крестьянин **Михайличенко:**

«Мой дом находится в непосредственной близости к карьеру, разрабатываемому Мансуровым. От карьера, на расстоянии 8 сажен. Когда призводится падение бурок, то летящие от взрывов камни, иногда до 2 п., летят ко мне во двор, угрожая смертью как мне, так и моей семье. Я в течение 3-х лет неустанно подавал различные заявления и жалобы в различные организации, но безрезультатно.

Однажды инженер Антонов приехал на карьер, долго пробыл на квартире Мансурова и затем вызвал нас с Подгорным. Было заметно, что он здорово выпил. На наши обычные жалобы и просьбы об охранении нашей безопасности Антонов заявил: «Вам давно нужно убираться к чорту с территории Мансурова, так как ваши строения находятся под отводом Мансурова». (т. л. д.).

Несмотря на то, что несколько раз как меня, так и моих членов семьи чуть не убило, комиссия под председа-

тельством Антонова все же постановила, что никакой опасности нет.

Мы потеряли уже всякую надежду найти где-нибудь защиту т. к. все, кому мы обращались направляли к Антонову. Антонова же мы постоянно видели у Мансурова, где он с ним гулял и, конечно, держал его руку. Часто Мансуров посылал за Антоновым своих лошадей и привозил его к себе на квартиру» (л. д. 245).

Не менее характерна фигура и другого вредителя—техника **Васильева.** Принадлежность до 1909 года к социал-демократам меньшевикам отнюдь не помешала ему быть деятельным вредителем. О вредительной деятельности Васильева также свидетельствуют многочисленные рабочие.

Рабочий **Гололобов** свидетельствует о следующем из вредительской деятельности техника Васильева: **Васильев.**

«Завалы уступов:

В литере «Б» уступы № 104, 106 и 110 были разогнаны длиною до 80 мт., хода систематически несвоевременно подрывались и отставали от утлей, все это вело к осадкам уступов и завалу ходов. Мне лично известно, что уступы 104, 106, 110, благодаря изложенным причинам садились несколько раз при технике **Васильеве** и **Беленко.** При завалах, не убрав всего завала Васильев и Беленко приказывали пускать зарубку машинами, машина по прямой работать не могла только по возможности прохождения, таким образом, уступы искривлялись дугой и в уступах по краям оставались целички, эти целички оставались до сих пор. Эти целики сейчас выбрать нельзя, так как их выбрать можно только путем прохождения новых ходов, а это будет дорого строить. Но если бы своевременно производить нормальную разработку, то целики бы не остались... Искривление уступов дугой срывало работу скеперов, место 100—120 выгонов скеперов давал 35—40 вагонеток, что можно видеть из сведения по выдаче утля скрепером, в связи с этим не дорабатывали нормы рабочие и им заработок дописывали. Изложенное смогут подтвердить **Очередниченко,** да и все рабочие литера «Б». Я лично и другие рабочие неоднократно заявляли **Васильеву, Беленко, Костенко, Нашивочникову** и ставили вопрос на фракции рудника, что система выемки неправильная и она срывает добычу и сажает уступы. Указанные техники не принимали никаких мер, сваливали при разговорах и заявлениях им один на другого. Участковые техники Васильев, и Беленко говорили, что Нашивочников и Костенко придерживались указанной системы разработок, а последние ссылались на предложение Рудоуправления. Я лично твердо убежден, что все указанные мною лица умышленно не принимали никаких мер, а как только были произведены аресты, так сразу сделали откосные хода и завалы прекратились. А об откосных ходах перед техниками рабочие выдвитали и раньше» (л. д. 75) и далее:

Техник **Васильев** и **Костенко И. И.** послали меня в начале 1927 г. подорвать почву 106 хода, для облегчения гонки вагонеток. В ходу был под'ем. Мне приказали по-

дорвать ход от стрелки до забоя метров на 50. Я сказал Васильеву и Костенко, что эта работа лишняя, а нужно подорвать только часть под'ема, метр. на 8, про это говорил с Орденичено и десятник Гончаров, Костенко был вначале согласен с этим, но все равно приказал подорвать весь ход. Когда я Васильеву и Костенко сказал, что подрывка почвы и всего хода нецелесообразна, мне они отвечали: «Не твое дело—приказывают и делай». В исполнение же приказания я подорвал почву метров на 30, тогда, Васильев и Костенко работы приостановили, подорванное место вновь засыпали, снова положили пути и работа пошла по старому. Таким образом, они заставили делать бесцельную работу, она продолжалась недели 2. Сколько средств они потратили на это—я указать не могу».

Рабочий **Куликов** рассказывает о том, что:

«в 153 уступе шахты № 2, наблюдение за которым вел **Васильев,** крепление совершенно никуда не годилась. Происходили частые обвалы крыши, так как потолок не крепился. Крепь крыши уступа на протяжении пяти саженей отсутствовал. Лесу для крепления было достаточно во всех необходимых размерах, но техник Васильев не хотел этого делать. В его присутствии валилось хорошо, а он не давал распоряжения крепить, требовал выполнения наряда, т.-е. выдать добычу. Обвалы сильно тормозили работу, т. к. они заваливали дорогу и рабочие, бросая отбойку и наладку, принимались за расчистку дороги. Я лично сам заявил Васильеву, что уступ необходимо крепить, что на протяжении 5 саж. оставлять крепление уступа нельзя, т. к. это грозит жизням рабочих и тормозит работу, Васильев ответил мне «дело не твое, ты прислан на уборку обвала». Я сам здесь хозяин и знаю, что делаю». На его глазах и в мое присутствие в промежуток времени около часа, произошло два обвала крыши незакрепленного участка уступа, когда я обратил на это внимание Васильева, то он мне ответил «ты работай и не вмешивайся не в свои дела». (л. д. 82).

Рабочий **Коваленко** показывает, что техник **Васильев**

«на заявления рабочих о неполадках, каковые срывали производство и могли быть легко устранимы—Васильев никакого внимания не обращал. В 104 уступе при плохой подошве, заменялась погрузка вагонеток и осложнялся труд—вместо 100 вагонеток—грузили по 90—80 вагонеток. Я обратился к Васильеву с просьбой устроить полок, но Васильев решительно не принял никаких мер.

104 уступ, да и все другие уступы по литеру часто садились и заваливались уступы, благодаря осадке уступов добыча срывалась и падала. Все рабочие видели, что главная причина завалов— это длинный разгон уступов, десятник **Чумичев** Константин предлагал Васильеву рассечь уступы, что отвечал Васильев Чумичеву—я не знаю, но я лично в присутствии рабочих Парфенова, Чумичева и Белоусова говорил Васильеву: «Федор Тимофеевич, надо уменьшить уступы, а то они заваливаются», он от-

ветил: «серы Вы еще—я лучше Вас знаю, как мне нужно посадить уступы».

В 108 уступе по словам рабочих **Вуканова** и Харичева, каковые заявили о неполадках со скрепером Васильеву, последний ответил: «Вы у меня дождетесь то, что была на 1 госруднике», дальше Васильев не договорил, но этим он чем то угрожал.

Благодаря всехизложенных выходов рабочие недовольствовали на Васильева, рабочие заявили, что «выгнать надо Васильева, он портит производство» (л. д. 108).

Элиадзе о себе.

И, наконец, последний из привлеченных следствием вредителей в Донецко-Грушевском Рудоуправлении инженер **Элиадзе** сам о себе показывает:

«Сначала начну с того, что мы, технический персонал, в общем представляли для советской власти, насколько она может опереться на нас, как в момент мирного строительства государственной промышленности и других отраслей техники, так в особенности в момент международных и внутренних осложнений. Этот вопрос обобщаю и **говорю, что весь технический персонал, воспитанный в духе старого времени, за очень малым исключением, одним миром мазан и одинаково ненадежен для советского строя.** Протестантов по этому поводу найдется много, **посыплется целое море громких резолюций о порицании отщепенцев и отмежевании от них, но это будет на бумаге, а в душе другое. Я сам один из первых подписался под такую резолюцию 14 марта в Тифлисе, а 15 марта очутился уже перед столом следственных властей, как один из вредителей промышленности»** (л. д. 6). И, далее:

«Потому я такой же, как и остальные. Ведь явление шахтинского района не единичное, это можно обнаружить во всех районах, где только копнете лопатой, конечно, в той или иной мере, в зависимости, кроме всего, и от об'ективных и суб'ективных условий. **Шахтинский случай выплыл на свет, благодаря только особой работе следственных властей, которым после долгих и многолетних усилий удалось проследить всю разрушительную работу шахтинских руководителей с начала прихода соввласти до дня их ареста. Если следственные власти приступят к изучению материалов в других районах, то и там будут обнаружены те же результаты, как раз у тех, которые теперь рассылают по всему СССР громкие резолюции протеста. Вместе с ними мы обманывали советскую власть и клялись в лойяльности на ее призыв... Мы пошли работать, но не искренно, некуда было нам деваться и потому пошли, держа на всякий случай за пазухой камень.** Сначала предполагали, что советская власть не долговечна, до прихода другой власти кое-как, через пятое-десятое, поработаем, и тем кончится...» (л. д. 6 об.—7).

Дальнейшее показание **Элиадзе** указывает на директивы **Березовского** и **Калганова:**

«До подыскания квартиры инженер Березовский остановился у меня и в разговоре передавал, что отсту-

лившие не теряют надежду скоро вернуться обратно и просят по возможности беречь добро» (л. д. 8 об.).
И далее:

Калганов.

«Второй видной фигурой в районе в то время следует считать **Калганова,** заслужившего в то время больше, чем кто-либо из техников полное доверие власти, организаций и массы, даже в то время, когда по всему Донбассу по новому Положению во главе Рудоуправлений были поставлены партийцы, он один только из техников все еще занимал пост рудоуправляющего. Бывшие владельцы и акционеры, очевидно, имели сведения, кто здесь, чем занимается и каким влиянием пользуется, и в то время ходили версии, что, якобы, Березовский и Калганов пользуются вниманием за бережное отношение к добру, доля внимания как будто уделяется ими и некоторым другим техникам, по их усмотрению.

В чем же могло выражаться сбережение имущества, с одной стороны, и преступное отношение к производству,—с другой, в чем, собственно говоря, и обвиняемся мы все, привлекаемые к ответственности.

Первое. Сохранить под водой затопленный, второй пласт на РОПИТ'е, на шахте № 2, на Макарьевском Руднике, и, наконец, Азовскую К°. Хотя их выработка сопряжена с установкой сложных водоотливов машин, но не было предпринято в этом направлении никаких попыток, и факт нахождения этих участков в покое—налицо. Сохранить здания и машины. Медленная подготовка второго пласта на «Антропроме».

Второе 1. Пуск в работу вместо этих пластов рыхлых пластов,как плохого качества, на Покровской и Таганротском Т-ве. Кроме того, работы на этих шахтах потребовали лишний штат администрации и лишние накладные расходы. При материальном голоде на рынке—рационально концентрировать работы а не децентрализовать их.

2. С одной стороны, несвоевременные и, с другой, не строго продуманные и проверенные заказы на машины и оборудования. Назвать их теперь затрудняюсь, какие именно машины были,—но помню, что были такие явления.

3. Несвоевременные и не строго рассчитанные заказы на разные материалы.

4. Отсутствие твердых планов работы.

5. Несвоевременное получение нужных материалов и не совсем правильное их распределние.

6. Затоваривание материалов на складах, расположенных к начальству ближе, откуда отпускалось по чайной ложке, а не было планового распределения с самого начала. Это наблюдалось при Кустовых Управлениях.

7. Индифферентное отношение к волнениям масс во время сокращения их или несвоевременной выдачи рабочим зарплаты. В это время мы стояли в стороне и хлопали ушами, а не становились рядом с Союзом и не успокаивали их.

8. Не было с нашей стороны предпринято никаких серьезных и продуманных шагов в сторону освобождения техников от бумажной волокиты, что вредило прямому их назначению, т.-е. правильной производственной работе и правильному составлению заказов на нужные материалы.

Вот это последнее, собственно говоря, и есть та нить, по которой передается от неуловимой злой воли то, что теперь названо плановым вредительством. По ней в числе нужных бумаг проходят много ненужных бумаг, которые создают техникам периферии целый круговорот, где они вольно и невольно превращаются в участников вредительства. Будучи заняты этими бумагами, нужными какому-нибудь столоначальнику-спецу центра, сидящему с видом творящего важное дело, отрываются местные техники от основного производства и тем приносят вред— один с радостью, другие невольно, ибо и они туда же втянуты.

9. Допущение почти разгрома рудника б. Азовского К°, как самостоятельной добывной единицы, нужно приписать районному Управлению и Кустовому Управлению в лице Березовского и Кагана, при участии РОПИТ'а, Донецко-Грушевского и «Артема».

Вот вкратце, что я смог вспомнить в общих чертах,— те упущения, которые имели место в бытность мою в шахтах и которые можно подвести под рубрику вредительства. Виновными в этом нужно считать всех техников Шахтинского района во главе с Березовским, ибо все техники знали, что происходило в районе и обязаны были громко кричать и протестовать.

В Шахтинском районе тогда работали: Березовский, Калганов, Самойлов, Петров, Секазан, Елкин, Миндели, Гавришенко, Богдалин, Бабенко, Элиадзе, Колодуб А., Колодуб Е., Фесенко, Каган, Левенсон, Калнин, Некрасов и др., которых фамилии забыл (л. д. 9 об. и 10)».

Власовское рудоуправление.

Вредительная организация во **Власовском** Рудоуправлении, как говорит инженер **Башкин,** образовалась в 1925 году. Это подтверждает и заведывающий шахтой «Артем» **Горлов,** также показывающий:

Кузьма.

«Вредительство началось с 1925 года, когда главным инженером назначен был **Кузьма».**

И, действительно, на Власовке, где как и на ДГРУ, главой вредительной организации был также главный инженер **Березовский** показывает следующее о руководящей роли **Кузьмы** во вредительной организации на Власовке:

«Я знаю, что в организацию входил Кузьма, я вел все переговоры только с ним».—

при чем тот же **Березовский** указывает, что **Кузьма** был на Власовке главарем, как **Калганов** в Донецко-Грушевском Рудоуправлении.

«Как Кузьма, так и Калганов,—показывает далее, **Березовский,**—проводили директивы, которые я им давал, или которые, может быть, они получали из Донугля, они подбирали себе, по моему мнению, необходимый контингент работников для организации и руководили всей

работой по своему усмотрению с тем, чтобы это не вызывало ни в ком подозрений... (л. д. 180).

Обвиняемый **Горлов,** подтверждая показание **Березовского,** также показывает о методе подбора **Кузьмой** своих людей:

«Вообще же с поступлением на должность главного инженера Кузьма и в особенности после того, как был им выписан в качестве завед. горными работами инженер **Овчарек,** в то время, как такой должности по штатам Рудоуправления совсем не было, создалась группа, состоящая из инженеров **Л. Б. Кузьма, И. Г. Левинсон, М. А. Овчарек и А. Б. Башкин,** которая все взяла в свои руки, изолировала управляющего **Л. А. Шейкина** от всех младших техников и, отчасти, от меня и повела очень осторожно, но явно—для меня—вредительную работу (л. д. II об.).

Роль **Кузьмы,** как вредителя, устанавливается рядом показаний сознавшихся вредителей: **Калганова, Башкина, Матова, Бабенко** и др.

Помимо **Кузьмы,** как главаря, во Власовскую организацию вредителей входили еще заведующий горными работами инженер **Овчарек,** главный механик—инженер **Башкин** и заведывающий шахтой «Артем» **Горлов.**

Башкин о себе.

Башкин о своей роли показывает следующее:

«Я ослаблял снабжение ДГРУ энергией с Власовки где была более мощная станция, чем на ДГРУ. Я делал это, насколько мне в этом предоставлялась возможность: я не принимал никаких мер к усилению линий, чем порученное мне задание и выполнялось.

На Власовке, начиная с 1925 года, я совместно с главинжем **Кузьмой,** с **Овчареком** (зав. горными работами), **Горловым** (зав. шахтой)... применяли механизацию и оборудовали проходки таким способом, чтобы они не могли дать должного эффекта. Делалось это по заданию Березовского и Кузьмы, это делалось на протяжении 1925, 1926 и 1927 г.г.

Я не заменил и не отремонтировал старый паропровод в котельной электрической станции, несмотря на то, что это необходимо было сделать и возможность была. В результате в 1927 году последовала авария паропровода, а это вызвало временный перебой в снабжении энергией Нецветаевского рудника и ДГРУ. Сделано это было по заданию инженера **Кузьмы...** (л. д. 41),

Согласно показаний **Березовского,** одной из директив бывших собственников было уничтожение на рудниках предприятий, носящих специальный характер и не связанных по своему производству с угольной промышленностью. На Власовском руднике имелось четыре завода: феноловый, брикетный, подковный и гвоздильный. Все эти заводы имели военное значение. О том, как **Башкин** разрушил эти заводы показывает ряд свидетелей.

Конструктор **Бех** показывает о разрушении брикетной фабрики:

«Насколько я помню, постройка фабрики обошлась в 800.000 рублей. Эта фабрика работала до прихода сов-

власти. В 1923 или 1924 году я получил распоряжение—**Башкина,** взять с фабрики трансмиссию, шкива и подшипники и передать их на оборудование сортировки. Через год после этого было приказано взять с фабрики два элеватора, шнеку и транспортную ленту и передать в кочегарку. Осенью 1926 года было приказано взять 1 элеватор на сортировку, в том же году забрали с фабрики транспорт-ленту проволочной ткани на цепную откатку. Все взятое с фабрики переделано. Таким образом, фабрика разрушена и оставшиеся прессы требуют ремонта, как и другое оставшееся оборудование. Окна и двери фабрики раскрыты и она внизу превратилась в уборную для рабочих. При разрушении фабрики я неоднократно заявлял Башкину и другим, что они делают. Башкин смеялся и говорил, что фабрика не нужна. После разрушения фабрики, осенью 1926 года из Д. У. приезжал инженер **А. А. Радыгин** с представителем германской фирмы,они осматривали фабрику и составляли акт на потребное оборудование для фабрики, акт этот должен быть у Главинжа **Кузьма.** Когда я был в 1927 году в Д. У. и интересовался вопросом пуска брикетной фабрики, А. А. Радыгин ответил, что посланы бумаги в **Германию,** очевидно, на заказ оборудования (л. д. 135, 136)».

Рабочий **Дорофеев** показывает также о вредительстве **Башкина** и, в частности, о разрушении им подковного завода и брикетной фабрики:

«В 1927 году главмеханик—**Башкин А. Б.** отдал мне распоряжение снять надзор с вентиляционных моторов в шахте. Оставалось без надзора до 8 моторов и моторы часто горели. Я неоднократно заявлял Башкину, что так делать нельзя, Башкин отвечал мне: «Будем работать по-американски», то же отвечал и Главинж **Кузьма,** предлагавший действовать на машинах «по-американски» каждому рабочему. Перед уходом механик Башкин дал распоряжение, якобы, по поручению американцев с шахты «Американка» бункер сортировки заменить решетками, я был против решеток, Башкин настоял на своем. Когда поставили решетки, производительность сортировки понизилась и уголь стал размельчаться. С уходом Башкина мы решетки вновь заменили бункером.

Мне известно, что много станков с подковного завода стоит около материального склада и пропадает, там их целая галлерея.

По распоряжению Башкина А. Б., была разобрана электро-лебедка «В. К.» хода, лебедка в 80 л. с.—части лебедки сейчас разбросаны и пустить ее в эксплоатацию нельзя.—Башкин предупреждался мною и другими о необходимости сохранить лебедку, но он категорически настоял разобрать. В то же время были заказаны две новых лебедки, каковые пришли и могут служить только показателями вредительства или самодурства,—их негде за громоздкостью применить и эти лебедки с середины 1927 года стоят без действия, крупные части их брошены на дворе.

По распоряжению Башкина, я однажды вывез не-

сколько железных балок с брикетной фабрики, эта фабрика разрушена, хотя она была оборудована Парамоновым по последнему слову техники. Сейчас из фабрики получилась развалина (л. д. 138, 139)».

Рабочий Морозов также рассказывает о разрушении брикетной фабрики, фенолового завода и об общем вредительстве **Башкина:**

«Мне известно, что брикетная фабрика, построенная б. владельцем Парамоновым, была хорошо оборудована и в нее вложены большие капиталы. Изготовляемый брикет Парамоновым поставлялся на флот, как торговый, так и, главным образом, военный. Я помню, что в 1921 г., брикетная фабрика еще работала, но потом ее стали форменным образом разрушать, разбирая оборудование. В 1926 году фабрика разрушили окончательно, вытянув последнее оборудование в 1927 году. Проделывалось это последнее время с благословения и по поручениям **Башкина и Кузьмы.** Сейчас вместо фабрики стоит скелет здания. После разрушения фабрики в 1927 году стали поднимать вопрос о восстановлении брикетной фабрики—это ясно говорит за заведомые вредительные действия кучки «бывших», реакционно настроенных лиц,—простой ошибкой это ни в коем случае счесть нельзя, ибо такой же участи был подвергнут и «подковный» завод.

В 1921 году мне инженер **Березовский Н. Н.** дал распоряжение снять станки на подковном заводе. Я снял до 200 станков и отправил их в кладовые. А позже Башкин докончил разрушение, выбросив станки из кладовых и часть продал.

В 1926 году был разрушен феноловый завод, таким же порядком, как брикетная фабрика, как и подковный завод. Феноловый завод военного значения, как и два последних. Много станков с этих предприятий погибло, как брошенных на произвол судьбы,—они поржавели и разрушились.

В 1926 году в «В. К.» ходу стояла мощная электролебедка в 80 л. с.—лебедка обслуживала весь «В. К.» ход на протяжении 1.500 мт., когда ввели электровозы, лебедку стали самым безобразным образом расхищать, снимая отдельные части, делалось это по непосредственному распоряжению **Башкина А. Б.** Сейчас лебедку в эксплоатацию пустить нельзя, она разрушена, при том и оставили. Части разбросаны по шахте в разных местах в сырости и пропадают. Я и другие рабочие настаивали перед Башкиным сохранить лебедку для «В. К. У.», как мощную машину, он отвечал: «дело не ваше, Донуголь знает». В то же время Башкин с ведома **Кузьмы** заказывает две новых лебедки, которые пришли и никуда негодны, они слишком громоздки и не могут быть использованы,—эти лебедки стоят 100.000 руб., о них хорошо знает **Метовчак.**

Башкин, мотивируя «режимом экономии», снял в шахте смазчиков с вентиляторов и моторов—это в 1927 году привело к систематическим порчам моторов.

С уходом Башкина смазчиков поставили и случаи порчи в моторах прекратились».
(т. л. д. 142, 143).

Башкин, подтверждая факт разрушения этих заводов, дает несколько иное освещение своей роли в этом деле, и в качестве активных разрушителей указывает на **Березовского** и на **Кузьму:**

«Помимо описанного мною организованного вредительства, принесенного и приносимого основному производству по добыче и развитию рудников Власовского Рудоуправления и др., такое же организованное вредительство проводилось и в отношении фабрик, имевшихся на Власовке; это—разрушение брикетной фабрики, завода подков и финолового и гвоздильного завода. Все эти заводы были сооружены в империалистическую войну, на территории рудника Военно-Промышленным Комитетом и имели военное назначение.

Первым начали разрушать подковный завод в 1922—1923 году по распоряжению технорука Щахтинского района инженера **Н. Н. Березовского.** Завод до того времени поддерживался, все станки трансмиссии и материалы хранились и существовала заводская администрация в лице заведующего заводом М. К. Соколова, служащего и поныне на руднике, и небольшого штата мастеровых. Завод временно изготовлял из остатков шинового и подковного железа крестьянские бороны. При желании завод в любое время мог бы быть приспособлен для различного рода массовой заготовки военного снабжения, ходов и прочего.

Уже в 1921 году в Районном Управлении я слыхал, что хотят раскассировать подковный завод и превратить его в районные мастерские, одно время уже этот подковный завод именовался районным рудо-ремонтным заводом, был и назначен заведующий подковным заводом М. К. Соколов на новую должность. Затем, понемногу инженер Н. Н. Березовский начал разрешать отдавать с подковного завода токарные и сверильные станки рудникам; с этого момента и начинается разрушение подковного завода. В 1922—1923 году было получено от инженера Н. Н. Березовского задание перенести старые механические мастерские Рудоуправления, т.-е. слесарно-механический, котельный, кузнечный и электрический цеха из старых помещений в помещение подковного завода, а станки подковного завода выбросить и сложить где придется. Инженером Н. Н. Березовским была составлена комиссия, в которую вошел и заведующий подковным заводом М. К. Соколов и не помню, кто из Донугля,—которая признала оборудование подковного завода никуда негодным с 100% износом. Это было сделано умышленно для свободного оперирования по разрушению специальных станков. При разборке оборудования подковного завода самую ответственную часть трансмиссии,—моторов и станков по обработке металлов, как-то: токарных, сверильных, долбежных, строгальных, шенингов и фрейзер-

ных оставили для рудоремонтной мастерской, все же станки, инструменты и приспособления свалили где придется и большую часть под открытым небом. При таком способе, выполненном по заданию инженера Н. Н. Березовского и еще кое-кого из Донугля, выброшенное оборудование надо было считать погибшим, т. к. разбросанные по всему двору, разрозненные трансмиссии, части к станкам, шкивы и проч. не могло быть собранным так просто и требовался бы колоссальный труд на воссоздание вновь серий массового производства подков. Затем уже по заданию главного инженера **Л. Б. Кузьма** материальным отделом были проданы остатки трансмиссий приводных шкивов и перевоза в лом частей и материалов подковного завода. Оставшиеся обобранные полуразрушенные станки, пресса и проч. сложены, а частью стоят на открытом воздухе на веки загубленные для производства.

Несколько другим порядком был разрушен гвоздильный завод, который помещался тоже в специальном помещении. Его, по предложению бывш. мастера Власовского Рудоуправления В. Г. Алексеева, работавшего на краматорском заводе, решили перевести туда. Разрешение на перевод гвоздильного завода дал инженер Н. Н. Березовский. Были сняты часть лучших станков и увезены на краматорский завод где, я слышал, производство гвоздей на этих станков не наладилось.

Затем, уже в 1925—26 году главным инженером **Л. Б. Кузьма** гвоздильный завод был прикончен. Все оставшееся было снято и что можно было утилизировано для оборудования в здании гвоздильного завода деревообделочной мастерской. Кстати сказать (о ней я подробно описал в другом показании) не нужной в данном месте и дорогостоющие переноске со старого помещения.

Началу разрушения брикетной фабрики относится по заданию инженера Н. Н. Березовского сложить в помещении завода побывавший в район в большом количестве в запас для строительных работ цемент. Это положило начало к плохой охране завода, возможностей хищения мелких частей. Затем, по заданию главного инженера **Л. Б. Кузьма** начали снимать для оборудования кочегарки и механической сортировки с брикетной фабрики моторы, трансмиссии, элеваторы и транспортные ленты. Снятое со всех сторон тяжелое оборудование транспорта представлявшее ограждение, открыло свободный доступ внутрь помещений и хотя они завешивались досками, но их легко было оторвать.

Согласно полученных заданий от главного инженера углубить разрушение завода, начали уже сниматься лестницы и часть потребного фасонного железа. Нижний этаж брикетной фабрики превратили в запасный склад частей машин для мех. сортировки, был спущен и отправлен на склад последний из оставшихся в 4-м этаже—«голубятни» 108 л. с. мотор.

Разрушение финолового завода относится ко времени

начала разрушения и подковного завода, когда инженером Н. Н. Березовским и технруком инженером И. Б. Каган решено перевести в финоловый завод мукомольную мельницу, находившуюся на Власовском поселке. Часть механического оборудования была снята, кое-как сложена в сараях, и мельница начала работать в лучшем здании химического завода. Железные баки были взяты на рудник. Затем по заданию инженера Л. Б. Кузьма завод был пущен в эксплоатацию безработными инженерами-химиками для выработки глауберовой соли. Эти техники выбросили мешавшие им части разбросанного оборудования и проработав около года принесли несколько тысяч рублей убытка Рудоуправлению, т.-к. выработанная продукция не нашла сбыта на рынке. Фамилии работавших на химзаводе техников не помню.

Летом 1926 года по распоряжению главного инженера начали вывозить большую часть оборудования, чаны, котлы, трансмиссию и проч. на какой-то другой завод. Отправкой этого имущества занимался Материальный Отдел Рудоуправления и куда точно было отправлено имущество—я не знаю, кажется, на Лисичанский завод» (т., л. д. 180—181 об.).

Горлов о себе.

Заведующий крупнейшей шахтой Донбасса имени тов. Артема **Горлов** дает следующие показания **о своей** вредительной работе:

«Вредительную работу в промышленности я вел под влиянием группы инженеров и служащих Власовского Рудоуправления, работа эта заключалась в следующем: во время переоборудования канатной откатки на электровозную—мне было сделано распоряжение главным инженером **Л. Б. Кузьма**—установить цепные откатки (на площадке) около распределительной порожней площадки в шахте. с тем, чтобы автоматически перебрасывать порожняк для западного крыла, мне вполне было ясно, что откатки, сконструированные инженером Башкиным, ни в коем случае пойти не могут, также это было ясно, как для инженера Башкина, так и для инж. Кузьма; на мой вопрос инж. Кузьма о том что откатки не пойдут и деньги в сумме около 1.500 рублей пойдут на ветер, он мне заявил: «А Вам что же больше всех нужно»—откатки были установлены, не пошли и были выброшены, это происходило в 1926 году. В этом же году (1926) был составлен проект инженером Мечеславом Антоновичем **Овчарек** на прохождение штреков на бремсберге № 3 на расстоянии 80 метров друг от друга и предложен мне для выполнения, с целью вредительства, т. к. при помощи пласта в 1,8 метр. такое большое расстояние безусловно влекло за собой большие расходы на поддержание этих штреков и большие потери на целики, что мною и было выполнено. После чего была проведена система N, также с явной вредительской целью по заданию того же главн. инж. Кузьма и мною и это задание выполнено. Система эта принесла довольно ощутительные убытки на весь 1926 и часть 1927 года». (т. л. д. 11 об.).

Горлов показывает не только о себе, но также и о **Кузьме** и о **Башкине:**

«С явной вредительской целью главным механиком **Башкиным,** по указанию главн. инженера, делались неправильные заказы на предметы оборудования, которые, по выполнении их, лежат без употребления, как никуда негодные, напр.: цепи для клетей, скаты для шахтных вагонеток». (т., л. д. 12).

Говоря о выполнении вредительных заданий **Кузьмы, Горлов** показывает:

«Кроме этого, в начале 1926 (1927) года, по заданию Кузьма, также с целью вредительства было предложено мне перейти в большинстве уступов на рядовой уголь без выделения плиты, что понизило выхождаемость высокоценных сортов антрацита на 50% и этим принесло большой убыток, кроме того, была перегружена сортировка и дала загрязненный уголь, что также является результатом вредительства, так как сильно обесценивает уголь» (л. д. 11 об.).

В дальнейшем **Горлов** уточняет свои показания, конкретно указывая не некоторые технические методы вредительства:

«С целью вредительства мною были устранены на катах для автоматического передвижения рудничных вагонеток, которые от этого в сильной степени изнашивались й, таким образом, расходовались до 400 штук новых вагонеток в шахте. По соглашению с главным механиком Башкиным я ему отпускал для отопления кочегарки крупные сорта угля (семячко), а проводил по требованиям К. К. совершенно бесценный штыб, на этом получалось фиктивное удешевление электрической энергии, за что мы с Башкиным получали премию от 100 и до 150 руб. в месяц. Мною был закрыт Рудухинский участок с вредительной целью, который способен еще был давать добычу.

По распоряжению инж. Овчарека, мне было предложено заложить восточный капитальный уклон на 20 метров ближе к участку лит. № 6, нежели это нужно с той целью, чтобы в порожняковой шейке помещалось меньше одной партии вагонов, я это задание выполнил...» (л. д. 12 об.).

Уже в показаниях **Березовского** имеются достаточно определенно указанные факты получения **Кузьмой** денег за вредительство:

«**Кузьма** и **Калганов,** как руководители вредительства, получали больше, чем другие члены организации, они получали в получку сразу до 1.000 рублей».

Березовский далее, отвечая на вопрос следователя, сколько он дал **Кузьме** денег, ответил:

«Пять, семь тысяч».

Дополняя свои показания на очной ставке с **Кузьмой, Березовский** показал, что он передал на цели вредительства 30.000 рублей, передавая эти деньги разновременно суммами по четыре, пять тысяч рублей.

О том, как распределялись эти деньги между вредителями, и показывает инженер **Башкин:**

«За вредительную работу Л. Б. Кузьма платил за каждое выполненное задание от 150 до 300 рублей. Я слышал от зав. шахтой И. Г. Горлова, что он получил за 1925—26 год от Кузьма 1500 рублей и за 1926—27 г. 2.000 рублей, причем самую крупную сумму получал **М. А. Овчарек,** так как он по заданиям **Л. Б. Кузьма** прорабатывал все проекты, как-то: ведение новых систем работ, механизации, способов вентиляции, новых капитальных работ, проходка и оборудование шахты Бухарина и эксплоатация всех горных работ, за все время **М. А. Овчарек** получил от **Л. Б. Кузьма** 7.000—8.000 руб.».

В отличие от методов вредительства, применявших на на ДГРУ, **Кузьма** проводил вредительство на Власовском Рудоуправлении весьма тонко, таким образом, чтобы вред не только не мог быть сразу замечен, но, наоборот, чтобы рудник производил впечатление цветущего предприятия.

Горлов об этом показывает следующим образом:

«Работа по вредительству... проводилась **Кузьма, Башкин** и **Овчарек** очень осторожно, всегда прикрывая ее какими-нибудь эффектными достижениями вроде перехода на цепные топки, которые несколько раз перделывали, или же большей добычей грязного угля...» (л. д. 50, 51).

Горлов о Кузьме.

В дальнейшем **Горлов** дает по этому поводу еще более интересные показания:

«Вредительство началось с 1925 года, когда главным инженером назначен был Кузьма. Вредительские его действия заключались в систематическом обесценении угля; делалось это следующим образом: применялись системы, которые мельчали уголь; делалось это применением в большом количестве взрывных работ, это вызывалось применением скреперов; по внешности рудник процветал, добыча росла, но уголь добывался низкого качества измельченный и засоренный. До Кузьмы рудник давал «плиты» до 50%, а при Кузьме только 30%. В 1927 году Рудоуправление понесло убыток на ухудшении сортов около 1 миллиона рублей. Выполнителем директив Кузьмы был и я и все упомянутые мною лица; введенная Кузьмой система была явно вредоносна.

Овчарек являлся лицом, которое проектировало все эти системы, я с ним об этом говорил, но он мне отвечал, что я ничего не понимаю» (т. 79 об.).

В цитированных выше показаниях **Горлова** и **Башкина** уже приводились данные о вредительской деятельности **Кузьмы.**

Говоря о ситематическом ухудшении качества добываемого угля, **Горлов** показывает:

«Еще большего масштаба и более систематически проводилась работа по ухудшению угля, добываемого из шахты и пропускаемого через механическую сортировку, как это ни странно, ибо сортировка, да еще механическая, должна обогатить топливо, удалив из него негорючие вещества а в действительности работа ее была направлена, к тому, чтобы топливо измельчать, заштыблять и приводить в такое состояние, что ценность

продукции сокращалась по крайней мере на 50%. Здесь факт вредительства со стороны административно-технического персонала неоспорим и вот почему; когда я поступил на 1-й Госрудник Власовского Рудоуправления, то шахта была нагружена по добыче всего на 30.000—32.000 пудов суточной добычи. Существовала сортировка, которая должна была принимать 50—60% родового угля, т.-е. 15—18 тысяч пудов за сутки.

В течение первых двух лет, т.-е. 1923—1924 добычу подняли до 60.000 пудов, сортировка осталась в прежнем виде без всяких ремонтов и улучшений и с этих пор началась уже систематическая порча и засаривание угля мелким штыбом, начали говорить на технических совещаниях и производственных собраниях о том, что шахта развиваться дальше не может, упираясь в пропускную способность сортировки, и головка Рудоуправления отвечала, что это она учитывает и что в настоящее время поручено инженеру Башкину разработать новый проект для новой сортировки и сконструировать по последнему слову техники. Я не знаю, как и кто делал этот проект, но хорошо знаю, что когда к нам поступил инженер **Кузьма** и начали они с ним «улучшать» сортировку, то сразу выяснилось, что дело ведется лишь к тому, чтобы увеличить пропускную способность сортировки, т.-е. сделать так, чтобы шахта в своей работе по добыче не задерживалась, но зато в самой конструкции всего переоборудования сортировки было предусмотрено все к тому, чтобы добываемый уголь портить.

Этим переоборудованием занимались, главным образом, **Кузьма** и **Башкин** с этой целью, т.-е. с целью вредительства. Было сделано распоряжение поднять просевочный аппарат на второй этаж с таким расчетом, чтобы увеличить расстояние между транспортными лентами, по которым уголь поступает в жел.-дор. вагоны, и просевочным аппаратом, откуда выходят просевочные сорта, все эти сорта поступали на ленту или по течкам (металлические желоба) или по особой конструкции спиральным сепаратором. По течкам с большой сравнительно высоты и под углом наклона до 45—50° уголь летел с неимоверной быстротой и, разумеется, измельчался и обесценивался. Принцип спиральных сепараторов построен на удельном весе угля и пустой породы и в зависимости от этих факторов на центробежной силе, которую развивали куски угля и породы и попадали на соответствующие спирали. Для того, чтобы эти аппараты оправдывали свое назначение, нужно было их и содержать в соответствующем порядке, т.-е.: 1) чтобы они были установлены строго вертикально, 2) чтобы спирали не имели неправильных изогнутостей и выпуклостей, словом, необходимо было еженедельно снимать эти аппараты и взамен их ставить запасные для того, чтобы в течение недели снятым дать капитальный ремонт, эти необходимые и элементарные условия для аппаратов известны не только таким высококвалифицированным инженерам, как Башкин и Кузьма, но и самому обыкно-

венному слесарю, и несмотря на все это сепараторы были установлены и не подвергались всему тому, о чем мной уже говорилось, были тем самым превращены в обыкновенные течки, по которым уголь измельчался также, как и на течках.

Выводы из всего сказанного таковы, что соблюдались внешние формы хорошей работы рудника и тем самым искусно затушевывались такие, строго обдуманные вредительства, как механическая сортировка на Власовском Рудоуправлении.

В 1925—26 году добыча начала подниматься до 80—90 тысяч пудов за сутки, уже сортировка должна была принимать до 50—60 тысяч пудов суточной добычи и когда снова поднялся крик на совещаниях со стороны рядовых техников и представителей рабочих организаций о невозможно плохой работе сортировки и тех задержках, которые она причиняла шахте, было снова заявлено инженером **Кузьма,** что настоящую сортировку проектируют и снова скоро будет приступлено к ее установке и с этого времени я был отстранен от наблюдения за сортировкой и ее взял под свое руководство непосредственно инженер **Овчарек.** Это руководство заключалось в том, что шахта в течение недели обязательно в общей сложности на одну смену полную не работала, если подсчитать все часы простоя ее из-за сортировки. **Овчарек.**

Бывали такие случаи, когда ломался вал зубчатой передачи, то сортировка останавливалась на всю смену для того, чтобы выточить этот вал. Запасных же никогда Башкин, как главный механик, не позволял держать, ссылаясь на то, что механические мастерские перегружены работой, а мне известно, что механические мастерские перегружались работой никуда негодных бункеров и конвейеров, о которых я говорил раньше в своих показаниях.

Когда приходилось говорить инженеру Овчарек о том, что дело плохо с работой сортировки, последний заявил однажды, что вы все премию получаете и дальше вам распространяться нечего и прошу не кричать, а то я так крикну, что вас здесь не будет.

Когда в 1926—27 году шахта, по мере открытия новых очистных работ начала развивать добычу до 100 тысяч пудов за сутки и более, и когда дальше уже успокаивать общественное мнение всех низовых работников было нечем, то инженер Кузьма сказал, что для переоборудования сортировки нет кредита и что придется до следующего лета 1928 года работать при старой сортировке и тут же начал делать приготовления к своей заграничной командировке, вообще к уходу с Власовского Рудоуправления, а с ним вместе и инженер Овчарек и инженер Башкин.

Перед уходом своим инженер Кузьма сделал проект на развитие годовой добычи по Власовскому Рудоуправлению на 40.000.000 пудов годовой добычи и к выполнению этого проекта начали приступать, но о механической сортировке, которая является основной для

шахты, как обогатительная фабрика опять не говорилось ни слова. Это также делалось с целью нанести впоследствии большой вред предприятию, т. к. сделав большие подготовки очистных работ и не имея возможности все их эксплоатировать, т. к., повторяю, сортировка не дала бы возможности принять добычу из всех этих рабочих мест, то они были бы завалены и на восстановление их потребовалось бы большое время и большие средства» (л. д. 47).

Вредительство **Кузьмой** проводилось также и в области механизации; **Горлов** об этом показывает следующее:

«Установка вопроса в отношении механизации заключалась в «механизации во чтобы то ни стало», не считаясь с экономическими результатами этой механизации, а отрицательные результаты этой механизации зачастую были ясны для всех технических работников и они были также ясны и для техников, занимающих более высокие посты, начиная от районных инженеров, которые не могли этого не знать, и кончая высокопоставленными инженерами технического отдела Донугля, и если эти результаты стушевывались перед глазами рабочих организаций и представителей на местах и в Правлении Донугля, то вероятно затушевка шла за счет средств и кредитов, получаемых инженерами Кузьма и Левенсон от Донугля, которые, к слову сказать, сыпались на Власовское Рудоуправление, как из рога изобилия, и расходование этих средств в большинстве случаев шло не по прямому назначению, а в других случаях отпускались средства на производство таких работ, в счет кредитов капитальных работ, которые никоим образом нельзя было расценивать, как капитальные, ни с какой точки зрения, к числу таких работ относятся: устройство вентиляционных приспособлений на участках, находящихся в эксплоатации, большие ремонты вентиляционных штреков (штр. № 35), ремонты людских штреков; как коренных и эксплоатируемых участков, ремонт коренных штреков электризованной откатки, уже действующих, и целого ряда мелких работ по шахте, которые также должны быть снесены за счет добычи и расход на производство которых должен был бы лечь на себестоимость добычи угля, снесением же стоимости их на капитальные работы, конечно, затушевывался вопрос в глазах человека, не имеющего технического опыта в отношении истинной себестоимости продукции. Это основные причины, в силу которых вредительство в части безобразного расходования государственных средств пустило такие глубокие корни в нашу промышленность и в течение целого ряда лет продолжалось» (л. д. 102).

Показания **Горлова** о вредительской работе Кузьмы, как в области механизации, так и в области горных работ, дополняются показаниями другого вредителя **Башкина,** который следующим образом показывает о руководстве **Кузьмы** всей вредительной деятельностью организации на Власовском Рудоуправлении:

...«При мне на квартире у инженера **Л. Б. Кузьма** в феврале месяце 1927 года, к нему приезжал инженер **Горлецкий,** и давал инструкции **Л. Б. Кузьма** о вредительных методах работ по рудоуправлению, о плохом применении механизации, посылки машины «Джоя», по вентиляции, очистным и прочим работам. О заказе излишнего оборудования, которое не могло бы быстро быть использованным и неправильном ведении самых горных работ. Собирал сведения, как работает 70-й бремсберг, получены ли две тягальные лебедки по 150 НР, которые не смогут быстро быть использованы. Эти лебедки получены около года тому назад и понадобятся, когда вся добыча шахты «Артем» будет переведена на новые литера Восточный Капитальный и Западный Капитальный» (л. д. 157). **Горлецкий.**

Башкин далее следующим образом уточняет директивы **Кузьмы,** передавшиеся ему, **Башкину,** для практического выполнения: **Снова Башкин.**

«Мне инженер Л. Б. Кузьма часто говорил, что вы бегаете так часто в эл. станцию, если нет пару, и Рудоуправления как Несветаевское и Д. Г., выключаются, это и хорошо, пусть посидят без току. О плохой недостаточной подаче тока для принятия всей нагрузки района мне тока для принятия всей нагрузки района мне давал распоряжение Л. Б. Кузьма несколько раз. Кроме того, делалось распоряжение о плохой работе механической сотировки путем постоянной переделки и перестройки е. К числу таких же работ относится конструкция автоматического поворота вагонеток на северном двухэтажном эстокаде. Работа эта стоила невероятных усилий, труда, денег; а затем, этот эстокад был оставлен для работы, т. к. нашелся другой более простой выход». И далее:

Следующая вредительная работа, выполненная по заданию гл. инженера мною и зав. шахтой, это было снятие машинистов с лебедок под'емных цепных откаток, с двух рабочих горизонтов по шахте и двух рабочих горизонтов в надшахтном здании, и поручений следить и выполнять функции машинистов чернорабочим, ставящим и направляющим вагонетки, идущие непрерывным потоком на ползущие под'емные цепи вышеупомянутых лебедок.

Отсутствие машинистов стало отражаться на работе, несмотря на резервные, т. к. на каждом горизонте имелось по две лебедки вполне самостоятельные, часто выходили они обе из строя, т. к. чернорабочему неквалифицированному в работе машин и этих лебедок были непонятны те невольные упущения, которые наносили непоправимый ущерб ценным под'емникам и они ломались. Зав. шахтой, кроме того, старался назначать туда все новых людей, а потому и навыков и не могли у них накопляться от указаний ремонтных слесарей и монтеров. Поломка ценных откаток в условиях работы шахты «Артем» - это большая беда, т. к. прекращается подача порожняка и шахта на это время останавливается и стоит вся поверхность. Такой умышленной главным инженером и по его

заданию выполненной мною и зав. шахтой, якобы, рационализацией наносился невозмещаемый ущерб производству. Повреждения на цепных откатках после снятия машинистов с них участились, а виноватыми делались слесаря и монтеры, осматривающие эти машины. Установленная в шахте электровозная откатка имела разминовки и стрелки, каковые укладывались в местах разработанных главным инженером и зав. шахтой. По их заданиям была уложена стрелка возле восточного капитального уклона такой конструкции и типа, что в случае ее открытия возможен был, якобы, нечаянный в'езд целого груженого состава поезда с электровозом в этот уклон, что угрожало целой катастрофой и уклону и поезду» (л. д. 159).

О следующей форме вредительной работы, выполнявшейся по заданиям **Кузьмы,** показывает: **Башкин.**

«Следующей такой вредительной работой главн. инженера и зав. шахтой в форме организационной установки—являлось, что заведующие отдельными участками, их помощники и десятники, приравниваясь, квалификации и оплате труда к таковым на средних шахтах и являясь ответственными лицами за свой участок, совершенно не отвечали, не следили, и тем более не улучшали состояния рабочих машин, обслуживающих добычу на этих участках...

Крупной вредительной работой, проводимой и главным инженером и по его заданию зав. шахтой, является колоссальный урон, принесенный стране быстрым износом шахтных вагонеток. Происходило это как будто совсем незаметно, но давало громадный износ им благодаря существующей на шахте «Артем» системе наклонных плоскостей, по которым вагонетки должны были автоматически доходить до своего места. И вот благодаря ошибочно установленному и не устраненному большому углу наклона, вагонетки получают большой разгон и с громадной силой ударяются о только что у конечного пункта остановленную вагонетку, очень быстро разрушались. Таких пунктов в шахте и на поверхности шахты «Артем» очень много. С увеличением добычи росло и это вредительство. Разрабатывалась масса изобретений, ничего не сделали и даже отменили ранее существовавшие тормоза в виде наклонно прибитых между рельсами, приподнятых с одного конца досок, которые являлись хотя примитивными, но все-же замедляющими быстрый ход вагонеток тормозами. Так как вагонетка оборачивалась в работе не менее трех раз за сутки и каждая такая вагонетка что называется с большого разгона летела поочередно в—опрокид, из него на цепную откатку, а затем в клеть, то быстрому износу подвергались и эти приспособления, но это было устранено затем постановкой вагонодержателей, а с боем вагонеток дело не улучшилось. Обычная вагонетка из 3-х м. м. железа, употребляемая на всех прочих шахтах, на шахте «Артем» оказалась непригодной, пришлось заказывать и изготовлять в своих мастерских из железа 5—6 м. м., но и они не выдержи-

вали в работе больше двух лет. Это повело к колоссальным расходам на восстановление имущества подвижного состава. Приобретение на пополнение боя от 400—500 вагонов в год для шахты «Артем» за последние два года вызвало затрату громадной суммы 125—150 тысяч рублей и не дает гарантии в хорошем состоянии парка» (л. д. 161).

Кузьма вредительство проводил также и методом возбуждения антисоветских настроений среди рабочих.

Об этой стороне вредительства тот же **Башкин** показывает следующее:

«Проводимая по шахте политика в отношении рабочих мелкими ущемлениями, ненахождением лиц, разрешающих в окончательной форме возникшие недоразумения, а их при этом должно было быть и было чрезвычайно много, т. к. мелкие обманы рабочих иным толкованием расценок, недомеры, другой оплатой, чем это было обусловлено, переводом на другую работу по более низкой квалификации без предупреждения, невниманием к мелочам рабочего быта и прочими действиями—рабочие нервировались, возмущались и проч.

Разбор претензии, возникших между рабочими и техником, вызывал большую волокиту с беганием с записками ко многим лицам, со стоянием всякий раз в очередях,—создавал у рабочего отнюдь не производственное настроение. Особенно всколыхнулась волна возмущения, когда главный инженер и зав. шахтой начали жестко проводить недоуменные пункты в новом колдоговоре в отношении грузчиков и площадочных, сильно снижающих их заработок. Началась забастовка этих квалификаций и перекинулось возмущение и на остальных рабочих, ущемляемых вышеописанным путем. Это на шахте «Артем» усугубляется наличием громадного количества рабочих, сосредоточенных на одной шахте. Такая политика нанесения ущерба рабочему вела к созданию у рабочих антисоветских настроений» (л. д. 162).

В приведенных показаниях указывалось уже на роль **Овчарека** во вредительстве на Власовском Рудоуправлении, равно как и указывалось о полученном им вознаграждении за вредительство.

Об оживлении вредительной работы в связи с назначением **Овчарек Горлов** показывает следующим образом:

«Сплошное вредительство руководящим техническим персоналом началось с той установки вопроса по части механизации, которая была введена с момента поступления на Власовское Рудоуправление главн. инжен. **Кузьмы** и пошла полным темпом тогда, когда он в помощь себе пригласил на должность зав. горными работами инж. **Овчарек,** хотя, к слову сказать, такая должность по штатам не предусмотрена, да и не нужна, так как учреждение такой должности в Рудоуправлении при наличии одной шахты смазывало все значение зав. шахтой». (т. , (л. д. 101).

Несветаевское рудуправление.

В приведенном уже ранее показании **Калнина,** где он описывает свою политическую эволюцию, приводились и слова **Калнина,** что с течением времени он, бывш. социал-демократ,

1-й экз

стал ближе к Парамонову, чем к рабочим. Именно это и предопределило вступление **Калнина** во вредительную организацию, когда он уже состоял в должности главного инженера Несветаевского Рудоуправления. Вредительная организация, представителем коей являлся уже неоднократно упоминаемый **Березовский,** в 1923 году уже распространила свое влияние и на Несветаевское Рудоуправление. Однако, в данном случае в отличие от других Рудоуправлений пионером вредительной организации в Несветаевском Рудоуправлении явился не главный инженер, а заведующий шахтой — техник **Некрасов.**

Березовский следующим образом описывает вовлечение **Некрасова** в организацию:

«Это было в 1923 году, приблизительно во второй половине. Будучи на руднике (Несветаевском) я сообщил Некрасову, что интерес Парамонова к рудникам выливается в смысле сбережения недр и сохранения имущества и что при поддержке этих интересов на месте будет компенсироваться он, Некрасов. После нескольких вопросов со стороны Некрасова ко мне, насколько это опасно, и моих ответов, что вопрос касается только сохранения имущества — Некрасов дал свое согласие».

И далее:

«Насколько я помню разговор с Некрасовым о его привлечении к работе в организации происходил на руднике в момент нашего спуска в шахту или на поверхность я сейчас — за давностью времени — не помню. В то время, насколько я помню Некрасов был заведующим горными работами или помощником главного инженера **Калнина.** Остановился я в выборе на нем потому, что, с одной стороны, Некрасов был одним из старых служащих Парамонова на Несветаевском Рудоуправлении. Во исполнение данных ему директив о сохранении недр, Некрасов должен был не развивать в достаточной мере темп работ и сохранить ценность недр, не доводя их до затопления (л. д. 106).

О том, как вознаграждался Некрасов мы уже говорили выше. **Березовский** показывает:

«Разновременно мною было передано Некрасову до 1925 г. около 4.000 руб. Первая сумма около 500 рублей была мною передана Некрасову вскоре после нашего с ним разговора о его работе в организации в 1923 году. Деньги были переданы мною Некрасову на руднике на поверхности. А уже последующие суммы я передавал ему также там на Несветаевском руднике при своих посещениях с примерными перерывами по 2—3 месяца. Задания при этом давались общего характера, о которых я говорил выше, т.-е. о сбережении и сохранении недр, затем после моего перехода на Ирменский рудник и возвращения туда, мною вновь была возобновлена передача денег Некрасову, причем к характеру даваемых были добавочные указания об ухудшении качества углей, путем не улучшения обогатительного хозяйства, это было одним из главных заданий кроме того, в задание входило небрежное хранение углей на стенках. Передачи сумм Не-

красову я производил с промежутками опять-таки в 2—3 месяца на протяжении 1925 года и всего 1926 года, причем за весь этот период мною было передано Некрасову около 21.000 руб., сколько точно, я не помню. Передачу денег я производил всегда при об'ездах по шахтам. Все данные мною Некрасову задания были им выполнены, причем, по моему мнению, это сделано не им одним лично, а к выполнению их им были привлечены еще другие лица. Вопрос о задержке проходкою шахты «Скачинского» был мною решен совместно с Некрасовым еще в 1923 году, какое задание в процессе работы по проходке им, Некрасовым, по возможности выполнялось» (л. д. 107).

По показаниям главного инженера **Калнина** он был завербован в организацию **Некрасовым,** который при вербовке давал ему, **Калнину,** как раз те самые директивы, которые он, **Некрасов,** еще ранее получил от **Березовского.** Показания **Калнина** о получении им денег и директив от **Березовского.** уже приведны выше.

Вредительная работа на Несветаевском Рудоуправлении не достигла того размаха, как это имело место на Власовке и в Донецко-Грушевском Рудоуправлении, однако, и на Несветае все время продолжались непрестанно крупные неполадки.

Калнин.

Прежде всего. **Калнин** указывает на непрекращавшиеся дефекты в работе сортировок:

«... для получения наибольшего эффекта сортирования необходима непрерывная работа сортировок и самый тщательный надзор за состоянием сит. Соблюдение первого условия почти целиком зависит от механика, а второго — от заведующего шахтой. Ненормальная, в смысле частых остановок, работа сортировок стала наблюдаться с самого начала работы их, т.-е. с конца 1922 года, так, что вся суточная добыча **«Арш»** фактически редко пересеивалась и часть рядового антрацита поступала на стенки и шла в отправку. Причина частых остановок сортировок, исключая случаев недостатка электрической энергии, были разные мелкие поломки и неполадки: греется подшипник, срывается болт, буксует ремень и т. д. Из крупных поломок мне осталось в памяти 2 или 3 случая поломки — коленчатого вала, что имело место в период 1923—1924 г. Так как такие валы изготовлялись только на заводе по специальным заказам, то эти поломки вызвали полную остановку сортировок на срок, кажется, около месяца. Что же касается продукции сортировок, то к началу 1923 года я начал замечать по отчетам сортировки увеличение выходов высших марок и уменьшение штыба, что указывало на то, что высшие марки идут сорными. Мне лично приходилось наблюдать, что сортировка работает почти вполне забитыми дырками полдюймового сита. На ненормальную работу сортировок мне неоднократно приходилось обращать внимание как Некрасова, так и Кувалдина. Последний все время ссылался на изношенность механизмов и на недобросовестное отношение дежурных при сортировке слесарей и машинистов к своим обязанностям. Некрасов иногда не соглашался со мной и стал уверять, что работа сортировок неправиль-

ная, но большей частью обещал произвести нужное давление на заведующих шахтами. Помню случай, кажется, осенью 1924 года, когда я наткнулся на такое обстоятельство, что на сортировке шахты № 3, вместо сита дюйм с четвертью, было поставлено сито в полтора дюйма, вследствие чего значительно понизился выход «А. К.» более ценого сорта за счет «АМ». На мой упрек Некрасову на недопустимость подобного явления последний заявил, что тут виноват десятник, не разобравшийся в ситах. Судя по данным отчета сортировок, можно полагать, что подобные явления ненормальной постановки сит имели место не один раз» (л. д. 072).

И далее:

Некрасов.

«Надзор при сортировках состял из десятника, назначенного завед. шахтой, ведущего оперативную часть работы, и дежурного слесаря, назначаемого Кувалдиным и имеющего надзор за работой и состоянием механизмов. На мой упрек Некрасову о плохом надзоре за работой сортировок, последний мне никаких замечаний, в связи с имеющимися между нами денежными отношениями, не делал, но при этом иногда его передергивало, но от тех или иных выражений он воздерживался. Таким образом, плохая работа сортировок об'ясняется недобросовестным отношением к делу Некрасова и Кувалдина и плохим надзором завед. шахтой» (л. д. 075).

Неполадки имели место и в области подготовительных работ:

«По вопросу подготовительных работ нам в первые годы приходилось переживать весьма тяжелые минуты, вследствие неисправной работы водоотлива, какая неисправность вряд ли целиком может быть отнесена исключительно только за счет слабости и изношенности механизмов. Наличие особенно бдительного надзора со стороны механика Кувалдина несомненно могло бы внести здесь значительные улучшения. После налаживания водоотлива — прохождение подготовок почти все время шло недостаточно интенсивно на д. № 2, по поводу чего мне неоднократно приходилось говорить, как завед. шахтой **Береуцину,** так и **Некрасову.** В ответах последних были обыкновенные ссылки на разные об'ективные условия, но после наших разговоров — в первое время, почти всегда работа двигалась более интенсивно и об'ективные условия как будто исчезали» (л. д. 076).

В качестве примеров, иллюстрирующих неправильность подготовительных работ, **Калнин** приводит в своих показаниях несколько случаев из практики:

«Наблюдался ослабленный темп прохождения уклонов нижнего горизонта обеих шахт №№ 2 и 3, которые при имеющихся тогда условиях, могли двигаться со средней скоростью не меньше, чем 20 метров в месяц, а фактически это подвигание редко когда превышало 15 метров, обыкновенно же держалось около 12 метров в месяц. Особенно туго пошло дело с новыми помойницами и насосными камерами в конце этих уклонов. На шахте № 2, например, заготовка помойниц затянулась до

1926 года, что в свою очередь, задержало прохождение нижних коренных. Количество подготовленных запасов с 1923 г. почти не изменилось, но увеличить их с тем, чтобы делать достаточно широко поставленные опыты по изменению системы разработок — не удалось. Полагаю, что при хорошем нажиме Некрасова на завед. шахтами без особых затруднений удалось бы добиться довольно резкого увеличения подготовленных запасов, так как залежка из-за механизмов за последние годы уже не была» (л. д. 076).

Главный механик Несветаевского Рудоуправления **Кувалдин,** который руководствовался в своей работе неоднократно провозглашавшимся им лозунгом: «С большевиками работать нельзя, надо им не помогать, а портить», действительно, проводил этот лозунг в жизнь.

Кувалдин.

Рабочий **Снитко** показывает:

«Поломка вала под'емной паровой лебедки на шахте № 3, т.-е. под'емной машины, которая поднимает и опускает людей и груз — неизвестна. Поломка вала произошла от того, или могла произойти, что одна из шестерней была более другой, параллельной ей, на 62 мм. Заказ на эту шестерню давал главмеханик Кувалдин и утверждал главный инженер Калнин. Такой случай не первый, а третий, во всех случаях шестеренка увеличивалась и от этого получался перекос и зубья шестеренок ломались весьма часто. Последняя шестерня была стальная, зубья поддаться не могли, а получался излом. Машина сейчас из строя выбыла. При порче ее могли быть при спуске людей безусловные жертвы и длительная остановка шахты. Этого не получилось лишь благодаря того, что машинист Цымбалов случайно, повторяю, случайно заметил излом. Лично мне монтер Скрипников говорил, что акт составлен неправильно и он хотел снять свою подпись. Я такое отношение к делу со стороны Кувалдина отношу или к преднамеренной грубой ошибке или к возможному прямому злому умыслу. Мне известно, что Кувалдин затопил в 1927 году и шахту № 2. Я лично и другие предупреждали Кувалдина, что идет весенняя вода, надо приготовить водоотливы, Кувалдин ответил, что положение блестяще, а через месяц, когда можно все за такой период было устранить, шахту затопило. Это действие говорит также за грубую халатность или возможную злонамеренность; убытки от затопления около 100.000 рублей» (л. д. 82).

Характерной чертой вредительской организации на Несветае является то обстоятельство, что официально подчиненный **Калнину — Некрасов,** является по линии вредительской начальником своего официального начальника.

Вредительство на Щербиновском Рудоуправлении.

Не менее яркую иллюстрацию работы вредительской организации на местах дает деятельность Щербиновской контрреволюционной группы.

Основным работающим ядром группы являлись также старо-служащие. Вот как этот момент описывает бывш. главный инженер Щербиновского Рудоуправления и руководи-

тель Щербиновской вредительной группы, обвиняемый **Сущевский:**

«Обществу для разработки каменной соли и угля на юге России» принадлежали рудники: Щербиновский, Нелеповский, Харламовский и Брянцовский, соляные близ Бахмута. Тем же акционерам принадлежали рудники О-ва Никитовских копей. Не помню в каком году был приобретен ими Ирминский рудник. Им же принадлежал или, во всяком случае, часть принадлежала руднику «Золотое».

Из служащих, ранее служивших при бывших хозяевах, остались при совласти: Долгий, Пешехонов, Одров, Стояновский, Алешкевич, возможно Ружицкий, Будный и Штельбринг» (л. д. 75).

Организация вредительской группы. Роль Сущевского.

Момент вовлечения указанной группы в организацию инженер **Сущевский** излагает следующим образом:

«Что касается Щербиновской группы, то вовлечение в организацию отдельных ее членов произошло таким образом. Когда Бахтиаров в первый раз привез деньги, он сообщил о том, что деньги следует распределить, главным образом, среди тех служащих, во-первых, которые так или иначе держат в своих руках ответственные отрасли производства, служили при прежних владельцах и им преданы, или, во всяком случае, ничего не имели против и на скромность которых, в смысле соблюдения тайны, можно рассчитывать. При раздаче денег, собственно, и были вовлечены в организацию ряд служащих, которым Бахтиаров роздал деньги сам; здесь были обвиняемый Одров, обвин. Люри, Уманский, кроме того служащим, которых он близко лично не знал, он поручил мне отдать деньги—это были обвин. Семенченко и др. Я при раздаче не посвящал их ни в какие сведения об организации, а лишь сказал, что деньги присланы прежними хозяевами для старых служащих в признательность за службу и в надежде, что предприятия сохранятся в порядке, если когда им снова удалось бы их взять в свои руки» (л. д. 184).

Вредительская работа на Щербиновке проводилась в жизнь под руководством инж. **Сущевского** указанными выше завербованными им ответственными техниками Рудоуправления.

Свою роль сам **Сущевский** определяет, как роль главы Щербиновской группы:

«Я был в курсе работы и руководил, вообще, всеми работами на рудниках как по части эксплоатации, так и по новым и новейшим работам. Под моим непосредственным руководством происходила вся работа по проектированию. По части мелкой промышленности я предоставлял инициативу и ближайшее руководство **Стояновскому...** (л. д. 204).

Во исполнение задач, стоящих перед Щербиновской вредительской группой, по показаниям **Одрова:**

«Сущевский устраивал беседы, редко собирал всех получивших по спискам деньги, но вызывая каждого в отдельности и корректируя работу отдельных единиц

Часто он имел совещания со Стояновским, появление во время которых в кабинете служило моментом для прекращения беседы, часто совещался с Будным и часто и Будный и Сущевский выезжали в Харьков «по делам Рудоуправления». У Будного, когда-то весьма резко отзывавшемся о Сущевском, наладились дружеские отношения, а также и наоборот... Улавливая отдельные фразы Сущевского, надо констатировать, что Сущевский, не желая оставаться без техперсонала, умел удерживать отдельных нужных ему работников, из которых он создавал ядро Рудоуправления; так, когда я. Одров, задумал в 1926 г. уходить в Югосталь, то мне по настоянию Сущевского, управляющим рудником было выдано единовременно 500 рублей и сделана прибавка оклада, говорил он о создании ядра, планируя виды на будущее, довольно осторожно намекая, но вполне понятно о том, что-де не всегда «так будем работать» (л. д. 200).

Вредительская работа Сущевского.

Развивая далее свои показания **Одров** указывает на ряд распоряжений **Сущевского,** уже прямо вредительного характера:

«Я припоминаю несколько распоряжений Сущевского, которые были близки по своему содержанию к вредительству, это распоряжение «на авось», без достаточного учета затрат, вызываемых ими»... Перечисляю: «перекрепление дважды шахты № 11, колония на Запад от шахты № 9, закладка шахты № 10 без достаточного водоотливного оборудования».

Работу Сущевского он оценивает следующим образом:

«В 1925 г. в бытность главного инж. Сущевского и его помощника Стояновского была заложена шахта № 7 («Соловьевка») как разведочная шахта на пласт «Соловьевку», который до того времени в разработке не был известен. Добычу шахта стала давать с марта 1926 года и работает по настоящее время. Со дня ее открытия на таковую израсходовано 66.128 руб. Уголь данной шахты имеет зольность до 28% при технической норме зольности 12½%. Ранее уголь с этой шахты шел в общей отправке Рудоуправления. Около года тому назад Донуголь перестал считать полнопроцентным уголь с этой шахты и продажная его цена была понижена до 6 р. 10 к. и этот уголь стали выдавать для отопления квартир рабочим и служащим Рудоуправления, что вызывало протесты среди последних и перед Донуглем поставлен вопрос о постановке ее на мокрую консервалию...

Разрабатывать шахту № 7 («Соловьевка») при установлении там скверного качества угля смысла не было, с точки зрения увеличения добычи угля лучшего качества более целесообразно было бы эти суммы израсходовать на разработку пластов «пугачевки» и «толстого» в пределах концессии Рудоуправления, но на большей глубине.

Шахта № 10 (Малая Корбанка) 4-й дивизии была заложена в конце 24 в начале при главинженере Сущевском и его помощнике Стояновском. Эта шахта предназначалась для вентиляции шахты № 5. При закладке дан-

ной шахты № 10 разведок путем бурения не производилось. Прошли шахту на 50 метров глубины, где встретили метровый пласт, по пласту прошли штрек длиной около 15 метров, затем по углю стали бурить разведочную бурку и когда пробурили метров 10, то по скважине пошла вода из старых выработок и шахту затопило. Тогда эту шахту стали откачивать и откачку воды производили не менее 6-ти месяцев, вследствие отсутствия водоотливных средств и недостачи котлов...

Установить старые выработки наполненные водой можно было путем производства разведки буровой скважиной и технически вполне возможно было бы не допустить затопления шахты, имея в своем распоряжении соответствующие водоотливные оборудования...

При отсутствии же данного оборудования и зная наличие воды в старых выработках, расположенных вблизи шахты № 10, проходка данной шахты является нецелесообразным.

На проходку этой шахты израсходовано 42.353 руб. и на откачку воды из нее — 20.300 руб...

Если бы на эту шахту произвести затраты еще тысяч 50—60 руб. дооборудования водоотлива, то воду можно было бы откачать и развивать подготовку пласта «Карабанки» к разработке, но (сменивший Сущевского) главный инженер Березовский, с этим не согласился и распорядился заложить шурф между шахтами №№ 5 и 10 как вентиляционными для шахты № 5. На проходку этого шурфа израсходовали 26.244 р. 50 коп. и впоследствии шурф был затоплен водой и в данное время бездействует.

Эта шахта № 5, примерно, в марте-апреле 1927 г. была остановлена для переоборудования и расширения ствола с целью разработки пласта «Карабанка», залегающего ниже пластов «двойника» и «мазурки» путем углубления шахты. На капитальные работы по 1/I—28 г. с начала 26/27 опер. года на данную шахту со всеми ее поверхностными оборудованиями израсходовано 431.951 р., из которых сумма 180.324 р. явятся мертвым капиталом. До настоящего времени неокончаны эти работы, которые в данное время остановлены по распоряжению Донугля... Поскольку данная сумма на нынешний день является мертвым капиталом, эта затрата нецелесообразна.

План по шахте № 5 и оборудование Карабанской группы шахт дивизии был составлен при главном инженере Сущевском, а изменен инженером Березовским.

В 1925/26 году по плану Сущевского, шахту № 1 решили раскрепить до горизонта 100 метров, что и было сделано и на что затрачено 25.770 руб., не знаю при ком это было, при Сущевском или Березовском, но шахту стали углублять с целью разработки пласта «толстого». Углубление стали делать через старый ствол для возможности использования вагонеток большей емкости при добыче угля, в результате этого придется расширять и верхнюю часть ствола, вследствие чего, почти что по

ловина затраченной вышеназванной суммы 25.770 руб. является израсходованной напрасно.

Шахта № 9 была заложена в 25 г., разрабатывает пласт «двойной» и «мазурка». В 1926 г. по распоряжению Сущевского недалеко от шахты была построена рабочая колония. При разработке пластов подошли под колонию, вследствие чего работы были остановлены, так как поверхность стала давать осадку. Предвидеть это было можно, так как колония строилась после открытия шахты и место разработки было известно». (л. д. 66).

Свидетель **Скорый,** работающий в качестве зав. новыми работами Щербиновского Рудоуправления, следующим образом характеризует работу **Сущевского** по мелкому шахтному строительству, сходясь в оценке с обвиняемым **Одровым:**

«При главном инженере Сущевском была заложена шахта № 7 «Соловьевка» с целью разведки пласта того же названия. При обнаруживании данного пласта его стали разрабатывать, и в данное время разрабатываемый верхний горизонт месяца через два будет выработан. Для разработки второго горизонта в 27—28 операц. году была составлена смета на сумму, примерно, тысяч 25—30, из коих в этом году израсходовано около 8.000 р. В процессе разработки пласта Соловьевки выяснилось, что уголь плохого качества на рынке не имеет почти сбыта. Применить же на свои нужды его также нельзя, ввиду законных протестов рабочих...

В общем, нужно сказать, что шахта Соловьевка по качеству угля является нерентабельной и Рудоуправлением в данное время поставлен вопрос перед Донуглем о переводе шахты на мокрую консервацию, т.-е. ее полную остановку, предполагая имеющееся оборудование использовать на других шахтах. Поскольку по качеству угля шахта является нерентабельной и вопрос о закрытии поставлен перед Донуглем, считая произведенную в этом году затрату в сумме около 8.000 р. нецелесообразным... (л. д. 41).

О вредительской работе по проходке шахты «Новой» свидетельствует **Восковский,** работающий в качестве заведующего шахтой «Центральной» Щербиновского рудоуправления:

«Для вскрытия пластов («пугачевка», «аршинка» и «каменка») на 4-м горизонте 516 метров в 1914 году бывшими владельцами была заложена новая шахта на расстоянии примерно от «Центральной» шахты метров 50. До революции эту шахту прошли глубиной до 340 метров, затем ее бросили. Примерно в конце 1923 г. работы по проходке этой шахты возобновили и проектировала таковую все время комиссия в лице главного инженера Сущевского, районного директора Донугля Бахтиарова и профессора Шевякова.

В работе по проходке этой шахты имелись ненормальности в той части, что были периоды, когда таковые шли быстрым темпом, затем замедлялись, потом опять форсировались и последнее время Донуголь предложил Рудоуправлению закончить эту шахту по проходке и оборудованию к 1 января 1929 г., что сделать ни в коем

случае нельзя, т. к. оборудование не сможет быть не только установленным, но даже и изготовленным по причине несвоевременного заказа такового из коего часть заграничеого, а часть внутреннего. Почему они своевременно не позаботились о заказе оборудования, я не знаю, но я считаю потому, что не были своевременно изготовлены проекты как комиссии, так и Проектным Бюро Рудоуправления и Донуглем.

Несвоевременное изготовление проектов также отражалось и на ведении горных работ по этой шахте, вследствии чего были случаи выполнения излишних работ. Так в Северном рудничном дворе было пройдено излишнее расстояние, т. к. по старому проекту там предполагалось установить цепные под'емники, потом переделали на гидравлические под'емники, как более дешевые и поэтому рудничный двор частично пришлось заложить, что дало приблизительно убытку тысячи полторы. Кроме того, разные работы, кои можно было делать одновременно, делались из-за отсутствия проектов разновременно, этим самым вызывали удорожание на подготовительных работах, как по рудничным дворам, и к веркшлагам, устройство бетонного пола и др. Не произведено было во время бетонирование этих рудничных дворов, а должно было быть одновременно. Несвоевременное составление проектов вызывало и сокращение смет и перечень утверждаемых работ Донутлем, а отсюда и общая затяжка в проходке и оборудовании шахты. В результате, как указано выше, к назначенному Донуглем сроку, шахта оборудована не будет и можно рассчитывать, что эти работы закончатся не ранее, чем через полтора года...». (л. д. 97).

Яркое показание о вредительской работе **Сущевского** по закладке новых шахт дает свидетель **Чернышенко** Андрей Леонтьевич, работающий в качестве десятника шахты № 9 того же Рудоуправления. Он же указывает и на ряд общих вредительских действий **Сущевского:**

«С перерывом я работаю на Щербиновских рудниках с 1907 года.

Шахта № 10 начала проходить в начале 1926 г. при главном инженере Сущевском без всяких планов и проектов. В то время я был помощником заведующего 4-й дивизией, куда входила и эта шахта. Вокруг этой шахты № 10 были старые выработки, затопленные водой с 1918 года, с чем Сущевский знал великолепно, т. к. имелись чертежи этих выработок. Были старые рабочие, как-то: Романов, который ведал прежней старой шахтой, на которую натолкнулись при проходке этой шахты и др. К тому же Сущевский и сам работая на этих рудниках около 20-ти лет, знал прекрасно о старых выработках.

Проходить шахту № 10 в этом месте ни в коем случае нельзя было, так как ее затопит водой из старых выработок, на которые неминуемо должны были натолкнуться при проходке этой шахты, что впоследствии и подтвердилось. Кроме того, было бы целесообразно проходить шахту бывш. Пьянцева для откачки воды с «карабанки», тогда можно безболезненно проходит шахту на пласт

«Карабанка», каковой они думали разрабатывать шахтой № 10. Об этом говорили старые рабочие-Барбах, работающий на шахте № 12 на собраниях и проч., но администрация Рудоуправления не считалась ни с какими мнениями и предполагала шахту проходить, таковую и прошли 55 метров.

На восточной стороне наткнулись на старые выработки, откуда и затопила шахту. В августе 1926 г. воду стали откачивать и откачивали до марта 1927 г., но откачать не удалось, т. к. паровые котлы попортились, а других не было и перед тем, когда шахту нужно было бросать, то поставили копер на таковой и под'емную машину в феврале 1927 г. Копер стоит и сейчас без действия, машинное здание и кочегарка растасканы и разрушены, а машину перебросили на шахту № 11.

Я считаю, что в этом виноват главный инженер Сущевский, который все это смог бы учесть и не допустить, ибо он бывал на этой шахте и видел все.

На шахте № 5, по распоряжению Сущевского, возвели целый ряд сооружений, как-то: мощную кочегарку на 4 котла, которая работает с неполной нагрузкой и без коей можно было бы обойтись, работая старыми котлами; громадный бункер для сортировки угля, который бездействует и в настоящее время. Это производилось в 1926 г. по проекту и распоряжению Сущевского...

Все эти расходы нецелесообразны, потому что они произведены преждевременно, не разведавши пласта и не узнавши, есть ли он там и эти деньги можно было бы с успехом израсходовать на другие работы. О нецелесообразности этих затрат неоднократно говорилось на собраниях и пр., но администрация Рудоуправления не обращала на это внимания.

В 1925 г., по распоряжению Сущевского была заложена шахта № 9. В то-же время на поверхности стали делать закладку домиков по простиранию пласта западного крыла. В результате, когда по пласту подошли к этим домикам, то почва стала садиться и 2 домика скосило, поэтому разработку на этом крыле прекратили, так как могли разрушиться дома, находящиеся над этими пластами... Таким образом, около 3-х миллионов пудов угля осталось невыработанным. Уголь этих пластов, во всех отношениях, очень хороший. Сущевский это мог предвидеть, т. к. пласты были разведаны, залегание их известно и строить там рабочую колонию, ни в коем случае нельзя было. Я допускаю, что Сущевский сделал это с целью сохранения пластов угля, так как простой рабочий, и тот не мог бы допустить этого...» (л. д. 166).

Интересны также показания **Коренева** Лаврентия Ивановича. Свидетель работает на Щербиновке в качестве котельного мастера 4-й дивизии. Вот что он показывает о вредительской деятельности **Сущевского** и его группы.

«Постройка электроподстанции кочегарки с такими большими котлами как фирмы Минье, которые как кочегарка, так и электроподстанция предназначались для шахты № 5, совершенно здесь не нужны и это выброшен-

ные деньги. Стоимость сооружения кочегарки и подстанции приблизительно выразится в 100.000 р. Неоднократно об этом говорилось на собраниях рабочих, но никто на это не обращал внимания.

Точно так же с шахтой № 10. Когда стали закладывать шахту № 10 по распоряжению Сущевского, старые рабочие, в том числе и я, говорили, что здесь закладывать шахту нельзя, т. к. попадете на выработки, но никто на это не обратил внимания; несколько раз приезжал Одров и ему рабочие заявляли, что этого делать нельзя, т. к. здесь имеются выработки и шахту затопит водой, на это Одров отвечал «ничего, мы откачаем»... Все эти работы по 4-й дивизии я считаю, как со стороны Сущевского, так и со стороны Стояновского, Одрова, Люри и Березовского, безусловно, умышленными, т. к. они довольно опытные старые с большим стажем инженеры, особенно Сущевский, который на Щербиновке работал 18 лет и который прекрасно знает все старые выработки, даже когда еще работали бывшие хозяева...» (л. д. 234). Показания свидетеля Коренева не отрицает и обвиняемый инженер **Люри,** который говорит:

«Поскольку главный инженер Сущевский, на основании имевшихся данных, знал о наличии старых работ вблизи шахты № 10, он, по моему мнению, должен был приступить к работам на этой шахте с более сильным паросиловым оборудованием и более сильными насосами. Начинать работу с таким оборудованием, какое имелось на шахте № 10, это была работа с негодными средствами и должна была потерпеть полную неудачу, что фактически и оказалось в марте м-це 1927 г.» (л. д. 247).

Обвиняемый **Шадлун,** бывший групповой директор Донугля, в районе коего находились Щербиновское Рудоуправление, говорит в своих показаниях о следующих моментах вредительской деятельности на этом Рудоуправлении:

«О Сущевском, в 1925 г. Управлению подсобными предприятиями Донугля был заказан вентилятор для шахты «Артем», производительность 5 тысяч куб. метров, т. к. меньше нельзя было, в виду недостатка воздуха в шахте. По тем данным, какие на завод Щербиновского Рудоуправления вентилятор получился производительностью 3200—3500 куб. метров воздуха, т.-е. меньше того, что нужно было для шахты «Артем».

При закладке шахт мелкой промышленности Сущевский начал восстанавливать шахту № 10, где имелся огромный приток воды. Когда ствол был закончен и начали рассечку стрехова, то сразу попали в выработанные уже пространства, откуда хлынула вода и затопила шахту...». (л. д. 182).

Вся изложенная вредительская работа Щербиновской группы вредителей компенсировалась регулярно получаемым членами группы жалованием. У **Сущевского**—главы группы,—сверх того, в перспективе была должность директора рудника.

Финансирование группы.

Сущевский, как он сам же показывает, «имел уверение от имени **Сансе** (член Правления указанных рудников до революции), что в случае, если дело с возвращением хозяев

за рудники выгорит, он будет назначен директором рудников...». Указанное сообщение было сделано **Сущевскому Дворжанчиком** в одном из писем. (л. д. 169).

Выдачу вознаграждения членам Щербиновской группы вредителей **Сущевский** излагает следующим образом:

«Первые разы я раздавал деньги сам, при чем получали: Долгий (один или два раза, т. к. он оставил в 23—24 г. службу), Пешехонов тоже раза два-три (т. к. оставил также службу), Одров, Люри, Семенченко, и, по поступлении, Стояновский... Возможно, получали еще ктолибо из средних служащих, но этого я не могу припомнить.

После раздачу делал по моему опручению Мартьянов, а в 26 г., когда Мартьянов ушел, повидимому, сам Будный, тогда общая сумма ко мне не поступала и, вообще, я не проверял и не интересовался, как эта выдача тогда производилась... Обычная сумма составляла 8—10 тысяч руб. Сумма эта распределялась автоматически по получаемому жалованию, или вернее по тому, какое жалование получалось при начале поступления... Указать отдельные суммы я не могу, ровно не припомню, сколько я получал сам, но, кажется, это было не больше, чем получали заведующие шахтами... ». (л. д. 134, 135).

В последующих показаниях **Сущевский** более подробно останавливается на технике распределения денег и на роли каждого участника организации в этом вопросе:

«Когда Донуголь перевелся в Харьков и бухгалтер Долгий окончательно ушел со Щербиновки, заместителем его остался Мартьянов... Я не хотел возиться с этими выплатами лично и предложил Мартьянову, чтобы выплату делал он. Кажется, до того он денег не получал, так что стал при этом получать впервые (место Долгого). Мартьянов согласился. Выплачивал он каждому суммы заранее определенные и проставленные в маленьком списочке. Когда получались изменения в личном составе: ушел Пешехонов, поступил Лосев и др., он спрашивал меня, как распределить, в зависимости от перемены сумму. Остатки, которые все-таки иногда бывали, оставались у него и он о них докладывал мне при следующей выплате. Я не могу сказать, брались ли с получавших расписки, или просто против полученной суммы ставились —птички». Выплата иногда некоторым лицам была и в моем присутствии, но это было случайно, т.-е. не обязательно. Мартьянов сам получал приблизительно рублей 150 при окладе его около 175—200 руб. Выплату делал Мартьянов до конца службы, т.-е. до 25 г., когда их стали производить Будный, а я уехал за границу и по возвращении не вникал, как он это делал, т. к. и деньги получал он...». (л. д. 157).

Насколько свыклись Щербиновские вредители с получаемым нелегальным жалованием и до какого цинизма они доходили, показывает следующий случай с **Пешехоновым,** с которым рассказывает **Сущевский:**

«Пешехонов... получал (деньги) раза два-три, при чем один раз я давал ему деньги лично, а остальные разы,

наверное, Бахтиаров. Точной суммы переданных мной Пешехонову денег назвать сейчас не могу, приблизительно рублей 600. Помню следущие обстоятельства: когда Пешехонов уходил со Щербиновки, он обратился ко мне с вопросом, что «как же будет с деньгами Дворжанчика[1]), ведь выгоняют-то меня со Щербиновки за советскую службу». Я ему помню на это ответил, что помочь вряд ли чем смогу и советовал в отношении дальнейшего получения денег предпринять меры от себя лично...». (л. д. 170).

Показания **Сущевского** о распределении денег находит полное подтверждение в показаниях обвиняемого **Одрова:**

«Расплачивался Сущевский лично с сотрудниками у себя в служебном кабинете, при чем платя деньги, говорил: «получайте и молчите». Полагаю, что моментом для оплаты денег, был момент оплаты сотрудников, главным образом, ордерами через кооператив, что было выбрано крайне удачно для привлечения их на свою сторону и создания ядра для успешного осуществления заданий бывшего хозяина...

За время с 1924 г. я от Сущевского или от Будного получал деньги разновременно: в первый раз в начале 24 г. сумма, поскольку помню, 200 руб. Второй раз в середине 24 г. сумма в пределах 100—300 р., в начале 25 г. от Сущевского—1000 рб., в середине 25 г.—300 р. и в 26 г., в начале года—500 р. и в середине 26 г.—300 р. Порядок получения этих денег был таков: Сущевский призывал к себе в кабинет, выдавал суммы и велел расписываться в специально заготовленной ведомости на коротком клочке простой бумаги. Ведомости эти всегда были подписаны самим Сущевским. Я помню, что пару раз эти деньги выдавались Зам. Главбухом Мартьяновым в его кабинете и один раз выдавал Будный, при этом присутствовал Сущевский. В списке лиц, получавших эт исуммы были: Сущевский, Будный, я, Люри, Лосев, Стояновский, Мартьянов и Долгий. При чем Долгий был в списках один раз, Люри и Лосев не всегда вместе, т. к. иногда один из них в списке отсутствовал. При выдаче денег Мартьяновым, последний говорил, что означенные деньги в расчетную книжку, конечно, не попадут. Перед отъездом Сущевского в Харьков на постоянную работу, мы от него денег не получали, хотя надеялись получить. И поэтому поводу у меня был разговор со Стояновским, который сказал: «Сущевский уехал и денег не заплатил, а теперь жди, чтобы Березовский заплатил...». (л. д. 178).

...«Я не могу с точной уверенностью сказать, сколько именно каждый из перечисленных в отдельности получал, но поскольку мне помнится, Сущевский получал вдвое больше меня, Стояновский процентов 76 по отношению к Сущевскому, остальные в процентах 60 и 40 по отношению к Сущевскому». (л. д. 191).

---

[1]) См. ниже.

Обвиняемый инженер **Люри** также подтверждает показания **Сущевского** и **Одрова:**

«Помню, что в 1924 г., в начале года, меня позвал к себе в кабинет главный инженер Сущевский и сказал, что я имею получить от него деньги. При этом присутствовал директор Бахтиаров. На ведомости—небольшом листе бумаги, на коем были несколько фамилий, а расписался в получении суммы 300 руб. или 375 руб. и собираясь уходить, услышал предложение Сущевского, «пожалуйста ни кому не говорите». Я ничего не ответил, вышел из кабинета. Поскольку в моей памяти рисуется эта ведомость, я сообщаю, что в этом списке были: Сущевский, Стояновский, Одров, Люри, Семенченко, Большаков и Долгий. Кроме того, мне помнится, что в этом списке был и Бахтиаров, но утверждать это не могу. Сколько получили первый раз перечисленные лица я не знаю. Второй раз, я помню получил такую же сумму или что то около этой суммы в кабинете главн. бухгахтера. Выплачивал деньги бухгалтер Мартьянов. Это было в середине 24 г. В ведомости были те же фамилии...». л. д. 211).

Получение денег не отрицает и инженер **Семениченко:**

«В дополнение моих показаний относительно получения денег от Сущевского, припоминаю, что в списке, в котором я расписывался у Мартьянова, после получения денег от Сущевского, на ряду с другими фамилиями значились фамилии Стояновского, Одрова, Большакова, при чем, насколько помню, им по этому списку причиталось: Стояновскому 450 р., Одрову—300—350 р. и Большакову—250—300 р. В общем же по этому списку суммы числились лицам от 150 до 450 руб. (л. д. 366).

Организация вредительства на Кадиевском Рудоуправлении. Гл. инж. Соколов.

Аналогично Щербиновской группе на Кадиевском Рудоуправлении также работала контр-революционная группа.

Возглавлял эту группу инженер **Соколов.** Он работал в качестве главного инженера. Инженер **Соколов** еще до прихода на работу в Кадиевское Рудоуправление состоял членом вредительной организации.

По этому поводу инженер **Соколов** показывает следующее:

«Начиная с 1924 года на **Чулковском** руднике организовалось отделение контр-революционной организации, во главе которой стоял инженер **Матов,** куда относился и я...». (т. , л. д. 16).

Тот же **Матов** с переездом **Соколова** на Кадиевку продолжает его инструктирование по вопросам работы организации.

Соколов показывает:

«С переездом моим на Кадиевку у меня осталась связь только с Матовым, который инструктировал меня и других главных инженеров, у которых он останавливался (л. д. 29).

О составе организации на Кадиевском Рудоуправлении **Соколов** говорит следующее:

«Вербовка шла сверху. Я был завербован **Матовым** и, в свою очередь, завербовал **Бояринова** еще на Чул-

ковке (затем он работал на Кадиевке с **Соколовым**) и **Некрасова И. И.** на Кадиевке...». (л. д. 51).

Инженер **Бояринов** работал на Кадиевке в качестве заведующего шахтой «Ильич», а затем зав. Проектным Бюро Рудоуправления. Инженер **И. И. Некрасов** сперва работал главным инженером Кадиевского Электро-кольца.

Обвиняемый **Бояринов** подтверждает свое участие в организации по Кадиевке совместно с **Соколовым** и **Некрасовым.** (л. д. 188).

Говоря о вредительстве, **Соколов** показывает:

«На Кадиевке положение дел было иное. Во-первых, состояние рудника было плохое. Две шахты стояли на консервации. Работавшие давали четверть полной нагрузки. Во-вторых, технический персонал был малочисленный. В-третьих, управляющий **Коробкин** был самостоятельный человек и с ним нужно было бороться. Часть технического персонала считалась только с ним. Но все же и здесь я старался, с одной стороны, развивать производство, а с другой,—подбирать персонал. Это удалось мне больше, когда управляющий уехал за границу. Я стал действовать самостоятельно и приглашать техников и инженеров с Чулковки и других мест, но такого же духа. Так, был взят техник-строитель **Осмоловский,** вызвавший забастовку у рабочих строй-бюро, благодаря грубому с ними обращению. Механик **Некрасов,** который впоследствии заказами на машины в большом числе чуть не сорвал всего плана хозрасчета. Из старых был выдвинут инженер коксовик **Беленко,** хороший и знающий работник, благодаря которому были восстановлены коксовые печи, но чуть невызвавший забастовку своим обращением старого закала. В отсутствие управляющего у меня был конфликт с его заместителем на почве моей самостоятельной деятельности. С меня требовал об'яснений партийный комитет, меня отстаивал приехавший в то время **Матов** и только потому, что работы стали улучшаться и финансовое положение рудника окрепло, меня стал поддерживать и секретарь парткома тов. **Кац.**

Я стремился развернуть работу возможно шире и, согласно инструкции **Матова,** всячески поддерживал желание Управляющего Рудоуправления, вернувшегося из-за границы и желающего видеть все новшества, за границей у себя—переоборудования шахты «Ильича», а затем развитие мелкой промышленности. Донуголь и особенно **Матов** очень поддерживали обе работы. Я начал делать проект и в спешном проекте закладывать шахты. **Бояринов,** приглашенный управляющим и уже за два месяца службы вызвавший забастовку на шахте «Ильич», был поставлен во главе проектирования. Проект очень задерживался **Матовым,** который первый раз сам защищал его в техническом совете. Были даны деньги и работы начались, хотя проект не был закончен, а сделанное носило хоатический характер. В результате шахта осталась с негодным старым оборудованием, потому что проекты и заказы на оборудование затянули дело. С дру-

гой стороны, были сделаны ненужные работы и затрачены большие деньги.

Мелкая промышленность имела шахты, неправильно заложенные, не оправдывающие возложеных на них надежд и тоже стоющие денег. Шахта № 31 заложена не на предположенном для нее пласте. Последний был найден впоследствии. Указания для расположения давал инженер **Меньшугин,** заведующий шахтой «Паркоммуна» и чуть ли ее не заваливший. Шахта № 32—попала на сильно нарушенный пласт. Разведки вел **Безгин.** Шахта № 33 нашла один пласт, вместо двух. Шахта № 34—попала на сбросы. Шахта № 35—нашла уголь с большим процентом серы. Шахта № 37 (правда, заложенная не по моей инициативе) и № 38—попали выработками под колонии. Шахты развивались два года и стоили миллионы рублей. Все это потому, что я не проверял даваемые мне данные.

Инженер **Евстратов** (бывш. пом. **Матова)** смотрел только за скоростью заложения и за бумажными расчетными сведениями, находя, что все обстоит хорошо.

Бояринов проектировал копер на шахте № 31 и сделал его настолько низким, что потом во время работы пришлось его поднимать почти на сажень...». (л. д. 32—33).

Соколов освещает линию поведения группы по отношению к рабочему вопросу:

«Рабочего вопроса **Матов** касался только по проведению общей линии—главенства технического персонала и нажима на рабочих. Эту линию я развивал дальше уже по собственной инициативе. О распоряжениях в конкретных случаях я уже писал в описании моей деятельности. Примерами проведения общей линии в жизнь и инструктирования техников могут служить следующие:

Я говорил **Некрасову** и он отстаивал перед рабочими организациями мастера кочегарки **Сидоренко,** которого рабочие требовали снять. Сидоренко был мастер старого режима, грубый пьяница и проч. Он, правда, знал котлы но к рабочим относился несправедливо и жал их без всякого смысла. Некрасову два раза удалось его отстоять.

Второй пример—беспорядочная выдача премий машинистам паровозов, которая вызывала брожение и недовольство самих машинистов, и в то же время делала работу паровозов бесхозяйственной. Премия была от перевезенного груза и поэтому маневровые паровозы стремились больше стоять.

Плохо организованная работа мастерских и несправедливое назначение расценок вызывали споры и недовольство рабочих...

Линия работы **Рущинского** (инжен.) по моим инструкциям и по собственной инициативе сводилась к нажиму на младших техников и рабочих. Будучи Председателем Технической Секции, он должен был защищать техников, что не всегда было возможно, так как он был

зав. шахтой и вызывал их недовольство. Персонал постоянно перемещался, работы оставались без надлежащего надзора. Заявления рабочих своевременно не разбирались, что рождало частые, хтоя и маленькие, забастовки рабочих. Забастовка на пласте «Никанор» длилась около недели (1927 г.). В то же время Рущинский старался держать шахту в порядке, но новые работы и подготовки шли плохо...». (л. д. 48, 49).

Обвиняемый **Бояринов** подтверждает факты вредительской работы указанные выше **Соколовым:**

«Во время работы на Кадиевке я после перехода на должность заведующего Проектным Бюро разрабатывал проект переоборудования шахты «Ильич», неоднократно составлял и переставлял проект переоборудования, тормозя его. Этому же способствовал способ работы технического совета, решавшего вопросы не в частности о шахтах, а вообще, что создавало для работы колоссальную волокиту и замедление. Такая постановка работы задержала работу на года полтора. При проектировании шкивов на тумбах и подшипников к ним, мною было сделано упущение, а именно: кружки подшипников были сконструированы неправильно, их пришлось переделать. Затем шкивы я расчитывал взять старые, но они не подошли, буксировали; этим я причинил излишний расход и задержку в работе ствола шахты № 2...». (л. д. 167, 168).

Что касается работы Проектного Отдела, в частности шахты «Ильич», то мне давал **Матов** задания во время обсуждения проекта в кабинете **Соколова** в отсутствие последнего. Это было, кажется, в феврале 1926 года. Говорилось, что с проектом не нужно очень торопиться, что скорое проведение проекта невыгодно акционерам; так как вызовет быстрый рост добычи. Какие-либо конкретные меры для этого он не указывал, так как сроки для проекта установить было нельзя. Говорил, что за такое промедление мне будет уплачено вознаграждение.

Соколов говорил мне об этом позднее, недели через две. Говорил, что проект идет удовлетворительно, что к техническому совету будет материала много, но что работа от этого не сдвинется, так как главный вопрос для работы — это вопрос о под'емной машине, ее ремонте и переделке и вопрос о копре, разрешение затягивается... (л. д. 182).

Некрасов И. И. Бояринов.

По Кадиевке мне известна задержка с проектированием и выполнением проекта шахты «Ильич». Работа производилась мною лично. Задержка механизации, а именно: машины применялись с запозданием, электровозы были получены, но простояли продолжительное время на поверхности. Проводилось мной и **Соколовым.** В области заказа машин и механизмов, а таже и материалов свыше действительной потребности — главным механиком **Некрасовым.**

Составление смет весьма урезанных так, что выполнение работ в пределах смет было невозможно. Работа

проделывалась мной и **Некрасовым** по указаниям **Соколова...»** (л. д. 188, 189).

Инженер **Матов,** описывая деятельность Кадиевской группы, говорит:

«**Соколов** привлечен мною в организацию в 1925 году, я к нему обратился, так как давно его знал лично и считал, что по своим взглядам он будет симпатизировать данной организации. В дальнейшем он привлек к работе **Бояринова** и **Некрасова.** Задачами указанных лиц было: **Соколова** — проведение идей организации по всему руднику, **Бояринова** — по шахте «Ильич», **Некрасова** — по электро-хозяйству рудника, а впоследствии — электрокольца...» (л. д. 87).

К числу заданий и работы группы по вредительству **Матов** относит:

«Чрезмерное увеличение количества рабочих по Кадиевскому Рудоуправлению в 1927 году, примерно, на 1.000 человек лишнего персонала, не вызывавшегося необходимостью производства...» (л. д. 112).

И тут вся работа по вредительству оплачивалась. По этому поводу **Матов** показывает, что он давал деньги **Соколову** для распределения среди других членов Кадиевской организации, а также и для него самого.

Соколов указанное подтверждает, показывая:

«... мною было получено от **Матова** при поездке в Харьков в 1926—27 г. 3.000 и 2.000 рублей, из которых в 1926 году было роздано **Бояринову, Некрасову** по 600 рублей, а в 1927 году—только двум последним по 500 рублей, а остальное оставалось у меня» (л. д. 38).

Инженер **Бояринов** не отрицает получения им денег от инженера **Соколова** (летом 1926 года) в размере 500 рублей (л. д. 183).

Селезневское Рудоуправление—„Паркоммуна".

Аналогичная вредительская группа работала также и по бывш. **Селезневскому Рудоуправлению,** ныне «Паркоммуна». Работу на «Паркоммуне» начал и проводил **Детер,** член руководящей группы.

Детер.

Говоря о вредительстве и о тех директивах, которые он имел, **Детер** показывает, что ему было предложено, чтобы он —

«... делал все возможное на Селезневском руднике для того, чтобы на шахте № 1-бис сохранились запасы угля. Для того, чтобы это осуществить, был приглашен специальный инженер, который сорьезно занялся бы проектированием этой шахты. Это был инженер **Долгопятов.** Снмого инженера **Долгопятова** мы в это дело не посвящали. В общем за проектированием следил я. Позже, когда новым проектированием занялся **Матов,** то и он примкнул к этому делу. С целью осуществить оборудование шахты № 1-бис, она не затоплялась окончательно и водоотлив поддерживался через шахту № 1. Все это продолжалось до тех пор пока я был групповым директором на Селезневском руднике. Последний раз, когда этим делом стал ведать **Матов,** то к нему перешло и дальнейшее. По отношению к уменьшению добычи на эксплоатационных шахтах много сделать

не удалось, так как и Донуголь со своей стороны сокращал добычу вследствие того, что те сорта угля, а именно: «ПС» и «Тощий» не помещались на рынке. Не совсем так по отношению к «тощему» углю шахты № 5, который по своему качеству стоит очень высоко и мог бы помещаться на рынке. Здесь все-таки произошла некоторая задержка в добыче. В дальнейшем **Детер** показывает:

«Относительно шахты № 1-бис нужно сказать, что она была затоплена и представляет из себя только ствол шахты пройденной до нижних алмазных пластов. О сохранении этих пластов и была речь. Конечно, нужно было в интересах бывших владельцев сперва оборудовать ее, на что потребовалось бы 3—4 года. Для составления полного проекта было организовано проектное бюро и проектирование бюро поручено инженеру **Долгопятову.** Сперва предварительный, а затем более детальный проект был проведен через техническое совещание консультантов и профессоров при бюро новых проходов. Конечно, исполнение главного поручения — сохранения недр начиналось бы с того момента, когда шахта была бы оборудована и нужно было бы приступить к капитальным подземным подготовительным работам и разработке двух главных пластов шахты алмазной свиты. Это время не скоро бы наступило. Что касается других шахт Селезневского рудника, то относительно их, а именно: №№ 4, 5 было мне дано прямое распоряжение **Бояршиновым** сократить добычу в возможно большем размере. Это и было фактически сделано тем, что на шахте № 4 были оставлены дальний бремсберг и не форсировались подготовительные работы. Так, продолжалось до тех пор, пока уже в 1926 году (во 2-й половине), новое распоряжение отменило первое. К этому моменту, кажется месяцев позже, директорат перестал существовать. Второе распоряжение исходило также от **Бояршинова.** Что касается шахты № 10, то почти до конца директората она стояла на сухой консервации и была поставлена на эту консервацию распоряжением Донугля еще до моего приезда на Селезневское Рудоуправление...» (л. д. 95).

Финансирование

За проводимую вредительную работу **Детер** получил вознаграждение в размере 750 долларов, каковые деньги **Детер** оставил за границей у своего шурина **Мяновского** (л. д. 78). **Детер** также не признает и получения денег от **Матова** в сумме 1.000 рублей (л. д. 97).

Брянцевское Рудоуправление Детер

Тот же обвиняемый **Детер** организует контр-революционную группу на Брянцевском Рудоуправлении, каковая входила в его ведение в бытность его групповым директором Донугля.

Переходя к описанию непосредственной вредительской работы, каковую он, **Детер,** проводил на рудниках Брянцевского Рудоуправления, **Детер** показывает:

«Во всяком случае я знал, что многого сделать на этом Рудоуправлении нельзя...».

Одним из элементов вредительства явилось сокращение подготовительных работ, что, по показанию **Детера,** относится к—

... «шахте № 6—Краснополье и № 2—Каменской... Нужно сказать и о шахте № 6—Брянской. Эта шахта № 6 была затоплена, если не ошибаюсь, в 1920 году. О ней составлялся в Донугле проект ее восстановления. Решение восстановить ее прошло через Технический Совет при Бюро новых работ. Первая предварительная проработка сразу выявила необходимость работать не только Алмазную свиту, но и Каменскую. Если бы работать только одну Алмазную свиту, как это было прежде, без Каменской, то шахта была бы не рентабельной. Раз нужно работать Каменскую свиту, то выплывает вопрос о второй дополнительной шахте на более верхних полях месторождения. Только при таких условиях получилась бы хорошая шахта и даже значительно лучшая, чем была шахта № 6 до ее затопления. Если бы проект осуществился, а начало этому было положено, то Брянский рудник в значительной своей части был бы восстановлен...» (л. д. 78, 79).

Однако же, восстановление шахты № 6 мыслилось **Детером** отнюдь не в интересах развития строительства Донбасса—истинная цель, по его же собственному признанию, заключалась в том—

... «чтобы в интересах бывших владельцев восстановить шахту, а при осуществлении восстановления—сохранить запасы, не форсируя подготовительных работ... Об этом я говорил, т.-е. о шахте № 6, с **Матовым,** когда я с ним ездил на Брянский рудник передавать ту часть директората, которая переходила в Управление новым строительством к **Матову...»** (л. д. 79).

В дальнейших своих показаниях **Детер** уточняет работу по вредительству на Брянском руднике:

Бояршинов

«Переходя к Брянскому руднику, должен добавить к своим прежним показаниям, что... распоряжение о сокращении добычи было мною получено также от **Бояршинова** и было легче провести на Брянском руднике, чем на Селезневке, по той простой причине, что можно было не пускать на главной шахте Брянского рудника пласты Атамановский и Над-Орловский. Что касается пласта Алмазного, то он настолько был испорчен прежними работами, что, по моему еще до сих пор едва ли можно многое сделать на втором горизонте. Пласты Атамоновские и Над-Орловские были оставлены еще до моего первого приезда на Брянский рудник и, если не ошибаюсь, это находилось в связи с временным затоплением шахты № 12.

На других шахтах Брянского Рудоуправления, а именно: на шахтах № 1-бис добыча сократилась тем, что не форсировалось развитие подготовительной работы по нарезке пластов крутого падения Северного квершлага. На шахте № 2 Каменской тем сокращалась добыча, что не был пущен уклон по пласту Аршинному...» (л. д. 95—96).

Екатеринин-ское Рудо-управление Братановский

На Екатерининском Рудоуправлении также проводилась работа ячейкой к-р. организации по вредительству. Возглавляя эту работу главный инженер Екатерининского Рудоуправления **Братановский.**

Описывая свою вредительскую работу, **Братановский** показывает следующее:

«С приездом **Детера** было принято общее решение разрабатывать на шахте «Шмидт» Берестовский пласт, имеющий уголь худшего качества, а пласты Алмазные, Макарьевский и Екатерининский задержать, но осуществить это не удалось, так как для этого требовались единовременные большие затраты, на которые Донуголь из-за недостатка средств пойти не мог. Ходатайствовали ли мы в официальном порядке об отпуске средств или же **Детер** навел официальную справку—я сейчас не помню... (л. д. 36).

По моей инициативе была начата проходкой небольшая штольня на Берестовский пласт; штольня эта должна была разведать, по моему, очень выгодный участок Берестовского пласта, но работать который я предполагал впоследствии после сдачи Екатерининского рудника концессионерам. На шахте Капитальной была попытка разработать заведомо плохой пласт Макеевский, но попытка эта не удалась вследствие того, что анлиз показал чересчур большое количество серы. На Ясиновском участке были пройдены две шахтенки, но пласты плохого качества полуспекающегося, полутощего. Затягивался раскреплением ствол шахты Капитальной...(л. д. 61).

За несколько месяцев до моего ухода Екатерининский рудник начал так хорошо работать, что пришлось сдерживать рост добычи и понижение себестоимости, а также несколько изменить в худшую сторону производительность рабочего, начав развитие подготовительных работ, в то время еще не нужных...».

Были приняты меры и на случай экстренных мероприятий в отношении вредительской деятельности, для чего по показаниям того же **Братановского,**—

«было решено, прежде всего, остановить водоотлив на шахте «Шмидт», а также турбины на франко-русском руднике, а также по возможности привести в бездействие вентилятор...».

Одной из форм вредительства, проводимого и на Екатерининском руднике,—являлось, по показанию **Братановского,** проведение политики по созданию недовольства среди рабочих:

«На Екатерининском руднике было свыше 1.000 рабочих... Недовольство рабочих было вызвано непомерным повышением норм, введением хронометража и, в силу этого, относительным понижением зарплаты. Все это проводилось в жизнь при помощи Профсоюза, Председатель которого по приезде из Артемовска усиленно настаивал на введении новых норм. Это имело целью создать недовольство советским режимом, но все-же это не давало эффектных результатов...» (л. д. 86).

Финансирование.

Вся изложенная вредительская работа компенсировалась и тут выплатой вознаграждения от заинтересованных владельцев. За время работы на Екатериновке инженер **Братановский** несколько раз получал деньги, о чем он показывет:

«Деньги я получал от **Сущевского** в конвертах с под-

писями на машинке на русском языке. Кроме денег, никаких писем или директив в пакетах не было. По внешнему виду конверты были заграничные. Первый денежный пакет был получен осенью 1923 г. Деньги были в новых купюрах, червонного исчисления в 100 рублей каждый.... (л. д. № 35).

Припоминаю, что всего я получал деньги четыре раза, причем два раза через **Сущевского** (один раз лично от него, а другой раз через посланного им служащего), в первый раз 200 руб., во второй раз, кажется, 250 руб., в третий раз через **Матова,** но после визита **Сущевского,** с которым **Матов** о чем-то шепотом долго беседовал,—получил я 300 руб. и четвертый раз—также от **Матова,** но точную сумму не помню, т. к. это совпало с получением мною премии от Донугля и платой за проектирование Ютостали (должно быть тоже рублей 300)...» (л. д. 60).

Работала контр-революционная группа и в Гришинском рудоуправлении, где ею руководил инжен. **Казаринов** Алексей Иванович, зав. горными работами Гришинского управления. **Гришинское Рудоуправление Казаринов Бахтиаров**

Организована группа была уже неоднократно упоминавшимся **Бахтиаровым.**

Вот что показывает по этому поводу инж. **Казаринов:**

«Впервые Бахтиаров заговорил со мной об организации в 1924 г., когда он был назначен директором района. В то время дела каменноугольной промышленности шли на убыль, не было оборудования, работа была чрезвычайно трудной и не было перспектив на улучшение. Приезжая в район Бахтиаров, обычно, останавливался у меня и мы с ним беседовали на темы о Донбассе его будущем и настоящем. В один из своих приездов Бахтиаров завел разговор о том, что при существующих способах хозяйствования, рудники идут не только не к обновлению, но к гибели, примером этому служат случаи многочисленных затоплений шахт, рост заваленных запасов, закрытие ряда шахт и пр. Это настолько ясно, что группа ответственных специалистов, в первую очередь, быв. комиссия Данчича об'единялась с целью провести вопрос о возврате рудников в управление быв. владельцев или их уполномоченных инженеров, и что по этому же поводу из-за границы будто бы уже завязаны соответствующие переговоры с советской властью.

Многие инженеры Донбасса примкнули к означенной организации и придерживаются в своей работе директив указанной инициативной группе.

Через некоторое время разговор возобновился, причем Бахтиаров уже указывал на общую директивную линию, заключавшуюся в том, что следует по возможности, до передачи рудников б. владельцам подготовить шахты путем устройства большого числа подготовительных работ, ведя их хотя бы в ущерб очистной выемке, задерживать развитие добычи и т. п. Чем дальше, тем идеи организации развивались Бахтиаровым с большей точностью и определенностью, причем для сокращения добычи рекомендовались, в случае необходимости даже меры вредительского характера. К счастью в Гришино применять таковые

не было нужды, так как шахты все были молодые и без труда можно было сдерживать темп добычи путем усиления подготовок...».

Доводы **Бахтиарова** убедили **Казаринова,** он согласился повести работу на руднике в нужном для **Бахтиарова** направлении. Для осуществления заданий **Бахтиарова Казаринов** приступил в свою очередь к вербовке ответственных техников Гришинского рудника:

«Говоря с Бахтиаровым о развитии деятельности организации в Гришинском районе, я наметил и привлек к участию в ней лиц. При помощи означенных лиц и под моим непосредственным руководством, как фактического руководителя Технической частью, проводилась указанная мною линия организации...».

Переходя к описанию проводимой им вредительской деятельности на Гришинском рудоуправлении, **Казаринов** показывает следующее:

«Когда вопрос о возврате рудников б. владельцам безнадежно затянулся, Бахтиаров выдвинул проект переоборудования Ново-Экономической центральной и Городовской шахт, проект сам по себе явно нецелесообразный, так как за деньги, которые будет стоить это переоборудование, можно было смело пройти новую шахту на почти 60-ти верстном свободном простирании прекрасного пласта. Осуществление же переоборудования связано с необходимостью разрушения ряда недавно выстроенных прекрасных сооружений (подшахтное здание № 6, жел. бет. эстокад и пр.) и надолго откладывает нормальное развитие шахт в первоначальном их масштабе. Предлогом для переоборудования послужила необходимость пройти на Н.-Экономическ. шахте вентиляционный ствол, а на Городовский—перекрепить верхние 40—50 метров шахты № 6. Я лично был сторонником закладки новой шахты, но организация решила иначе, и я не стал противоречить...».

За вредительство **Казаринов** получал вознаграждение, об этом он показывает следующее:

«Денег от организации ни я, ни привлеченные мной лица не получали, но Бахтиаров, как районный директор, провел выдачу нам 2000 р. для составления программы 1925/26 опер. года, которые нам, собственно, не полагались.

Распределять эти деньги пришлось не только среди членов организации».

Раздавая деньги, **Казаринов** проводил определенную агитацию, указывая «членам организации на то, что если бы организации не было, то не было бы и денег, причем членам организации при распределении мной было дано некоторое преимущество перед не членами ее».

Байракское Рудоуправление. Бояринов.

На Байракском Рудоуправлении вредительскую работу проводил обвиняемый инженер **Бояринов.** Согласно полученных им инструкций, он ставил целью проведение «мер, тормозящих развитие промышленности. Такими мерами в частности для Байрака, было указано тормозить всячески

откачивание затопленных горизонтов, дорабатывать существующие запасы угля и т. п.»...

О явно вредительском характере работы **Бояринова** показывают допрошенные в качестве свидетелей рабочие рудника.

Так забойщик Калининского рудника Лапиков Павел Лаврентьевич, беспартийный, член союза горняков, показал:

«Приехал я на Калининский рудник в 1923 году, тогда разрабатывались пласты «Александровский» и «Великан», на горизонте 150 метров, работа шла усиленным темпом и погоня была исключительно за добычей, зав. рудником в это время был инж. Бояринов.

Предвидя, что эти пласты иссякнут, рабочие указывали на необходимость откачки нижних горизонтов, имеющихся нетронутые еще и находящиеся на более близком расстоянии, чем «Великан» и «Александровский». Кромс того, старые рабочие, знающие хорошо пласты говорили, что невыгодно разрабатывать «Великан» и «Александровский», поскольку они не мощны. Бояринов на это возражал, что пластов хватит еще на 5 лет, а потом у нас есть еще нетронутый пласт «Деризовка», которого надо разведать.

Видно для успокоения рабочих Бояринов приступил к разведочной работе шурфом для обнаружения пласта Деризовка.

Рабочие указывали на невыгодность этого мероприятия, так как там сильная вода, которая затапливала все и беспрерывно были заняты откачиванием воды, помимо этого вопрос, будут ли еще обнаружены пласты, также неизвестно. И вот по этим соображениям раздавались голоса о прекращении разведочной работы шурфом для обнаружения пласта «Деризовки» приступить к откачке воды с нижних горизонтов и в крайнем случае производить развед. работы к пласту «Деризовки» со стороны «Великан» на горизонте 140 метров квершлагом.

Потратив на эту бесполезную работу около 1½ лет, **Бояринов** под настоянием рабочих прекратил ее и начал проходить квершлагом к пласту «Деризовка» со стороны пласта «Великан» на горизонте 140 метров. Через 3 месяца работы обнаружили пласт, который оказался негодным и разрабатывался и сейчас на собственные нужды и то с трудом.

Откачка же не производилась, якобы вследствие отсутствия насосов и средств для этой цели» (л. д. 312—314).

Десятник Динамитного склада, Калининского рудника **Улаев** Иван Яковлевич, показал:

«Из области деятельности **Бояринова,** которая мне известна, могу отметить постройку динамитного склада в шахте на горизонте 70 метров. Склад этот строили около года и затрачено на него большие средства, сколько—

не знаю,—и оставили совершенно готовым без использования. О том, что этот склад ненужен был, говорит факт неиспользования его. Кроме того, на горизонте 40 саж. стоит склад, построенный в 1920 году, железо-бетонный. прекрасный, могущий содержать в себе целые вагоны динамита.

Из других моментов контр-революционной деятельности **Бояринова** считаю необходимым указать на оставление безрезультатно пласта № 21. Там имеются большие залежи. Пласт имеет мощности шесть четвертей и его не разрабатывают, тогда как пласт Николаевский, отличающийся зольностью, порой разрабатывается. Я считаю, что таких людей, которые не умеют использовать столь богатые залежи, какие имеются в № 21, следует гнать с производства...» (л. д. 320—321).

Десятник шахты № 1, **Буленко** Иван Степанович, показал:

«О деятельности **Бояринова** могу сказать, что он, как зав. шахтой, производил разведку к пласту «Деризовка» шурфом. Прошли около 40 метров, затем оставили, так как работа была нецелесообразна. Об этом говорили все рабочие, которые хорошо знают природные залежи этих пластов. Рабочие рекомендовали с самого начала пройти квершлагом. И лишь после неудачи с поисками шурфом начали проходить на юг 13 метров и на север — 27 метров и тогда обнаружили пласт.

О деятельности **Бояринова** могу сказать, что он сильно резал экономию и она, главным образом, относилась за счет рабочих. К рабочим он относился сурово и на собраниях были выступления некоторых, фамилии не помню, которые предложили администрации убрать его, иначе его убьют — спустят в шурф. Незадолго перед своим уходом **Бояринов** затеял разработку—проходку на пласте Юльевка, но ему ничего не удалось сделать, так как он ушел и его работу продолжал уже только **Буданцев...**» (л. д. 325—326).

В конце 1926 г. на Байрак переводится главный инженер **Ржепецкий** Владислав Станиславович, уже к этому времени входящий во вредительную организацию. Он нашел, однако, байрак уже в таком состоянии, что «вредить» там, по существу, уже было не нужно. Как он сам говорит:

«На Байраке никаких директив не нужно было проводить, потому что он был в таком состоянии, что все развивалась, и добыча вот-вот должна была прекратиться. Оставались только два пласта на незатопленном горизонте, которых прежние владельцы не выбрали, потому что предпочитали выбирать шахты лучшего качества...» (л. д. 58—59).

И тем не менее он продолжал «работать» в том же направлении, так как —

«**Сущевский** относительно байрака говорил, что директива относительно стоимости угля остается прежней и относительно открытия мелких шахт тоже».

ГЛАВА IV.

ОБРАЗОВАНИЕ ХАРЬКОВСКОГО ЦЕНТРА И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Индивидуальная связь с за-границей отдельных инженеров

Так разворачивалось вредительство по отдельным Рудоуправлениям отдельными группами инженеров. Выше уже было указано на схожесть методов вредительства, вербовки и схожесть структуры организации в каждом Рудоуправлении, и именно это обстоятельство заставило следствие поставить вопрос о том, не имеет ли тут место одна организация с единым руководящим центром. В особенности наталкивал на это факт финансирования вредителей денежными средствами, поступавшими **извне.**

Более детальная разработка привела к установлению как центра, так и источника финансирования. О его местонахождении не трудно было умозаключить уже из показаний **Березовского, Шадлуна, Сущевского** и др. группировок инженеров, в свою очередь структурно об'единявшихся в Донуголе.

Центром организации об'ективно, таким образом, оказался Харьков, и руководящий состав надлежало искать в отдельных Управлениях Донугля.

Допрошенные по этому поводу обвиняемые целиком подтвердили как наличие такого центра, так сообщили и историю его зарождения и источники финансирования. Он развивался аналогично тому, как развивались организации и на периферии, начиная от индивидуальных связей отдельных инженеров с бывшими хозяевами и кончая созданием единой стройной организации, тесно связавшейся, с одной стороны, с периферией и с закордонными организациями бывш. собственников, — осколками старого совета с'ездов промышленников юга России — с другой.

Следствие установило, сверх того, что, кроме руководства вредительской работой на периферии, Харьковский центр проводил большую вредительскую работу в Донугле и самостоятельно, взяв в свои руки У. Н. С. (строительство нового Донбасса), Отделы механизации и импорта (иностранный отдел).

Что касается источников финансирования, то удалось установить не только, **откуда** (от кого) поступали деньги, но и **как** (через кого) они поступали. В этом последнем пункте раскрылась картина, заставившая следствие предать всему делу еще большее значение, чем то предполагалось первоначально. Если источником финансирования оказались бывшие собственники, то передаточным каналом денег и инструкций— официальные иностранные организации, легально действующие у нас на территории СССР и имеющие официально совершенно иные задания.

Шадлун Ремо.

Некоторые инженеры, несмотря на развитие гражданской войны, сумели сохранить и в те времена свои связи с бежавшими хозяевами. Одним из таких инженеров был **Шадлун,** управлявший Брестово-Богодуховским рудником (вошедшим при Советской власти в Щегловское Рудоуправление); правление Брестово-Богодуховского рудника возглавлялось, в свое время, бежавшим директором **Ремо.** Этот **Ремо** оказался

политически более дальновидным, чем многие другие хозяева, и не надеясь на быструю реставрацию дал **Шадлуну** инструкцию затопить самую большую шахту (№ 14) Берестово-Богодуховского рудника.

Шадлун об этой директиве показывает следующее:

«Вспоминаю, что директор **Декс** в 1918 г., когда уезжал за границу, говорил мне, что Правление Общества решило, что в случае нового занятия Донецкого бассейна большевиками — затопить шахту № 14, такое затопление будет сделано и на других французских предприятиях... Следующий мой приезд в Харьков перед от'ездом его за границу, я разговаривал с **Ремо** о рудниках и шахтах, он мне заявил, что рудник и шахты нужно всемерно поддерживать, чтобы они работали и были в порядке; что касается шахты № 14, то ее придется затопить. Я его спросил: «что, это Ваше распоряжение?» Он мне ответил, что «да, это мое распоряжение». На мой вопрос: «знает ли о таком решении **Булгаков,** как Ваш заместитель», на что получил ответ — «знает». После от'езда **Ремо,** я спрашивал **Булгакова,** «знает ли он о распоряжении **Ремо** о том, чтобы затопить шахту № 14», он мне сказал, что «знает об этом...» (л. д. 191).

Смысл распоряжения **Ремо** для **Шадлуна** был ясен, **Шадлун** показывает:

«При окончательном от'езде из Харькова, **Ремо** опять говорил мо мной, о поддержании рудника вообще, кроме того, о затоплении шахты № 14, т.-е., чтобы ее затопить. По моему мнению, затопить эту шахту он давал распоряжение для того, чтобы не выбирались недра советской властью» (л. д. 214).

Помимо директив **Шадлуну** относительно его действий на руднике, из показаний того же **Шадлуна** видно, что **Ремо** считал необходимым закрепить за собой старый кадр служащих рудника и обеспечить себе со стороны этого кадра выполнение его директив в будущем, если занятие Донбасса красными войсками окажется длительным. В своем показании **Шадлун** рассказывает об этом следующим образом:

«При моем последнем разговоре **Ремо** говорил, что при первой возможности пришлет деньги для инженеров Берестовки, если занятие Донбасса будет длительным...

А перед от'ездом из Харькова **Ремо** выдал мне расписку на получение из кассы денег — восьмидесяти тысяч рублей в конце 1919 г. и распорядился раздать их старшим служащим Берестово-Богодуховского рудника за то, чтобы они заботились о руднике и сохраняли имущество согласно его указаний» (л. д. 191, 214).

Выполняя директиву **Ремо** о затоплении шахты № 14, **Шадлун** по его показаниям:

«Сказал **Некрасову И. И.** (зав. шахтой) в последний день от'езда в Ростов и отдал ему распоряжение о затоплении шахты. О том, чтобы было возражение со стороны **Некрасова** на мое распоряжение, я не помню... Разговор о затоплении шахты № 14 происходил на квартире у **Некрасова,** кроме нас двоих, никого не было.

Это распоряжение о затоплении шахты № 14 было мною дано в декабре 1919 г.» (л. д. 205).

Шахта № 14 самая большая шахта Берестовско-Богодуховского рудника во исполнение распоряжения **Шадлуна** была затоплена в 1920 году. По этому поводу **Шадлун** рассказывает, что когда он

«в мае или июне 1920 г. приехал с семьей на рудник и разговаривал с **Некрасовым** (тогда управляющим рудником) о том, каким образом произошло затопление в шахте № 14, он мне сказал, что во-время не могли доставить угля. На мой вопрос, разве на Пастуховском или Игнатьевском не было Хугля, не могли перебросить, он сказал, что здесь теперь заправляют делами, как техн. руководители, инженеры **Кузьма** и **Детер,** которым нет дела до Берестовки...» (л. д. 199).

Указания **Шадлуна** в выше цитированном его показании о желании **Ремо** сохранить кадр старых служащих на руднике, с целью выполнения ими его директив, находят свое развитие в дальнейших сношениях **Шадлуна** и **Ремо,** идущих по различным каналам, через различных лиц.

Шадлун по этому поводу показывает следующее:

«Первое письмо получено мною через **Мроза** (зав. электроотделом ЦПКП, эмигрировавший при советской власти в Польшу). Вместе с письмом **Мроз** передал мне одну тысячу рублей золотом. В письме, содержание коего точно не помню, указывалось на то, что посылаемая 1.000 рублей предназначена для поддержания служащих Берестовки. Кроме того, указывалось, что если Берестовка затоплена, то ее не следует откачивать. Просил также ему послать сведения о ходе работ на Берестовке и Голубовке...» (л. д. 200).

В осуществление указания **Ремо** в этом письме, **Шадлун** дал поручение **Некрасову** не выкачивать шахту № 14, «если этот вопрос будет поднят Щегловским Рудоуправлением».

«За это поручение относительно неоткачивания шахты № 14 **Некрасов** должен был получить от меня 1.000 руб. золотом, но я ему дал всего 600 руб. золотом, а остальные 400 р. не дал, потому что их не дослали...» (л. д. 166).

Осуществив директиву **Ремо** относительно неоткачки шахты № 14, **Шадлун** выполнил и второе указание **Ремо,** т.-е. раздобыл ему сведения о ходе работ на Берестовке и Голубовке. Вот что он сам показывает по этому поводу:

«Мой ответ на это письмо был приблизительно такой: я ему сообщил, какие шахты работают, какие нет, сколько выдает каждый рудник угля и какие ведутся подготовки. Кроме того, я ему сообщил, что из присланной 1.000 руб. я отдал **Некрасову** только 600 р., а 400 р. оставил себе, т. к. не было никаких указаний, как их распределить...» (л. д. 200).

И поскольку для **Шадлуна** было ясно, что связь с **Ремо** не может носить эпизодического характера, а является длительной и организованной, он «просит прислать еще 400 руб., так как понимал, что 1.000 рублей была прислана вся для Берестовки».

Действительно, связь с **Ремо** оказалась налаженной, ибо спустя некоторое время после первого письма, **Шадлуном** было получено второе письмо:

«Второе письмо получено мною от **Быховского** (работал на Ирминском Рудоуправлении и уже при советской власти эмигрировал в Польшу, а затем в Германию). Это письмо не сопровождалось никакими деньгами, денег не было. В письме **Ремо** просил прислать ему сведения о Голубовке, Берестовке и Горловке...

Я послал ответ через **Быховского,** в письме я дал сведения только по Горловке, такие: какие шахты работают и сколько дают угля из каждой шахты» (л. д. 200).

Упомянутые два письма, о которых рассказывает **Шадлун,** носят как бы характер индивидуальной переписки **Шадлуна** с **Ремо,** а те директивы и указания, которые **Шадлун** выполнял согласно этих писем, носят также индивидуальный характер преступных взаимоотношений **Шадлуна** и **Ремо.**

Так продолжалось, однако, только до 1923 г., когда характер переписки **Шадлуна** и **Ремо** приобретает иное значение, производится в иной обстановке, в сферу этой переписки входят новые лица из высшего инженерского состава Донбасса, являющиеся членами руководящей группы контрреволюционной организации Донугля.

Переписка с этого момента **Шадлуна** с **Ремо** перестает быть их индивидуальной перепиской, и превращается в переписку центра бывших углепромышленников, осевших за границей — своему агенту, работающему на ответственной должности в Советской России, причем **Шадлун** выступает уже как члены определенной контр-революционной организации.

Такую же эволюцию пережили и другие инженеры-организаторы, как **Матов** и **Сущевский,** также не надолго прервавшие свои связи с их бывшим хозяином—**Дворжанчиком**—директором-распорядителем рудников Щербинского и Нелеповского (ныне Артемовский) рудников Об-ва Никитовских копей, Ирминские рудники и части рудников «Золотое», принадлежавших до революции «Об-ву для разработки каменного угля и соли на Юго-России». **Дворжанчик** эмигрировал в 1919 году в Польшу и устроился там в качестве члена Правления одного из нольских каменноугольных предприятий (показания **Матова** и **Сущевского).**

Перед занятием Красной армией Харькова в 1919 г. инженерский персонал эвакуировался в Ростов. В числе других, туда эвакуировался директор-распорядитель рудника «Золотое», обвин. **Матов.**

Матов, однако, не сумел подобно Шадлуну сразу установить связь с бывшими хозяевами.

«В Ростове я пробыл около 2—3 недель, там в то время находился Совет С'езда Горнопромышленников Юго-России, в числе членов этого Совета, насколько я помню, там были: **Дворжанчик, Фенин, Соколов** и др. Деятельность их была тесно связана с работой правительства Деникина. Были ли какие-либо заседания Совета С'езда, на которых обсуждался вопрос о директивах по отношению к оставлению рудников, в смысле их затопления или сохранения, я точно не знаю. В Ростове

я несколько раз виделся с **Дворжанчиком,** директором Правления рудника «Золотое», но никаких директив в смысле затопления шахт от него не получал. Он вскоре уехал за границу» (л. д. 95).

Матов-Дворжанчик

Прекратив связь с **Дворжанчиком,** в виду его отъезда за границу после занятия советской властью Донбасса, **Матов,** состоя на службе в 1921 году в Правлении Донугля, в качестве члена комиссии по составлению плана восстановления Донбасса, начиная с середины 1921 г., встречается с инженером **Быховским,** служащим на Первомайском руднике. **Матов** следующим образом описывает в своих показаниях свои взаимоотношения с названным **Быховским:**

«Осенью (1921 г.) инж. **Быховский** уехал за границу, получил какое-то поручение, не помню от ЦПКП или от Рудоуправления. Этот инженер **Быховский** вернулся обратно из-за границы через год или полтора, и я с ним тогда несколько раз встречался, при чем в разговоре я интересовался, как устроились знакомые инженеры за границей, в том числе упоминалась фамилия Дворжанчика, Цишевского и др. При этом он спрашивал, как работают рудники в Донбассе, в частности, рудник «Золотое». Я насколько припоминаю, рассказал ему о работе шахт, добыче, о том, какие затоплены и краткое состояние работы» (л. д. 94 и 96).

Матов, признав в своих показаниях свой разговор с приехавшим из-за границы **Быховским** о **Дворжанчике,** в дальнейших своих показаниях признает свою связь с **Дворжанчиком** через этого **Быховского:**

«В этот период (в 1921 г.) я неоднократно встречался с Быховским и на его расспросы сообщал ему сведения о состоянии шахт рудника «Золотое». Сопоставляя ряд фактов впоследствии, прихожу к выводу, что эти сведения Быховский собирал у меня и на других рудниках для передачи их за границу. По возвращении Быховского из-за границы, я встречался с ним несколько раз в Бахмуте в УГКП, а однажды Быховский заходил ко мне домой (в Харькове) точно также и в этот период Быховский меня спрашивал, а я ему говорил о состоянии шахт рудника «Золотое» (л. д. 46).

Далее **Матов** показал:

«Я передавал Дворжанчику сведения, касающиеся состояния шахт рудника «Золотое». Сведения эти я передавал через б. сотр. Донугля Быховского» (л. д. 45).

Получая сведения от **Матова** о состоянии рудников, которыми интересовался **Дворжанчик, Быховский** с той же целью поддерживал связь с инж. **Сущевским,** который по этому поводу показал:

Сущевский-Быховский-Дворжанчик.

«Когда Быховский уехал за границу первый раз в 21 г., мною по его просьбе было дано ему письмо Дворжанчику со сведениями о состоянии рудников, о добыче и числе рабочих и других некоторых вопросов, касающихся Щербиновки» (л. д. 148).

Вступая в сношения с инженерами Донбасса, **Быховский** в то же время поддерживал связь с некоторыми оффициаль-

ными польскими учреждениями, что совершенно точно устанавливается показанием **Сущевского:**

«**Р. . . . . му,** ответ. сотрудник этих учреждений) письмо с краткими сведениями от меня было передано Быховским. Кроме этого письма, еще раньше через Быховского тоже я послал письмо **Квапишевскому** семейного характера» (л. д. 42).

Периодическая связь с проживающим в Польше **Дворжанчиком** поддерживалась не только через **Быховского,** но и непосредственно через **Р. Матов** по этому поводу сказал:

«В 1923 году я виделся несколько раз с Ружидким, один или два раза дома у себя, раза два у инженера **Штельбринга** и раза два мельком на улице. Припоминаю, что в разговоре со мной он также интересовался состоянием шахт и их работой, в частности, по руднику «Золотое», при чем я также сообщил ему эти сведения: о состоянии работ, о добыче и о том, какие шахты остановлены или затоплены им, также был разговор о том, как устроились и живут знакомые инженеры за границей, в частности в Польше, и от него я узнал, что Дворжанчик занимал место в Правлении какого-то польского каменноугольного общества, но что он продолжает интересоваться работой рудников Донбасса. При этом два или три раза **Р.** передавал мне от Дворжанчика письмо частного характера, с просьбой дать ему справку о состоянии шахты рудника «Золотое». Ответы и письма, как частного характера, так и со справкой о состоянии шахт Дворжанчика, я передавал через **Р.,** причем насколько припоминаю раз передал через Штельбринга» (л. д. 97).

Из дальнейших показаний того же **Матова** видно, что **Р.** поддерживал связь и с другими рудниками, являясь связующим звеном между другими инженерами и их бывшими хозяевами, пребывающими за границей. Однако, связь эта еще не была строго централизованной.

«Впоследствии мною было выяснено, что Р. имел также связь с другими рудниками, в том числе с Щербиновским, однако, в этот период связь с заграницей рудником Донбасса не носила правильно организованного характера, а осуществлялась, повидимому, персонально Р.» показ. **Матова,** л. д. 97).

Связь с Щербиновским рудником находит себе подтверждение не только в приведенных выше показаниях **Матова,** но и в следующем показании Главинж. Щербиновского рудника **Сущевского:**

«Я знал из письма, что в распоряжении Дворжанчика имеется известная сумма, из которой мне следует что-то получить» (л. д. 44).

Сущевский также показывает, что связь с . . . . . поддерживалась им с **Р.** через сотрудников этого учреждения.

Сведения **Дворжанчику** направлялись в Польшу и через проживавших там лиц. **Детер** показывает:

«О своих действия в Селезневском руднике я сообщал Дворжанчику через своего шурина **Мяновского,** живущего и служащего в Домбровском бассейне, где живет и Дворжанчик» (л. д. 56).

Эта передача сведений за границу случайными путями, в зависимости от обстоятельств, скоро была заменена организованно налаженной связью через оффициальные органы. Об этом показывает инж. **Казаринов.**

«Связь поддерживалась отдельными лицами и при помощи разных способ и возможностей в зависимости от обстоятельств. Поддержание связей в организованном порядке, насколько мне известно, впервые было осуществлено инж. **Татаровым** во время пребывания в Харькове гр-на Р. Этим путем шла вся переписка с бывшими промышленниками. Ко времени моего вступления в организацию, почта направлялась различными путями, а именно: в Польшу на имя Дворжанчика она шла как и прежде, через инж. Татарова. Иногда через отправлявшихся за границу членов организации» (л. д. 381).

Через те же органы поддерживалась связь, однако, не только с Польшей, но и с Францией. Через пользовавшегося аппаратом этого органа **Быховского** получал письма из Франции от **Ремо** инженер Донугля **Шадлун.** Через **Быховского** же **Шадлун** отправил ответ **Ремо. Шадлун** также получил письмо от **Ремо** через **Мроза,** которое ему передал.

Совершенно организованный характер приняла связь с заграницей в 1923 году, уже когда в Харькове окончательно сконструировался руководящий центр, взявший на себя все сношения между периферийными организациями и бывш. промышленниками за границей, и когда посредствующим звеном между за границей и инженерством стал член организации инженер **Будный,** с конца 1922 и 1926 г. получивший и переславший не менее 40 пакетов членам организации.

Эти личные связи при возможности обеспечить безопасное осуществление этих связей при наличии возможности регулярно получать средства—очень быстро выросли в те отдельные вредительные организации, связанные с бывшими хозяевами, о которых говорилось выше. В результате—тяга к осуществлениюорганизационной связи между собою, совпадавшая и с директивами хозяев, в частности, упомянутого уже **Дворжанчика,** который, в свою очередь, проводил такую же об'единительную политику за границей—быстро претворилась в создание единого об'единенного центра.

Возникновение центра.

В 1923 году в гор. Харькове сконструировался уже центральный орган контр-революционных вредительных групп Донбасса.

Обвиняемый инженер **Матов** о возникновении этой центральной организации показывает:

«... Однажды в Донугле ко мне подошел **Сущевский** и сказал, что у него есть для меня письмо от **Дворжанчика,** которое ему привез **Будный.** Я прочел это письмо, в котором **Дворжанчик** пишет, что предлагает мне периодически давать сведения о шахтах и принять участие в работе в Донбассе, подробности о чем мне расскажет **Сущевский.** Я спросил последнего в чем дело и он об'яснил, что у него так же имеется письмо от **Дворжанчика** и инструкция, согласно которой и предлагается проводить работу на шахтах, при чем добавил, что уже об-

разовано ядро организации, в которое вошли он (Сущевский), Бахтиаров, Будный, Одров, Штельбринг. Я сказал, что это надо обдумать и взял у него инструкцию для ознакомления; в общем инструкция сводилась к даче сведений о шахтах информационного характера и о проведении в жизнь ряда мероприятий на шахтах, которые должны были задерживать рост добычи и чинить всякого рода расстройство нормальному развитию работ.

Я сказал, что хотел бы несколько подробно обсудить это дело с ним и **Бахтиаровым,** что мы и сделали не помню в тот же или на следующий день в Донугле же. Меня интересовал вопрос насколько рисковано такое проявление деятельности, на что **Бахтиаров** сказал, что если осторожно подбирать публику, участвующую, то риска мало, в то же время представляется возможность получать деньги. Оказалось, что **Дворжанчик** предлагал довольно большое денежное вознаграждение за такую деятельность, а именно: несколько менее получаемого нами жалования от Донугля, при чем оплата предполагалась ежемесячная...

Взвесивши все это я решил примкнуть к организации, при чем мы тут же условились, не откладывая обсудить порядок и план нашей работы ближайшем будущем. Кажется, в тот же день **Бахтиров** говорил об это же с **Казариновым** и мы решили собраться на следующий день по вопросам организации. Это совещание было, насколько помню в квартире **Бахтиарова.** Там были: **Сущевский, Будны, я, Бахтиаров и Казаринов.** Прежде всего мы занялись рассмотрением инструкции, она в общем разделялась на две части: первая касалась информационных сведений, а вторая проведения в жизнь мероприятий вредительского характера. Эта инструкция по памяти приведена в одном из протоколов, а потому я ее здесь не привожу. На этом же совещании прежде всего решено было рассмотреть вопрос развития организации, привлечения новых членов, отношение к периферии и создания там ячеек, выяснения связи с Москвой. Прежде всего нужно было наметить новых членов руководителей и расширение организации в центральном аппарате Донугля. Тогда же намечено было, что удобнее всего привлечь к деятельности организации остальных районных директоров (тогда, кажется, инженеров). Это обеспечило связь с местами, порядок распределения денег, получения сведений и проч.» (л. д. 234, 235, 236).

Намечая задачи организации, вышеуказанное совещание в основу положило, упомянутую инструкцию **Дворжанчика,** о которой **Матов** показывает:

«В 1924 году, как мною было указано в одном из предыдущих протоколов, получена была инструкция от **Дворжанчика.** Не припоминаю точно ее содержания за давностью времени, однако сущность ее, как я помню сводилась к следующему:

1. Сведения информационного характера.

Добыча Донецкого топлива, отправка и запасы по рудникам и Донуглю в целом. Такие же сведения по вы-

жегу кокса. Данные о прохождении главнейших подготовительных выработок—уклонов, квершлагов, углубке шахт и пр. Движение рабочих и их количество по рудникам. Программа капитальных работ по всему Донуглю. Список шахт, находящихся в эксплоатации, на консервации, ликвидированных и предполагаемых прохождением, программа развития этих шахт. Эскизы горных работ.

2. Программа вредительской работы при эксплоатации рудников и при их восстановлении.

В этой части инструкция обнимала всякого рода мероприятия, имеющие своей задачей причинения того или иного вреда работающим шахтам. Конечно, целью такой деятельности должно было явиться сокращение добычи, ухудшение качества топлива, увеличение себестоимости, нерациональное расходование средств. Выполнение должно было осуществляться путем устройства завалов выработок, затопления шахт, или уклонов, ухудшение состояния выработок и пр., путем неправильного ведения работ, путем неправильного выписывания материалов, путем неправильного использования рабочей силы». (л. д. 106).

Первая программа и первое внесение в нее чисто политических моментов государственной измены.

Исходя из инструкции **Дворжанчика** и своими конкретными задачами организация наметила по показаниям **Матова** следующее:

«Информация быв. владельцев о происходившем в Донбассе, добыче, состоянии работ и перспективных планах развития рудников и шахт. Проведение вредительской работы при производстве добычи, замедление темпа нового строительства. Вредительство при импортной механизации и рационализации. Общая установка в задачах и деталях организации сводилась к общей дезорганизации каменноугольной промышленности» (л. д. 71).

Другой обвиняемый **Братановский** в своих показаниях о задачах организации не расходясь с показаниями обвиняемого **Матова** в основном дополняет ее однако весьм существенными пунктами.

«Главнейшими задачами организации были:

1) Сохранение в неприкосновенном виде более ценных недр и машин для эксплоатации в дальнейшем прежними владельцами или концессиями.

2) Доведение рудничного хозяйства Донбасса до такого состояния, при котором Советское Правительство было бы вынуждено сдать рудники в концессию иностранцам или вообще капитулировать перед иностранным капиталом.

3) **В случае войны помогать врагам СССР расстройством тыла, прекращая добычу и разрушая или затапливая рудники Донбасса.**

4) **Пропаганда против Советской власти»** (л. д. 150).

Обвиняемый **Казаринов,** входящий в состав инициативной группы Харьковского центра о задачах организации также подтверждает эти дополнения:

«В задачи организации входило, как основная цель, ее возвращение каменноугольных рудников и горных предприятий прежним их владельцам на тех или иных основаниях, будь то аренда, будь то концессии или другое. Для того, чтобы притти к указанной цели и в то же время обеспечить за бывшими шахтовладельцами получение предприятий в таком виде и состоянии, чтобы их добыча могла быстро и без труда быть поднята до предельной высоты, не делая особых для этого затрат. Принимались меры к тому, чтобы восстанавливать рудники и давая с них добычу не истощать богатых участков. Далее в осуществление этой задачи прилагались усилия к тому, чтобы на рудниках накапливалось большое количество механического оборудования но там, чтобы оно до определенного момента не могло использовываться; в первую очередь восстанавливались и переоборудовались такие шахты, восстановление которых стоило дорого, вместо того, чтобы на новом месте проходить более дешевые шахты, в то же время разработка новых выгодных участков тормозилась искусственно путем задержки разведок и закладки новых шахт на малоценных участках. В результате всех этих мероприятий должны были выявиться невыгодность и нерентабельность эксплоатации для Донугля и как естественный выход отсюда денационализация и сдача шахт в аренду, в концессии или другое» (л. д. 377, 378).

«К числу прочих задач организации принадлежала **также выработка специальных планов действия, на случай возможной интервенции, в смысле предохранения шахт от эксплоатации, или наоборот—их затопления,** если таковое представлялось целесообразным и шахты впоследствии без труда и ущерба снова могли быть быстро откачены.

Наконец в программу организации входила выработка специального плана искусственного сокращения добычи путем порчи механизмов и оборудования, добычи отдельных шахт, **с целью создания затруднений Республике, на случай войны с иностранными государствами»** (л. д. 392).

Обвиняемый **Соколов** о задачах организации показывает:

«В задачи организации входило хотя и поддерживать рудники, но при бесхозяйственном ведении дела, истощать средства страны путем нажима на рабочих, вызывать их раздрожение, устраивать забастовки и тем колебать устои Советской власти» (л. д. 28).

Обвиняемый **Сущевский** о задачах организации показывает:

«1) Парализовать возможность выработки предприятия при оставлении их в руках Советской власти, путем затопления, завалов, порчи силовых установок и др.

2) Затянуть, елико возможно, период восстановления.

3) Чтобы сохранить основные месторождения, удовлетворить нужду в топливе из мелких шахт, поскольку возможно, и плохими углями.

4) Производство (окончание) крупных капитальных работ приурочивать к известному времени, регулируя соответственно их начало и темп» (л. д. 185).

Обвиняемый **Кржижановский** о задачах организации показывает:

«Цель организации, по моему, заключается в проведении мероприятий, могущих привести к положению в каменноугольной промышленности Донбасса, при котором было бы целесообразно Советской власти стать на путь концессии, что устроило бы естественно всех бывших концессионеров» (л. д. 183).

«Мне было известно, что организация ставит себе целью вредительство промышленности и хозяйству СССР, что это есть метод работы организации» (л. д. 282).

Обвиняемый **Ржепецкий** о задачах организации показывает:

«Бывшие акционеры хотят обратно взять свои концессии, а поэтому им интересно во-первых, получить рудник в порядке, во-вторых оборудовать их возможно лучше машинами и станками, в-третьих по возможности задерживать разработку хороших пластов, а работать плохие, для задержки разработки крупных шахт организовать разработку верхов при помощи мелких шахтенок, в пятых, давать периодические сведения, как экономического, так и технического характера. Затем, чтобы не стараться давать угля дешево, а подороже, что поможет в дальнейшем, на более выгодных условиях взять концессию» (л. д. 53).

Ни Ржепецкий, ни Соколов, ни Кржижановский не опровергают однако, показаний Братовского и Казаринова о предложенных действиях организации в момент войны.

Вербовки новых членов и деятельность центра по расширению и укреплению организации.

С этого периода начинается широкое вовлечение бывших старослужащих в организацию. Методов вовлечения, по показаниям **Казаринова** служили:

«Средствами для вербовки новых членов были: чувство товарищества, обещания в отношении продвижения по службе, поручения работ и, наконец, просто денежные посулы. Нельзя, однако, усускать из виду одного еще важного стимула массового вступления техников в организацию—это того, что оно приняло характер какого-заразного психоза» (л. д. 378).

О своей деятельности по вербовке членов организации, а также о деятельности других членов организации в этом же направлении, **Матов** показывает:

«**Братановский** был привлечен мною еще в 1925 году после перехода его в Донуголь с Екатериненского рудника, до этого он, насколько я знаю, об организации не знал. На Братановском я остановился потому, что знал о нем, что он давно служил на рудниках еще при прежних владельцах и что на его обещания молчать и сохранить тайну, можно расчитывать. Он не возражал против вступления в организацию и вошел членом в нее. При разговоре с ним я об'яснил цель и задачи организации, изложенные в протоколе предыдущем, и сказал, что он

будет получать ежемесячно несколько сот рублей, при чем сумма точная будет определена впоследствии.

Детер, А. В. привлечен мною в организацию в 1925 году. Я к нему обратился, так как давно знал лично, и считал, что по своим взглядам он будет симпатизировать данной организации. Об'яснив ему цель и задачи организации, я получил его согласие работать.

Соколов, В. Л. привлечен мною к работе в 1925 году, когда он служил на Кадиевке в качестве главного инженера после того, как я убедился из разговоров с ним, что он будет сочувствовать данной организации, в дальнейшем он привлек к работе **Бояринова и Некрасова.**

Кржижановский привлечен мной к работе в 1926 году, когда я перешел в УНС, а он был в Проектном отделе сперва по составлению проектов шахт №№ 6 и 12 Брянского рудника, а в дальнейшем в отделе по составлению проектов с иностранцами, здесь он должен был замедлять темп работы по проектировке.

Валиковский, А. К. привлечен мной к работе в 1925 году, когда он был трушовым инженером (директором Донугля). Я остановился на нем потому, что он бывший собственник, он отнесся сочувственно к идеям организации и согласился вступить в нее. Задача его была— проводить организацию в антрацитовом районе, коим он ведал.

Файерман, П. М. привлечен мною к работе в организацию в 1926 году, когда он работал в Топливном отделе Донугля, на нем я остановился как на бывшем собственнике; компаньоне одной из шахт Лисичанского района. Он также отнесся сочувственно к идеям организации. Его задачей было проводить их сперва по Топливному отделу, а потом по новым шахтам его района (Несветай, Сорокино).

«Что касается до остальных лиц, то мне сейчас трудно установить, кто из основной группы кого привлекал, но насколько помню, **Бахтиаров** привлек **Березовского, Чинокала, Юсевича, Шадлуна,** остальных привлекал или **Сущевский** и остальные члены, или они привлекались при посредстве членов не основной группы, а дополнительными после членами».

Матов, однако, добавляет:

«К сказанному считаю нужным добавить, что не исключена возможность, что лица, коих я привлек, были привлечены ранее, или вели переговоры с другими членами основной группы, при чем я мог этого и не знать» (л. д. 89, 90).

Так в частности было с **Братановским,** который сам о вербовке в члены организации показывает иначе:

«О своем желании переменить место я писал кое-кому из знакомых, не помню точно в каком месяце, но во всяком случае летом 1923 года. Однажды, придя на службу, я застал в главной конторе инженера Д. М. Сущевского, который приехал на автомобиле с целой компанией каких-то лиц, имевших дело в Екатерининском рудоуправлении.

Сущевский сказал мне, что хочет поговорить со мной наедине и я пригласил его ко мне в кабинет. Тут Дмитрий Михайлович, прежде всего, предложил мне перейти к нему помощником на Щербиновское Рудоуправление на довольно хороший оклад жалованья и сказал мне, что кроме жалованья возможен еще кое-какой приработок ввиде премий и проч. На мою просьбу уточнить цифру и источник заработка, ответить он отказался, тогда я, желая подумать о его предложении, просил его разрешить дать ответ через несколько дней и обещал с ответом приехать к нему на Щербиновку в ближайшее время— воскресенье. Свое обещание я исполнил и в назначенное время был у Сущевского на квартире приняв решение не давать окончательно ответа на сделанное мне предложение, но выяснить подробные условия службы, а также посмотреть квартиру. Я забыл упомянуть, что после разговора с Сущевским о месте он просил меня сообщить ему в порядке частной услуги кое-какие сведения о Екатерининском руднике о производительности рабочего, добыче, количество пластов, стоимости выработки и проч., часть сведений я ему дал тут же, а остальные я обещал привезти с собой в воскресенье.

Во время моего пребывания у Сущевского мы подробно говорили сначала об условиях службы и я в душе принял решение не принимать место на Щербиновке, главным образом, из-за казавшихся мне невыгодными материальных условий и кроме того, потому, что рассчитывал получить место главного инженера в одной из двух рудоуправлений. Сущевский очевидно поняв причину его стал меня убеждать и сказал, что служа на Щербиновском руднике я смогу иметь некоторый доход т. к. благодаря сохранившихся у него связям с прежними директорами и владельцами рудников он может давать мне кое-какие оплачиваемые им поручения. При этом он очень коротко охарактеризовал в чем могут заключаться эти поручения и намекнул, что многие из моих знакомых инженеров выполняют данные им поручения. Тут же он сообщил мне, что вероятно за те сведения, что он получил от меня по Екатерининскому руднику я смогу получить деньги. При отъезде он просил меня ни кому о нашем разговоре не говорить и уговаривал согласиться на предложение занять место его помощника. Вскоре после этого на Екатерининский рудник приехала комиссия из Донугля в составе: **Мешкова, Манделевича, Чинокала,** представителей ВСГ для обследования положений Екатерининского рудника с целью решить продолжать ли его эксплоатацию или закрыть.

Комиссия привезла распоряжение Донугля об устранении от должности Главного Инженера Ржепецкого назначение на это место меня... в комиссии между прочим участвовал инженер И. М. Андреев, приглашенный в качестве эксперта, как бывший технический директор Екатерининского Горнопромышленного общества.

Комиссия решила рудник не закрывать и предложила мне принять все меры к его восстановлению.

На первых порах... мне пришлось особенно много работать и я даже позабыл известить Сущевского о том, что я окончательно отказываюсь от Щербиновки, но вскоре он заехал ко мне сам в контору и сказал, что уже все знает, что конечно мне лучше продолжать работать на Екатериновке и не дать погибнуть такому ценному предприятию, при этом он вручил мне конверт с 200 рублями денег и об'яснил, что это от прежних владельцев за те сведения, что я сообщил, а фактически просто поддержка, т. к. материально мы все нуждаемся.

Затем он сообщил мне, что уполномоченным Донугля нашего района будет тов. А. В. Детер, что он так-же в курсе дела связи с зарубежниками, и что он будет давать мне указания, как вести дальнейшую работу, что периодически я смогу рассчитывать на поддержку иностранцев. Более подробно о существовании организации я узнал из разговоров с Детером после назначения его районным инженером нашего района». (л. д. 30, 31, 32).

Казаринов о вербовке его в члены организации показывает:

«Впервые Бахтиаров заговорил со мной в 1924 г., когда он был назначен директором района. В то же время дела каменноугольной промышленности шли на убыль, не было оборудования, а работать было чрезвычайно трудно и не было перспектив на улучшение. Приезжая в район, Бахтиаров обычно останавливался у меня и мы с ним беседовали на темы о Донбассе, его будущего и настоящего. В один из своих приездов Бахтиаров завел разговор о том, что при существующих способах хозяйствования рудники идут не только не к обновлению, но к гибели. Примером этому служат случаи многочисленных затоплений шахт, рост заваленных запасов, закрытие ряда шахт и проч. Это настолько ясно, что группа ответственных специалистов, в первую очередь бывшая комиссия Данчича об'единилась с целью провести вопрос о возврате рудников в управление бывших владельцев или их уполномоченных инженеров и что, по этому же поводу из-за границы, будто-бы, уже завязаны соответствующие переговоры с совластью. Многие инженеры примкнули к означенной организации и придерживаются в своей работе указанной инициативной группы. Упоминал Бахтиаров при этом и ряд профессорских имен. Через некоторое время разговор этот возобновился. Причем Бахтиаров уже указывал на общую директивную линию, заключающуюся в том, что следует по возможности до передачи рудников бывшим владельцам подготовить шахты путем устройства большого числа подготовительных работ, ведя их, хотя бы в ущерб очистной выемке, задерживать добычи и т. п.

Чем дальше, тем идея организации развивалась Бахтиаровым с большой точностью и определенностью, причем для сокрытия добычи рекомендовались в случае необходимости даже меры вредительского характера». (л. д. 95).

Соколов о вовлечении им в члены организации других лиц показывает, что он:

«В свою очередь завербовал Бояринова по Чулковке и Некрасова по Кадиевке. Кто был завербованный и кто стоял во главе каждой группы, или рудника, я не знаю. Я кроме завербованных приблизил к себе и инструктировал по Чулковке Волощановского и Витковского, не посвящая их в дела организации более детально». (л. д. 51).

Ржецецкий по вопросу о вербовке показывает:

«Осенью 1924 г., месяца и числа точно не помню, в мою бытность в г. Харькове в Донугле, кто-то из инженеров, кажется Одров, вручил мне письме, сказав, что оно передано для меня Сущевским. Это был продолговатый конверт белого цвета, заклеенный какой-то печатью с надписью на польском языке «инженеру Ржепецкому». Письмо носило следы некоторой давности, немного помятое и грязноватое. С подателем письма я ни о чем не говорил, если не считать краткого разговора по поводу письма, который свелся к моему вопросу, где Сущевский и как он получил это письмо. — Податель ответил мне, что по прочтении письма мне станет известно все, что интересует меня. Податель, вероятно, знал, что письмо из-за границы, так как я только по одному внешнему виду письма пришел к такому заключению. Письмо я вскрыл у себя в гостинице, кажется, в «Красной». Письмо было от Дворжанчика, по-польски. Вступление письма сводилось к следующему: прежние владельцы рудников предлагают взять в концессию ранее принадлежавшие им рудники, что для этого имеется большой капитал, позволяющий развить дело на широкую ногу, шире прежнего. А поэтому чрезвычайно интересно получить сведения о теперешнем состоянии рудников и их перспективах. Тут же было написано, что Правление Общества будет состоять из поляков, чем он взывал к моим национальным чувствам и обещал в будущем обществе предоставить видное, хорошо оплачиваемое место. Дальше давались советы, чтобы особенно ценные пласты задерживать развитием и эксплоатацией и работать менее мощные, менее рентабельные пласты. Чтобы постепенно привести в порядок и хорошее сотояние рудников, и если возможно, увеличить капитальное оборудование, число механизмов, привести в порядок и расширить колонии. Кроме того, стараться уменьшить добычу, насколько это возможно и увеличивать, по возможности, себестоимость. Помимо этих советов был еще ряд других, более мелких, которых не помню. За требуемые сведения о состоянии и перспективах рудников Дворжанчик туманно, в общих выражениях, обещал хорошее денежное вознаграждение. Этим обещанием и заканчивалось письмо.

Письмо было напечатано на машинке и изложено на 4 страницах формата ¼ обыкновенного листа. Подпись была не вполне разборчивая, но не говоря уже о содержании его, можно было разобрать, что от Дворжанчика.

В письме не указывалось, каким путем переслать требуемые сведения, но я предполагал, что тем же путем, что и получил это письмо.

Прочитав это письмо, я над ним призадумался и пришел к заключению, что если действительно возьмут рудники в концессию, то было бы не плохо получить место с хорошим окладом. Письмо же я уничтожил там же в гостинице.

За этим первым этапом связи с бывш. акционерами следуют мои некоторые действия, согласно требованиям и советам Дворжанчика...

Я Дворжанчику не ответил на это письмо и ни с кем о нем не говорил, кроме, как с одним Сущевским. С последним я встретился, приблизительно, полгода спустя после получения письма. Встреча происходила в Донугле. Сущевский осведомился, получил ли я письмо и что я сделал. Я ответил ему, что планов и, вообще, сведений посылать не буду, но что возможно будет сделать по директивам, то сделаю. Последнюю часть фразы я произнес так: «может быть что-нибудь и сделаю». На это последовало замечание Сущевского в таком роде, что следовало бы все-таки ответить и делать посущественней. (л. д. 40—41).

Обвин. **Детер** о вербовке его показывает:

«...В письме Дворжанчик просил сообщить о положении дела. Я ему написал в первом письме о том, что готов способствовать сохранению месторождений на тех рудниках, которые указывались им в первом письме ко мне и будут находиться в моем ведении. Первое письмо было мной, кажется, написано в начале 25 г., после этого у меня был разговор с Сущевским». (л. д. 66).

По вербовке им других лиц в члены организации обвин. **Детер** показывает:

«Я вспоминаю, что с Эрдели в 1925 г. я говорил на «парткоммуне», что не стоит развивать добычу, так как все равно благодарности от совласти не получить, а через Дворжанчика в будущем можно хорошо устроиться.

Что касается с Григорьевской шахтой, то в бытность мою руководителем, она еще работала и мной были перераспределены инженеры, а именно: «дивизией Пастуховский (Пастуховский, Районный и Григорьевский) назначил Волопановского, а на Берестовский рудник (Берестово-Бугодуховский рудник) инж. Кузьма. С этого момента можно считать, начинаются деловые отношения с ним. Хотя я был очень недолго техническим руководителем Щегловского куста, но за это время сговорился с Кузьмой, что нужно выдвигать на первый план Пастуховский участок, и что это будет совпадать с желанием моего Ростовского Управления». (л. д. 86).

Обвин. **Соколов** о вербовке его в члены организации показывает:

«Инструкция, полученная мной в первый раз от Дворжанчика, была отпечатана на машинке, на тонкой бумаге, по об'ему два или три полулиста (точно не помню). Обращение начиналось: «Милостивый государь»,

затем шло: «Прошу Вас присоединиться к организации, имеющей своей целью...» и затем шла сама инструкция, содержания которой дословно не помню, но смысл был такой, что необходимо поддерживать интересы бывших владельцев, которые одни имеют право на разработку, а Советская власть является захватчиком.

С этой целью нужно возможно меньше выработать запасов, а если этого нельзя, то топить или заливать шахты. Хозяйственную работу тормозить, давая беспорядочные распоряжения. Вызывать недовольство рабочих неправильными расценками. В общем, срывать все производственные начинания, которые будут давать хороший результат. Затем говорилось о том, что организация будет налаживаться из-за границы. Во главе ее станет лицо, которое будет предупреждено о том, кто извещен инструкцией. Оно уведомит о своих действиях, кого следует само и кого найдет удобным. Пока же рекомендовалось подготавливать предприятия к намеченному инструкцией пути самому. Указывалось, что на других предприятиях будут подбираться тоже подходящие лица, о которых будут знать только те, кого это касается. (л. д. 46, 47)... Прочитав инструкцию, я ее уничтожил. На следующий год появился Матов, от которого направляющие инструкции я получил на словах. (л. д. 47).

На Чулкове он был только один раз в 1924 г., когда говорил об организации. Он ознакомил меня с общим направлением организации, которое почти повторяло смысл инструкции Дворжанчика, но добавил о спайке технического персонала, о необходимости добиваться единого технического руководства, предлагал советоваться с другими главными инженерами» (л. д. 47).

По показаниям **Соколова** в организацию он:

«завербовал Бояринова по Чулковке и Некрасова по Кадиевке. Кто был завербован и кто стоял во главе каждой группы или рудника — я не знаю»... (л. д. 51).

Обвин. **Кржижановский** о вербовке его в члены организации показывает:

«В 1925 г., весной или летом, точно не помню, во время работ в проектном отделе Донугля, в конце занятий инж. Братановский С. вызывал меня в кабинет инж. Матова Ю. Н. Войдя туда я застал инж. Матова, Братановского и Завадского С. Они были уже одеты к уходу после занятий и инж. Матов сделал там короткое конфиденциальное сообщение о том, что основываясь на ненормальном положении инженерства в Донбассе, инженерного апарата Донугля и его Рудоуправления, решили организовать сопротивление путем ослабления своей работы, вообще, а по рудникам, в нужных случаях и активными действиями. Решение это принято не всем инженерством, а основным образом старшими его слоями. Такая организация возникла на местах и сейчас проводится в апарате Донугля. Такая организация поддерживается заграницей бывшими концессионерами и владельцами рудников и в случае нужды можно иметь материальную или финансовую помощь. Кроме того, эта организация

имеет также свое выражение и в Москве, среди горных инженеров...

Этот момент я считаю моментом вовлечения моего в эту организацию, так как прослушав его, я, как и остальные присутствовавшие, не выразил ничем своего отвода или протеста» (л. д. 163).

Показание Кржижановского чрезвычайно характерно, т. к. он еще раз показывает, что верхний слой инженерства доверял все же вполне только людям «своего круга»—нисшему слою техников они не доверяли (л. д. 163).

Инженер **Файерман** о вербовке его в члены организации показывает:

Штаб организации.

«Втянул меня в организацию Ю. Н. Матов в 1926 г. в бытность мою Районным руководителем в Топливном отделе Донугля. В 1927 г. в марте я перешел на работу в УНС, где давал мне задания по вредительству, о которых я уже дал показания выше, а именно: по Сорокинским проходкам и Несветаевской». (л. д. 51).

О том как вошел в организацию ряд инженеров ДГРУ, Власовки и Несветая указывалось уже выше. Само собой сложилась таким образом руководящая группа. Ее состав, однако не был никогда точно фиксирован. Штаб составляли для каждого данного момента наиболее активные, наиболее связанные с заграницей и преемственностью в контр-революционной работе члены.

«Первоначально руководящая группа, — по показаниям Матова, — состояла: Сущевский, я, Бахтиаров, Одров, Штельбринг, Будный и Казаринов». (л. д. 101).

А затем в 1925 г. по его показаниям состав руководящей группы начал меняться, так:

«Выбыли: Одров, Штельбринг, последний, как переехавший на рудник, а первый и с самого начала не принимал участия в работе, так как жил на руднике. Взамен их вошли как руководители Бояринов, Детер, а впоследствии Братановский, Березовский, кроме того часто присутствовали Мошков и Валиктовский, хотя последние два не проявили себя достаточно активно. В конце концов в течение этого года выявился состав руководящей группы: Бахтиаров, Бояринов, Братановский, Березовский, Детер, я, Казаринов, Сущевский, как наиболее активный и кроме того Мешков, Валиковский, почти постоянно присутствовали. Будный же также выбывает из числа активных руководителей, так как выехал сперва на рудник, а потом в Москву». (л. д. 238).

В свою очередь Братановский показывает, что в руководящую группу входили: **Ю. Н. Матов, Детер, Мешков, Бахтиаров, Шадлун, Братановский, Березовский П. Н., А. И. Казаринов, Н. А. Рубанович, Д. М. Сущевский, (Н. А. Рубанович** одно время), **Б. В. Белавинцев** (скончался) (л. д. 102).

Инженер Казаринов показывает, что в руководящую группу входили **Матов Ю. Н.**—председатель, **Бахтиаров А. Н.** (Донуголь), **Братановский С. П.** (Донуголь), **Березовский Н. Н.** (Донуголь), **Детер А. В.** (Донуголь), **Юсевич** (Донуголь), **Казаринов А. И.** (Донуголь) (л. д. 376).

Причем в отношении пребывания Юсевича членом руководящей группы в дальнейших показаниях указывает:

«Еще до от'езда из Харькова я встретил Юсевича на одном из посещенных мной совещаний ядра Донугольской организации, что заставило меня ошибочно причислить и его к ядру организации. Это было совещание, на котором присутствовал Л. Г. Рабинович.

Лично о своей роли в организации **Матов** показывает:

Роль Матова в Харьковском центре

«Как мной указывалось неоднократно в предыдущих протколах, я состоял членом основной группы и одним из ее руководителей, начиная с 1924 и до самого ее конца. В 1924—25 г. обычно председательствовал на совещаниях, после этого пост председателя переходит к Бояринову. Во время этой своей деятельности прорабатывал ряд детальных инструкций, необходимых для работы на местах. Приглашал ряд членов организации по периферии для работы в организации. В некоторых случаях производил оплату причитающихся сумм членам организации, собирал сведения от членов организации, работавших в моем районе. Занимая ответственные административные должности в Донугле, проводил все идеи и постановления указанной организации, как по аппарату Донугля, так и в качестве руководителя по административной линии сперва по Алмазно-Марьинскому р-ну, а затем по УНС. Для более успешного выполнения работ я, обычно, прежде всего принимал меры к тому, чтобы на наиболее ответственные должности как моих помощников по Донуглю, так и главных руководителей на местах назначались из членов организации. Так, во время моей службы в Донугле, в качестве районного директора или районного руководителя моим главным помощником был Евстратов, главным же инж. на рудниках моего района были: Пшебышевский, Ковальский, Россолевич, Соколов, Ржепецкий. А во время моей службы в качестве заведующего УНС, главными моими помощниками были Бахтиаров и Братановский, а затем Сущевский». (л. д. 123).

Руководящая группа, как это будет видно из приведенных ниже показаний, детально разграничила сферу вредительской компетенции каждого из членов руководящей группы.

Характеризуя роль каждого члена организации, **Матов** показывает:

Распределение функций: Сущевский, Бахтиаров, Ржепецкий, Казаринов.

«Начиная с 1925 г. обязанности распределялись следующим образом. Сущевский ведал денежными суммами и работами по Щербинке. Матов — председательствовал на совещаниях и проводил работу по Алмазно-Марьевскому р-ну и УНС по оперативному отделу. Ржепецкий В. С. сперва по Ирминскому руднику, затем по Байравке. Казаринов по импортным операциям заграницей и в Донугле, а затем, по новому строительству в его районе (Кадиевка, Ирминс, Золотниковка» (л. д. 86).

Валиковский.

«Валиковский был районным директором одного из районов Донугля, а затем районным инспектором или инженером, после организации директората. Он не был

членом руководителем, однако, очень часто посещал совещания руководителей организации, в качестве одного из ответственных техников Донугля. На его обязанности, как члена организации, лежало получение денег и раздача их инженерам своего района. Деньги он получал по всем четырем линиям работы организации для заграницы. Привлечен он был к работе мной, я ему несколько раз лично выплачивал деньги по несколько сот рублей, каждый раз персонально для него. Он, как районный директор, и в то время как член организации—получал сведения по своему району и инструктировал техников в должном направлении работы по линии организации. В общем довольно успешно проводилась им работа по Хрустальскому Рудоуправлению, где, вообще, темп добычи и работы во всех направлениях был медленней. На том же руднике, до передачи шахты «Клара» в ведение УНС он достиг того, что там работы почти были приостановлены и должной подготовки шахты не производилось».

Мешков. «Мешков—районный директор Сталинского района, а затем помощник заведующего эксплоатационной частью Донугля. Вступил в организацию, кажется, в 1925 году, был приглашен Бахтиаровым или Детером. Получал сведения по своему району от местных инженеров, инструктировал их о вредительской работе и давал им деньги, которые получал по всем четырем направлениям работы организации. Из отдельных случаев его вредительской работы припоминаю предложение по новой шахте на Буденовском Рудоуправлении № 16—17 начать работу, что он и сделал по этой шахте без достаточной геологической ее проверки. На совещании принимал участие, очень часто присутствовал и, таким образом, был в курсе работ всей организации».

Файерман. «Файерман вступил в организацию в начале 1926 года. Приглашен мной. Получал деньги по всем четырем направлениям как равноправный член организации. В руководящей группе не состоял. Несколько раз выплачивал ему деньги я лично, но несколько сот рублей каждый раз. Работал в Топливном Отделе, где по заданиям организации должен был составлять или оказывать влияние в отношении неправильного составления нарядов по получению вагонов под погрузку утля по шахтам и рудникам. В 1927 году, по моему настоянию, перешел в УНС, в качестве районного инженера, где в это время производил проходку шахт Несветаевской и Сорокинской. Продолжал установленную политику в отношении шахт им. Скачинского, Несветаевского Рудоуправления, в смысле замедления темпа работы по этой шахте, не дал своевременно оборудования, способствуя тем самым задержкам и удорожанию производства. Затем, имел задание, совместно с Кузьмой, переменить проект шахты с тем, чтобы задержать ее готовность для эксплоатации».

Чинокал. «Чинокал привлечен мной в число членов организации в 1926 г. Имел задание руководителей организации проводить вредительскую работу по вопросам механиза-

ции всего Донугля, совместно с Горлецким и Завацким Николаем. Будучи заведующим Отделом, организовал у себя и распределял работу вредительского характера. Получал деньги, как для себя, так и для своего Отдела, по всем четырем линиям работы организации для заграницы. В частности, ему было вменено в обязанность организацией направлять врубовые машины на рудники и шахты, с таким расчетом, чтобы они не соответствовали своему назначению: направлять машины без запасных частей, выписывает из-за границы соответствующее оборудование, т.-е., например, механическую часть врубовой машины без электрической и т. д., то же самое в отношении конвееров и электровозов. Затем, ему было дано задание стремиться разрабатывать более легкие пласты и более мощные пласты машинным способом, оставляя для ручной работы более тонкие и более твердые пласты, с тем, чтобы таким образом содействовать понижению производительности рабочих».

Горлецкий. «Горлецкий, Завацкий Николай, сотрудники и подчиненные Чинокала. Члены организации, не помню, с какого года проводили совместно с ним работу организации по отделу механизации, как в Донугле, так и в шахтах. Отдельных фактов их вредительской работы указать не могу, так как они были в распоряжении Чинокала, получали от него поручения и мне не известно, какая часть работы выполнена ими. Получали деньги, как указано выше, от Чинокала.

Что касается поездки Горлецкого заграницу: он был командирован заграницу осенью 1927 года. Совещание руководителей организации предложило ему войти в переговоры с фирмой Эйтоф и другими фирмами по вопросам об оборудовании цеха врубовых машин в Донугле. Переговоры эти должны были носить предварительный характер, с тем чтобы выяснить, какие фирмы дадут максимальный процент и для того, чтобы в дальнейшем остановиться на той или иной фирме при заключении договора. После возвращения им сделан был доклад, что он вступил в переговоры, однако, вопрос остался незаконченным.

Не менее детально другой обвиняемый инженер **Брата-** **Братановский** **новский** рассказывает о своей роли и роли других лиц в организации:

«Деятельность моя в организации разделяется на три периода: 1) в течение времени, когда я был главным инженером Екатерининского рудника с 1923 по 1925 г.г.; 2) время работы моей в Харькове в качестве помощника группового директора Л. Н. Мешкова апрель-август 1925 г.; 3) время работы моей в Проектном Отделе Донугля сентябрь 1925 г. до отъезда моего заграницу, т.-е. август 1927 г.

В первый период я был связан с организацией через Сущевского и Детера, от которых я получал указания и директивы» (л. д. 162).

«Во второй период моей деятельности, т.-е. в бытность мою помощником группового директора Л. Н. Меш-

кова я все инструкции получал от него. К этому времени (апрель-август 1925 г.) из крупных распоряжений организации помню составление смет и программ на предстоящий 1925—26 опер. год. Было распоряжение организации сметы и программы, по возможности, составлением затянуть и в конце концов предоставить их в искроверканном виде. Такие же директивы получили и главные инженеры и инструкция организации была в точности исполнена. Другое важное распоряжение организации касалось открытия ряда мелких шахт на нерентабельных участках и на пластах плохого качества. Директива эта совместно с главным инженером рудоуправления под руководством Л. Н. Мешкова была довольно удачно проведена в жизнь по Сталинскому району. Были еще несколько более мелких мероприятий, направленных к расстройству рудничного хозяйства, но какие именно я сейчас не помню. В этот период моей деятельности я бывал на собраниях руковдящей группы, исполнял кой-какие поручения по сбору сведений и отправке их, передавая поручения на месте.

Третий период моей деятельности в организации начинается со времени назначения меня на должность зав. проектным бюро (впоследствии отделом) Донугля по проектированию новых крупных шахт. Назначение это состоялось по постановлению организации. Общие директивы о том, какое направление должна принять моя деятельность в проектном бюро я получил от Боярщинова, а в дальнейшем после образования сначала проектного отдела (вместо бюро), и затем упр. нов. строительства и назначения во главе всего дела Ю. М. Матова по делам организации, беседовал, главным образом, с ним и от него же получал конкретные указания и инструкции. С этого времни я стал принимать более близкое участие в организации, так как сидя в одном кабинете с Матовым и фактически будучи его помощником по службе, я стал исполнять его распоряжения не только служебные, но и по делам организации и постепенно силой обстоятельств втянулся в более деятельную работу...

Соответствующее направление деятельности Технического Совета было отчасти также поручено мне, но тут сильно помогли мне председатель Технического Совета **Л. Г. Рабинович** и профессора — члены организации — а также главные инженеры радоуправлений, постоянно подымавших прения по каждому даже незначительному вопросу, утверждавшие плохие варианты и отвергавшие то, что было сделано хорошо... К этому периоду моей деятельности относится, как я уже упоминал раньше, вхождение мое в руководящую группу, как руководителя одного из крупных и важных отделов, каковым является отдел проектный. Кроме того, вследствие загруженности работой Ю. Н. Матова, я стал исполнять все его поручения по делам организации. Поручения эти были следующие:

а) сбор сведений, предназначенных для отправки заграницу или на Московский центр;

б) составление по черновикам списка лиц, получавших деньги с указанных сумм;

в) передача денег членам организации в отдельных случаях;

г) в нескольких случаях получения денег от Московского центра через Скорутто;

е) два раза распределение денег по указанию Ю. Н. Матова;

ж) передача сведений лицам командируемым заграницу» (л. д. 165, 166).

О роли других лиц членов организации **Братановский** показывает:

«Руководство в отделах принадлежало заведующим отделами—членам организации или их помощникам.

Руководство на местах осуществлялось через директоров и районных инженеров, а непосредственно в рудоуправлениях было в руках главных инженеров и их помощников» (л. д. 147).

Подтверждая показания **Матова** о роли отдельных обвиняемых в организации, инж. **Братановский** показывает:

«Валиковского я знаю как члена организации, он играл роль руководителя антрацитового района (Долженского, Хрустальского, Боковского рудоуправления) будучи директором этого района, состоял членом руководящей группы Донугля, особой инициативы и энергии в своей деятельности не проявлял, но инструкции и директивы организации выполнял. Деньги несколько раз получал, но точно, сколько раз и в каких суммах перечислить не могу. Когда два раза распределял вместо Матова я, то на долю Валиковского приходились небольшие суммы (точно не помню), но не больше 150—200 руб. (л. д. 126)».

О роли **Мешкова** в организации инженер **Братановский** показывает:

«Как член организации он играл роль руководителя Сталинского района (будучи директором этого района), состоял в руководящей группе Донугля, особой инициативы и энергии в своей работе не проявлял, но инструкции и директивы организации выполнял. Деньги получал несколько раз, но сколько раз и в каких случаях перечислить не могу. Когда случалось распределять их мне (два раза), то на долю Мешкова (лично) приходились суммы незначительные (сколько помню), но не больше 150—200 рублей» (л. д. 122).

Наконец **Казаринов** показывает сам о себе, что начиная с 1925 года он входит в состав руководящего ядра (л. д. 377).

О роли инженера **Матова** в организации **Казаринов** показывает:

«Все нити организации по Донуглю сосредотачивались в руках Матова, созывавшего по мере надобности Донуглевскую или Харьковскую организацию. Однако, такие совещания при мне бывали редкие, обычно дело сводилось к переговорам Матова с отдельными членами организации, передача им директив, разговоры с приезжими, все это делалось точно также, как и согласование

вопроса с Москвой. Иногда, и чаще всего, вопросы решались в составе нескольких лиц, но во время отсутствия Матова, например, во время его заграничной поездки жизнь организации замирала» (л. д. 379).

Тоже показывает о своей роли и роли других лиц в организации обвиняемый **Сущевский:**

«Матов: как я раньше упомянул, имел основание считать, что Матов был главным лицом организации, через него распределялись деньги, когда они поступали в Бахмут (судя по словам Бахтиарова). Он же давал, видимо и руководящие указания центральной группе (районных инженеров). Мне лично по поводу указаний Дворжанчика приходилось иметь беседу, когда Дворжанчик предложил в начале 1926 г. в письме Матову и мне одновременно заменить паровыми машинами заказывавшиеся электрические и затем позднее—по поводу замены конструкции копра для новой шахты. Других директивных разговоров со мной Матов, не помню, чтобы вел. Во время заведывания Матовым УНС, по его инициативе устанавливался порядок ведения работ и самые работы, т.-е. выбор шахт производился сообразно определенным целям, т.-е. им направлялся ход строительства Донбасса. (л. д. 160).

Бояршинов. **Бояршинов.** По занимаемой в Донугле должности имел решающее влияние на всю политику ведения работ в Донбассе. Мне неизвестны детально его взаимоотношения с Матовым в смысле подчиненности последнему по линии организации, но полагаю, что ему не трудно было сговариваться по всем запросам в самом Донугле в своем кабинете. Бояршинову принадлежит инициатива развития в широком масштабе мелкой промышленности—своего рода оттягивающей пластырь для крупной промышленности. Работа тонких пластов—лозунг, провозглашенный в 1925 г. также по его инициативе. Наконец, я полагаю, что от него зависело запоздание с развитием начала нового строительства в Донбассе, можно сказать, почти что на два года, как в смысле проходки и оборудования шахт, так и в смысле электроцентралей (л. д. 187).

Детер. **Детер.** В роли районного инженера Алм.-Мар. района проводил деятельность в духе организации и, как я заключаю из факта передачи ему писем через меня от Дворжанчика, а также сообщений Дворжанчику от самого Детера сперва через меня и Будного, а потом через Будного прямо Дворжанчику, Детер находился в непосредственной связи с Дворжанчиком и получал от него указания. В силу существования с давних пор хороших отношений Детера с Матовым и Бахтиаровым, он был непосредственным участником тесных совещаний, которые Матовым устраивались иногда, правда, на этих совещаниях мне самому не приходилось быть (л. д. 187).

Кузьма. **Кузьма.** О деятельности Кузьмы в организации мне не приходилось иметь определенных указаний. В последнее время перед предполагавшейся его поездкой заграницу, предпринятый им об'езд рудников меня удивил своей неосторожностью, почти бравадой, и заставил подумать о причастности его к организации снова, о чем

мне приходилось слышать с 1924 г., когда Кузьме через меня был передан пакет от Дворжанчика.

Для Ржепецкого, которого Дворжанчик знал раньше лично, я имел от него письмо и при встрече с ним (Ржепецким), поскольку я сам не был хорошо знаком, я его должен был предупредить о существовании намерений Дворжанчика, привлечь его письмом к участию в организации. Ржепецкий сообщал мне о своей деятельности раза два, в начале подробностей этих сообщений я не могу вспомнить, а позднейшее время 1924, 1925 и 1926 г.г. он сносился по этой части, кажется, с Матовым непосредственно. Уже по работе в УНС я знаю, что Ржепецкий на Гришино начал подготовительные новые раработы, совпадавшие и с общим планом Донугля на шахтах № 2 и № 4. Деятельность его на Байраке в 1927 г. определялась указаниями, как раньше, через Матова». (л. д. 203). Ржепецкий.

О своей роли **Сущевский** показывает: Сущевский.

«Роль моя в отношении, вообще, всей организации, сводилась к следующему. Первоначально, когда получение денег происходило на Щербиновку из Бахмута от Бахтиарова, я не имел касательства к другим членам (вне Щербиновки), когда же Будный стал присылать письма и деньги мне не только для Щербиновки, но и для разных других лиц, вышеупоминавшихся и о коих еще придется подробнее и ниже говорить, мне приходилось передавать по назначению как то, так и другое — это было в 1924 г.

Мне по поводу предстоящей передачи приходилось вести предварительный разговор с Братановским, Ржепецким. Равным образом, я получал для передачи Дворжанчику сведения от некоторых лиц, как тех же Братановского, Ржепецкого, кроме того Детера, Бояринова, Соколова, которые и направлялись через Будного Дворжанчику. Таким образом я был посредствующим звеном — Харько — я — Будный — Дворжанчик и обратно в сношениях 24—25 г. До того были отдельные письма и суммы — Матову, Шевякову, Бахтиарову за проект... Что касается моих взаимоотношений в смысле деятельности с Матовым, то они ограничивались с моей стороны передачей ему писем и денег, кажется, два раза, получением от него сведения для Дворжанчика при моем отъезде и дачей их при его отъезде и обсуждением конкретных поручений Дворжанчика по поводу оборудования Новой шахты в 26 году» (л. д. 204).

Наконец, **Детер** о своей роли в организации показывает:

«По отношению ко мне центральную фигуру представлял Дворжанчик... с ним я переписывался через Мяновского. Я же со своей стороны должен был вовлекать в это дело других лиц» (л. д. 75).

Бояринов после перехода на Кадиевское рудоуправление, по его показаниям, осуществлял связь организации с заграницей: Бояринов.

«После перехода моего в Проектное Бюро Кадиевки в январе—феврале 1926 года, **Матов** во время одной бе-

седы по поводу проекта предупредил меня, что мне придется принять участие в организации связи, а именно, передачу сведений заграницу.

Он сказал, что ко мне направит человека с письмом и я с ним должен буду уговориться.

Действительно, ко мне в кабинет в конторе вечером явился гражданин лет 33—35, среднего роста с довольно длинными усами, шатен, фуражка была форменная — значки якорь и лопата, — (точно не помню). Он произнес свою фамилию, но так не отчетливо, что я не разобрал. Передал письмо от **Матова,** в котором было указано, что податель сего письма то лицо, о котором я предупрежден.

В дальнейшем этот незнакомец предложил называть его «Казимиром».

«Такие встречи происходили, примерно, через 1½—2½ мес. Сюда «Казимир» стал являться либо в штатском, то с усами, то без них и т. д. Мы садились, пили чай, почти молча он перекладывал к себе в портфель пакет, уславливались о следующей встрече, тем дело оканчивалось» (л. д. 202).

Совещания центральной группы.

Так создалась среди «вредителей» руководящая группа, распределившая между отдельными своими членами сферы компетенции. В дальнейшем, в процессе следствия выявилось, что серьезные вопросы вредительства обсуждались на особых совещаниях руководящей группы, причем иной раз они носили летучий и неорганизованный характер, иной раз, наоборот, были специальные докладчики. Обсуждение более серьезных вопросов происходило чрезвычайно конспиративно; особо важные вопросы разрешались в расширенных совещаниях, куда приглашались обыкновенно видные члены и руководители местных периферийных организаций.

Совещание центральной руководящей группы.

Показаниями **Матова** устанавливается, что первая директива заграничного центра о ведении работы в Донбассе рассматривалась на квартире **Бахтиарова** в присутствии **Матова, Сущевского, Будного, Казаринова** и **Бахтиарова.** Об этом совещании указано выше. (л. д. 135—236).

Другой обвиняемый **Братановский,** подтверждая показания **Матова,** рассказывает как организация проводила свои собрания:

«Никаких больших многолюдных собраний не устраивалось, собирались 5—6—8 человек, как бы случайно, никаких протоколов не имелось. Обыкновенно мне говорили Матов или кто-либо из директоров коротко: «Зайдите в кабинет Матова или в библиотеку», (где, насколько припоминаю теперь, действительно, собирались два-три раза). На этих собраниях при мне большей частью обсуждались не принципиальные вопросы, а вопросы тактики, как поступить в том или ином случае. Из принципиальных вопросов помню такие: отношение к интервенции, отношение к увеличению зарплаты, к нормированию труда, хронометражу. Из тактических вопросов могу указать на следующие: чем об'яснить неудачи с закладкой мелких шахт, следует ли инженерам занимать посты управляющих рудоуправлениями или целесообразнее оставаться на втором плане, как проводить программу

капитальных работ. Несколько коротких летучих собраний было в кв. Бахтиарова, о чем я уже писал в предыдущих показаниях. Какие именно и где решались вопросы, я точно не помню.

Наверное собраний таких было много, но я присутствовал далеко не на всех, а лишь на тех, на которых рассматривались вопросы, касающиеся капитального строительства, проектирования, а также лишь попутно и другие. В общем решения во всем сводились к тому, чтобы выполнить директивы заграничного центра в отношении сохранения недр и ценных машин, подготовки к сдаче рудников концессионерам, а с этой целью, где возможно уменьшать добычу, повышать себестоимость, задерживать капитальное строительство, направлять его не по тому пути, опаздывать, а иногда черезчур спешить и т. д.

Повторяю, конспирация была чрезвычайная, большинство не знало друг про друга. Разговаривали между собой на тему дел организации лишь при благоприятных обстоятельствах, помня, что и стены иногда имеют уши». (л. д. 67—68).

Устройство собраний на квартире **Бахтиарова** подтверждает и обвиняемый **Казаринов,** также входявший в руководящую группу организации:

«Заседания организации происходили, обычно, или у Матова, или у Бахтиарова, на квартирах или в служебном кабинете в пассаже и вместе с ним сидели Бахтиаров и Братановский, т.-е. основное ядро, собственно и решавшее почти все вопросы». л. д. 379—380).

О том, какие вопросы рассматривались на совещаниях организации подробно показывает обвиняемый **Матов:**

«Приблизительно в 1925 г. получалось письмо от Дворжанчика, в котором он поставил нас в известность, что в дальнейшем он не будет уже получать сведений, а что все сношения наши организация будет вести с бывш. Советом С'езда находящимся в Париже, Это письмо было получено общим порядком через Будноваго Сущевского. Вскоре действительно получилось тем же путем от с'езда, к которому была приложена более детальная инструкция о направлении деятельности нашей организации. На одном из заседаний руковоящей группы, вскоре после получения письма от с'езда, разбирался, как этот вопрос, так и ряд других принципиального характера. Заседание это было в Донугле в кабинете Бояршинова или в комнате при библиотеке. На заседании был полный состав: **Бояршинов, Братановский, Бахтиаров, Казаринов, Детер, Мешков, Валиковский и я.** Оговариваюсь, Братановского не было. Прежде всего был рассмотрен вопрос инструкции, полученной от с'езда. Эта инструкция была значительно более детальная, чем предыдущая от Дворжанчика. Впоследствии получена была еще одна инструкиця от с'езда еще более детальная. Эти инструкции также делились на две части; информационная и затем по вредительской деятельности. Я их не привожу, так как они были приведены мною в одном из протоколов. Собрание рассмотрело инструкцию и приняло ее к руководству. Затем, на этом же заседании были рас-

пределены главнейшие функции между участниками, при чем Бояршинову поручено было проведение вопросов через Правление, если в этом будет надобность и вообще вопросы по центральному аппарату Донугля. Казаринову был поручен вопрос импорта и вообще заказов. Относительно последнего я могу ошибиться, было ли это поручено на этом заседании или может быть на другом». (л. д. 238—239).

Казаринов, подтверждает приведенное показание **Матова:**

«Весной 1925 г. на первом Совещании организации посещенном мною, я слышал о получении от Прядкина инструкции о необходимости организации в Донугле органа, контролируемого организации, в коем сходились бы все вопросы капитального строительства». (л. д. 429).

Захват УНС и др. командных высот в Донугле.

По поводу этой инструкции и того совещания, где распределились роли членов организации, **Казаринов** дальше показывает:

«Я лично перед поездкой за границу присутствовал на одном заседании, на котором был решен под председательством Матова; с участием **Л. Г. Рабиновича,** вопрос об учреждении и распределении ролей в Управлении Новым Строительством. Этому органу организация справедливо придавала чрезвычайно большое значение. На заседании принимали помимо Матова участие следующие лица: **Шишкин, Бахтиаров, Братановский, Детер, Рабинович, и Сущевский.** Я впервые присутствовал на подобном совещании и оно произвело впечатление. Второе совещание на котором я присутствовал состоялось вскоре после моего приезда из-за границы. Обсуждалась предстоящая поездка Матова за границу и программа работ УНС на 1927 год» (л. д. 379—380).

Несколько совещний организации было посвящено вопросу захвата командных высот и распространения своего влияния. По этому поводу Матов показывает:

«Также на одном совещании руководящей группы при общем составе участников ее, было решено иметь влияние и делать подбор сотрудников по преимуществу из членов организации с тем, чтобы все главнейшие Отделы Донугля работали по указанию и инициативе организации. Этот вопрос обсуждался неоднократно на совещаниях, начиная с 1925 года. Данное решение, после подбора соответственного количества участников, членов организации, удалось почти полностью провести в жизнь» (л. д. 112).

Организация не ограничилась однако только захватом командных высот в Управлении Донугля и поставила себе целью проникнуть в **инженерно-техническую секцию** и в другие тресты Матов показывает:

«Вопрос о проникновении в **бюро инженерно-технической секции,** как в Харькове, так и на местах, был поставлен на заседании руководителей организации в обычном составе, в присутствии Кржижановского, в конце 25 или в начале 26 года. На заседании было решено возможно полнее охватить указанное **Бюро ИТС** с целью оказания содействия в работе организации, при чем тогда

же поручено было заняться этим вопросом Кржижановскому. Затем, насколько помню, вопрос об ИТС поднимался еще раз в конце 27 года, когда решено было провести кандидатуру Фридмана, в Харьковское **Бюро ИТС**, в качестве председателя, что удалось сделать в начале 1928 г. Я лично вопросами ИТС недостаточно интересовался, однако слышал от Кржижановского и Фридмана, что многие из членов **Бюро ИТС** сочувственно относились к идеям, проводимым организацией в Донбассе, из чего можно сделать вывод, что политические взгляды членов **Бюро ИТС** были недостаточно устойчивыми» (л. д. 133).

Подтверждая это, Братановский показывает:

«Одной из задач организации было распространение своего влияния по возможности шире, чтобы быть в силе проводить свои директивы быстро, точно и безошибочно: потому организация стремилась занять все командные высоты, проводя своих членов на ответственные посты. Инженерно-Техническая Секция представляла и представляет собой орган, имеющий большое значение в жизни Донбасса, а потому подчинить ее влиянию организации было положительно необходимо. На одном из собраний организации, не могу припомнить, где и в каком составе, обсуждался этот вопрос, причем помню, что первой была выставлена кандидатура Матова, но он отказался, говоря, что и без Инженерно-Технической Секции у него дела чересчур много. Тогда кем-то была выставлена другая кандидатура лица, которое на собрании не присутствовало. Эта кандидатура была принята» (л. д. 79).

Что касается распространения влияния организации на другие тресты, то по этому поводу **Братановский** показывает:

«Такую директиву привез из Москвы, насколько помню, **Скруто или Именитов.** После заседания вместе с московским представителем, решено было завязать связь пока что со следующими трестами: . . . . . С . . . . войти в сношения было поручено мне, а с . . . . —Бахтиарову, так как он имел в обоих трестах хороших знакомых в лице инж. К . . . . в первом и в лице инж. . . . . — во втором (л. д. 106).

Связь с другими отраслями промышленности.

О том, как **Братановский** исполнил поручение организации о связи с . . . . он показывает:

«Мне действительно было поручено на одном из собраний организации, переговорить с кем либо из . . . . . о связи обеих организаций, что я и сделал, переговорив с . . . . в одно из ближайших посещений . . . Они приняли к сведению мои сообщения о необходимости установить связь и согласились делегировать кого-либо из членов своей организации. Относительно . . . . помню, что связь была налажена через . . . Взаимная информация осуществлялась при помощи коротких докладов о положении дела на собраниях Донугля. Помню, от . . . . бывали на этих собраниях . . . От . . . выступал почти исключительно **Скрута»** (л. д. 82).

По показаниям того же Братановского видно, что от... присутствовали на собраниях организации Донугля . . . . . .

а от . . . . — . . . . О роли этих инженеров **Братановский** показывает:

«Эти инженеры присутствовали на собраниях, на которых рассматривались более важные вопросы, например: о пропаганде, о методах проведения в жизнь директив заграничных центров, об отношении к интервенции и т. п. В свою очередь каждый из трестов делал короткие информационные доклады о своей деятельности. Так помню, от ... выступал несколько раз ... с докладом о положении дел с добычей, о себестоимости на рудниках ... о капитальном строительстве, о положении административно-технического персонала. ... докладывал о состоянии железнодорожного хозяйства в связи с инструкцией быть на готове в случае необходимости расстройства транспорта. ... докладывал о заграничных заказах для ... разных машин и механизмов. Помнится, были им заказаны лебедки для шахт, неподходящей мощности. При этом собрание выразило ему порицание за слишком грубый и циничный образ действий, который может провалить работу организации—нужно было заказать лишь часть негодных машин, а не все, а годные машины использовать лишь частично. Помню доклад .... о капитальных работах на рудниках ..., о том, как проводятся инструкции в отношении проектирования, о результатах пропаганды и о сближении технического персонала с массами рабочих» сближении технического персонала с массами рабочих» (л. д. 107).

Отчетные доклады.

Показания Братановского в этой части (подтверждаются) и Матовым (л. д. 102—103).

Бывали совещания, на которых члены организации отчитывались в своей деятельности, о чем показывают Матов, Братановский, Казаринов, Шадлун, Детер и др.

Детер по этому поводу показывает:

«Затем было другое собрание уже значительно позднее, в 1926 г. тоже в библиотеке, в присутствии тех же лиц и Сущевского. На этом собрании подводились итоги того, что уже сделано, при чем я, указывал на те сокращения, какие уже сделаны по добыче, а значит и по сохранению недр. Точно цифр не помню. **Тоже говорилось другими лицами, каждым о своем или своих Рудоуправлениях.** На этом же собрании и обсуждался вопрос о новых проходках и проведения этого в жизнь. Указывалось каждым присутствовавшим, какие именно шахты намечаются к проходке или уже намечались, причем устанавливалось, что раз уже шахта начата, то все стремление должно итии к тому, чтобы ее оборудовать и затем, тем же способом, как и эксплоатационной шахте, сдерживать развитие капитальных подготовительных работ» (л. д. 101—102).

Несмотря на то, что важнейшие отделы Донугля были захвачены членами организации, тем не менее, как показывает Матов, организации приходилось бороться с «правильными идеями», исходившими от Правления Донугля, помимо организации. Об этом также показывает **Матов.**

«Цикл вопросов, возникших в Правлении Донугля, помимо организации, разрабатывался последней на своих совещаниях, с таким расчетом, чтобы при проведении в жизнь они получали утрированную форму. В последнем случае, даже правильная идея при проведении в жизнь, оказывалась уже вредной для производства и следовательно, также осуществлялась в интересах организации». (л. д. 117).

Влияние на заграничные командировки.

Организация также оказывала влияние на выдвижение кандидатур из числа членов организации едущих заграницу. **Матов** показывает:

«Этот вопрос решено было проводить перед Правлением через Бояринова. Он обсуждался на совещании в 25 г. и был решен еще до поездки Сущевского за границу и затем неоднократно ставился на обсуждение в дальнейших совещаниях. Таким образом, ряд кандидатур, в том числе **Сущевский** и **Юсевич,** получили заграничные командировки, вследствие указанного решения центральной группы организации». (л. д. 111).

С привлечением . . . . . совещание организации носили иногда пленарный характер. По этому поводу и вообще о вопросах рассматривавшихся на совещании организации **Братановский** показывает:

Расширенные заседания. Обсуждение политических вопросов.

«Начиная с конца 26 г. после установления связи между Донуглевской организацией и организациями других трестов, кроме собраний руковдящей группы Донугля, устраивались еще расширенные собрания с представителями других трестов. Кроме руководителей там присутствовали иногда приезжие из рудников члены организации — главные инженеры и другие. На собраниях обсуждались такие принципиальные вопросы: об отношении к интервенции, о пропаганде, отношении к индустриализации страны, отношении к оппозиции; также обсуждались тактические вопросы: методы проведения в жизнь различных директив организации о составлении и собирании сведений для отправки за границу, способах вредительской деятельности, о способах связи с заграницей и о строгой конспирации. Кроме того заслушивались доклады о деятельности отдельных членов организации и ее ячеек. Делались сбщения о поступлении денег, делались отчеты о поездках за границу и исполненных там поручениях, составлялись инструкции для работников рудоуправления и т. п. Из обсуждавшихся вопросов и заслушанных мною докладов помню следующие:

Вопрос об интервенции.

Об интервенции и деятельности членов организации на случай таковой. Здесь, помню, мнения разделились и некоторые высказывались против содействия интервенции, речь шла об интервенции со стороны поляков. Кто именно был против — я не помню, но я лично также придерживался этого мнения, но из осторожности, так как большинство явно было на стороне интервенции, промолчал.

Вопрос был решен в том смысле, что директивы заграничных об'единений о вредительской деятельности в случае интервенции нужно принять и предложить на

местах составить план работ и распределение ролей». (л. д. 154—156).

Об антисоветской пропаганде.

О пропаганде против Соввласти. Инструкция была получена из заграницы. Обсуждался вопрос о принципиальной точке зрения и обсуждался метод проведения пропаганды в жизнь, причем рекомендовалось два метода: первый — это пропагандирование постепенно сверху вниз, от высшего служащего до среднего и низшего, уже соприкасающегося с рабочей массой, а второй метод — это непосредственное завоевание симпатии рабочих со стороны членов организации, путем широкой общественной работы среди молодежи, в клубах, на курсах, школах и т. п. с целью внушения к себе уважения и получения возможности более тесного общения на началах доверия и наиболее активными рабочими. В первом случае инженеры должны были вербовать штейгеров и конторских служащих, штейгера должны были вербовать десятников, а служащие табельщиков. Десятники и табельщики, а также мастера и монтеры, должны были вести уже пропаганду среди рабочей массы, как стоящие в непосредственной связи с нею. Пропаганда должна была вестись при помощи критики мероприятий советского правительства, сравнения положения рабочего класса в СССР с положением в капиталистических странах Европы и Америки, программа ВКП должна была критиковаться очень тонко, чтобы не возбудить чьего-либо подозрения. Оба метода пропаганды были приняты и многие инженеры пошли по этому пути и как они докладывали, достигли хороших результатов, главным образом, первым путем. К таким инженерам относится Сущевский. (л. д. 88—89 и 154—156).

Об лозунге индустриализации страны.

Об отношении к индустриализации страны. Ввиду того, что индустриализация, с одной стороны, укрепляет хозяйство страны, увеличивает численно количество пролетариата, укрепляет его мощь и способствует поддержанию и усилению диктатуры пролетариата, а с другой стороны — превращая СССР из страны земледельческой в промышленную, умаляет значение страны, как житницы Европы, решено было не поддерживать индустриализацию, сдавая заказы на машинное оборудование рудников преимущественно за границу.

По вопросу о методах вредительской деятельности, помню обсуждались директивы на одном или двух заседаниях, давались добавления и поправки» (л. д. 154—156).

«При мне также обсуждался вопрос о забастовках рабочих. Решено было возбудить недовольство рабочих установлением высоких норм, введением хронометража, понижением расценок, но так как ко всему этому нужно было подходить весьма тонко, то рекомендовалось действовать через профсоюзы и инженерно-технические секции, с той целью, чтобы истинным организатором этого дела остаться в стороне. (л. д. 83).

«Вообще, вопросу интервенции организации уделяла много внимания, поскольку заграничный центр подчер-

кивал важность этого вопроса, а с другой стороны потому, что организация усматривала в этом возможность свержения советской власти. Директивы заграничного центра о вредительстве на случай войны уже проводились. Следует добавить, что от заграничного центра поступила по этому вопросу специальная директива о подготовке организации к расстройству транспорта, на случай войны. Показаниями Братановского устанавливается, что на одном совещании членов организации было решено возложить ответственность за эту работу на Неелова Зав. транспортным Отделом Донугля. (л. д. 82).

О мелком шахтном строительстве.

Матов подтверждает показания Братановского и пополняет их следующими пунктами:

«В первой полвине 25 года, вследствие недостатка спроса на уголь, явилась необходимость в закрытии ряда шахт Донбасса для концентрации добычи на остающихся шахтах. Само по себе это явление должно быть признано вполне рациональным. При рассмотрении этого вопроса на заседании руководителей организации было решено форсировать эту концентрацию с таким расчетом, чтобы оставленные шахты было впоследствии затруднительно или невозможно совсем пустить в ход, в случае если встретится надобность снова в их работе». (л. д. 115).

«На одном из совещаний во второй полвине 25 г. был поднят вопрос о мелких шахтах. После обсуждения этого вопроса решено было использовать существовавшую тогда тенденцию к усиленному заложению мелких шахт, форсировать закладку этих шахт, стремясь развить их в местах недостаточно благонадежных, или представляющих те или другие затруднения в эксплоатации или закладывать их на плохого качества пластах. На том же совещании или немного позже, обсуждался вопрос о возможности проведения в жизнь вопроса о переоборудовании старых капитальных шахт. Было решено задерживать проведение в жизнь этого вопроса, а также задерживать работы по рационализации.

Создание специального представительства организации за границей.

Совещания и собрания организации происходили также и в связи с командировками за границу членов организации и их возвращением. Перед выездом за границу того или иного члена организации, созывалось совещание руководящей группы, где вырабатывались директивы для уезжающего. А по возвращению из-за границы, устраивались собрания, на которых заслушивались подробные доклады о проделанной работе.

Матов показывает:

«Член организации Юсевич был назначен в заграничную командировку в Париж в 1925 г. На одном из заседаний руководящей группы организации на котором присутствовали: Бояршинов, Матов, Братановский и насколько помню Сущевский, также сам Юсевич, последнему было предложено взять на себя сношения с заграницей, т.-е. с находящимся в Париже С'ездом Горнопромышленников Юга России. Заседание происходило в Донугле, точно не помню или в каб. Бояршинова или в комнате при библиотеке. Юсевич должен был передавать все получаемые све-

дения по Донбассу, получать от указанного с'езда сведения для организации, находящейся в Харькове, инструкции и денежные суммы. **При чем** передача должна была происходить через Москву — при помощи оффициальных органов одного из государств через одного из сотрудников, фамилию которого я не припоминаю» (л. д. 99).

Касаясь этого момента **Братановский** в своих показаниях добавляет, что «на одном из совещаний организации говорилось о трудностях переотправки денег, о задержках, о необходимости наладить это дело, причем Юсевич взялся наладить этот вопрос и должно быть наладил его частично, так как вчериод пребывания его за границей, Братановский получил через Матова какую-то сумму денег» (л. д. 81).

Отчетность о связи с заграницей и заслушание директив б. хозяев по поводу текущего строительства. Доклады Матова.

Совещание давало директивы и **Матову,** когда он ездил за границу. По возвращении своем из-за границы **Матов** сделал доклад организации о результатах своей поездки. Присутствовавший на этом собрании, член организации **Шадлун,** показывает:

«На этом совещании **Матов** передал кое-какие свои впечатления о поездке. Кроме того передавал свои разговоры со Штедингом и Прядкиным, какие он имел в Париже.

Матов передавал, что на квартире у Штединга он был два раза, где обсуждался следующий вопрос: закладка новых шахт, вопросы добычи старого Бондасса вопросы сокращения добычи и вопросу переоборудования шахт. Других вопросов я не помню, чтобы рассматривались. По вопросу о закладке новых шахт **Маиов** сказал, что те шахты, которые заложены, вполне одобрены Бюро и что в дальнейшем предположено вполне восстановить и оборудовать ныне затопленную шахту на руднике «Золотое». Затем восстановление рудников Михайловского Общества при ст. Марьевка и проходка новой шахты на Ирминском руднике. По всем этим шахтам он имел суждение со Штедингом и Прядкиным, с которыми пришел, приблизительно, к такому соглашению:

Разработка проектов по этим шахтам будет отдана заграницу и если удастся, то во Францию, если не удастся— то в Германию, причем лица, получившие в Германии проектирование шахт, должны будут согласовывать эти проекты со Штедингом и Прядкиным и выполнить директивы указанных лиц при выполнении проектов. За выполнением директив Парижа, если проекты быдут исполняться в Германии, предполагается выдать особое вознаграждение лицам, состовляющим проекты. Попутно Матов на этом совещании выяснил вопрос о том, насколько вообще возможно сокращение добычи, этим вопросом он очень интересовался и когда ему начали задавать вопросы со всех сторон, то он сказал, и его поддерживал Бахтиаров, что этим вопросом сильно заинтересованы бывшие владельцы, так как вовсе не в их интересах дальнейшее вырабатывание недр, а что наоборот они усиленно хлопочат о том, чтобы добычу уменьшить, насколько это возможно. За работу по уменьшению добычи б. владельцы, по заявле-

нию Матова, охотно соглашаются платить всем тем лицам, кои это будут проводить в жизнь. Этот вопрос окончательно еще им не оформлен, но находится в стадии переговоров и в данное время, по этому поводу, ведутся переговоры Детером, который находится в Берлине. Матов сказал, что переговоры ведутся не только со Штедингом и Прядкиным, но назвал также и фамилии Нароновича и Дворжачика, переговоры с коими должны происходить, точно не помню, не то в Берлине, не то в Варшаве, так как назывались оба эти города. На этом совещании закончилось по данному вопросу. Рассматривая также вопрос о переоборудовании существующих шахт, этот вопрос, по заявлению Матова, также весьма интересовал Прядкина и Штединга. На совещании у Штединга было выяснено, что бывш. владельцы хотят обязательно переоборудование Орлово-Ленинского рудника, входящего в Брянское Рудоуправление шахты № 1 капитальной Чистяковского Рудоуправления, Северного и рудника Артема Щербиновского Рудоуправления, а также Свято-Горовского рудника Гришинского Рудоуправления. Вопросами капитального переоборудования названных рудников, по заявлению Матова он предполагает заняться с будущего, т.-е. 1928 года, своим отделом, т.-е. Управлением Нового Строительства, чего в этом году провести нельзя будет, а можно будет лишь только по прохождению сметы на 1928 год. На этом же заседании Матовым была дана директива, чтобы при составлении смет эти рудники обязательно были внесены смету, а вопрос прохождения этих смет он берет на себя при их рассмотрении. Больше других разговоров я не припоминаю, а на этом разошлись. (л. д. 239—241).

По тому же вопросу **Каразинов** показывает:

«После его Матова доклада на Парижском совещании о деятельности и размерах организации, там будто сильно увеличился авторитет и значение организации; вопросы финансирования, встретившие вначале некоторые затруднения, разрешены вполне, что намечается возобновление прерваных было переговоров французов с совластью в отза его счет финансирование будет усилено, но что и органошении довоенных долгов; если состоится соглашение, то низации с своей стороны придется усилить свою работу, так как повидимому, приближается **момент усиленного натиска на СССР.** Матов называл мне много фамилий, а**французских имен** я не помню, но между прочим он охарактеризовал два названных им лица, как представителей комиссии о долгах. (л. д. 402).

Братановский показывает:

«Присутствовал я на докладах Матова, Юсевича, Казаринова, Сущевского, Матов докладывал о своем свидании со Штодингом о полученном им предложении устроить Штедингом на службу в Донуголь, чтобы он мог лично изучить настоящее положение Донбасса с целью вообще более тесной связи с Парижским об'единением. Если неошибаюсь, Матов говорил также о результатах своих переговоров с немецкими проходческими фирмами и еще какими-то, но какими—не помню.

Доклад Юсевича не подлежит оглашению.

Юсевич докладывал два раза: о положении Парижского центра, о связи его с Военным Министерством, о свиданиях с Буросом, о планах и расчетах иностранных капиталистов на нашу помощь в случае войны, говорил о том, что как предполагается наладить передачу средств вновь через . . . . . в Москве.

Казаринов рассказывал о своих сношениях с немецкими фирмами, о выполнении им инструкций по проведению заказов на заграничное оборудование, сдал денежный отчет. (л. д. 108).

Детер по этому поводу показывает:

«Следующее собрание было в Пассаже — у Матова. Здесь уже Матов подробно говорил о своей поездке заграницу и о своих свиданиях с Соколовым, б. секретарем С'езда Горнопромышленников, в связи с нашей работой в Донбассе на пользу б. владельцев. В то же время им было указано, что вся заграничная организация, состоящая не только из б. Совета С'езда Углепромышленников Юга России, но и других отраслей промышленности, действует не только через . . . . . в Москве, но и через . . . . . что, таким образом, мы будем иметь связь» (л. д. 102—103).

Доклады Казаринова.

Обсуждалась также на совещании и деятельность **Казаринова** за границей. **Матов** показывает:

«Насколько помню, в конце 1925 года, вернувшись из за границы, Казаринов сделал доклад совещанию ответственных руководителей организации, что он во время пребывания своего в Германии, где он ведал заказами Донугля по оборудованию—вошли в соглашение с рядом фирм о выплате комиссионных % % организации в случае передачи Донуглевских заказов именно этим фирмам, а не другим. Основание для такого соглашения у Казаринова было потому, что на одном совещании еще до от'езда его за границу этот вопрос ставился на обсуждение и была высказана мысль о желательности такого соглашения. Докладывая о достигнутом соглашении, Казаринов назвал ряд фирм, из которых я помню АЕГ Эйкгофа, Конперса, Отто и Гренпеля». (л. д. 242—243).

Лично **Казаринов** по этому вопросу показывает:

По вопросу о Совещании, которое имело непосредственно после моего возвращения из-за границы, в июле 1926 г.

Присутствовали: **Матов, Братановский, Бахтиаров Березовский** и я.

Я сделал информацию по следующим вопросам:

Об ожидающемся в ближайшее время широком развитии закупочных операций в Германии за счет 300 милл. кредита.

О Мартовском совещании у АЕГ с Дворжанчиком.

О директиве Блаймана, касающиеся желательного германским правительственным кругам сближения, экономического с Германией.

Об имеющейся возможности поставить вопросы об учреждении смешанного Сов. Герм. О-ва для проходок шахт, для чего у меня имеются необходимые связи и принципиальное соглашение фирм. Об имеющейся возможности на-

ладить связь с заграницей иностранных правительственных органов, которым по словам Блаймана будут даны соответствующие инструкции. В качестве посредника мною рекомендовался Р. П. Вагнер, с которым я предлагал переговорить». (л. д. 453—454).

Наконец, еще об одном особого характера совещании показывает **Братановский:**

«На одном из собраний в конце 25 года, представитель Московского центра... не то **Скорута,** не то **Именитов** сделал доклад о слиянии об'единения быв. горнопромышленников Юга России, проживающих за границей с обществом кредиторов бывш. Российского Государства, ставящем себе целью не только экономического, но и политического характера, иначе говоря, получение обратно своих предприятий в собственность мыслилось только при условии свержения советской власти. (л. д. 109).

Вредительство, проводимое самим центром. Захват У. Н. С.

Из приведенных показаний видно, что вопросы общего управления и руководства вредительством занимали основное место на совещаниях руководящей группы организации. Сплошь и ядом, однако, эти вопросы переплетались с вопросами чистой политичи, вплоть до обсуждения вопроса о внутрипартийном положении в ВКП(б) или о практических мероприятиях организации на случай войны.

Организация, однако, не ограничивалась руководством вредительства на периферии,—она поставила перед собой ряд практических заданий по организации такого же вредительства в самом центральном аппарате Донугля, благодаря чему она могла бы сразу оказывать свое влияние на периферию в масштабе всего Донугля. Захватив в свои руки самые ответственные руководящие посты в Донугле, организация обратила внимание на проведение системы вредительства в крупнейшем вопросе, занимавшем Советское Правительство, именно — в вопросе о восстановлении нового Донбасса и организации нового строительства, для чего по инициативе самих вредителей этот вопрос был выделен в специальное Управление новым шахтным строительством.

Вот как об этом показывает обвиняемый **Казаринов:**

«Сама по себе здоровая и нужная для Донецкого бассейна концентрация дела нового строительства с выделением его в отдельное Управление возникла, к сожалению, в преступных головах за границей. Как я уже указал, создание УНС является результатом директивы **Пряткина,** по мысликоторого это учреждение должно было быть квинтэссенцией организации, каковой она фактически и была.

Предложенная на утверждение треста и одобренная последним организационная схема УНС была совершенно правильна и вполне отвечала растущим требованиям хозяйства страны. Она заключалась в кратких чертах в следующем:

1) Увязка планов нового строительства с потребностями страны в отношении количества (добычи) и качества (сорта).

2) Ввявление новых участков для будущих районов и их разведка.

3) Составление проектов для новых подлежащих стройке предприятий.

4) Руководство сооружением новых предприятий.

В действительности, эта сама по себе чрезвычайно обширная и благодарная для технической мысли задача была сведена к тому, что требовалось для проведения преступных целей организации» (л. д. 440).

Конкретные акты вредительства.

О конкретных формах вредительства, проводимого через УНС показывает Зав. УНС **Матов** по этому поводу:

«В 1926 году я перешел в качестве Зав. УНС, где оставался до последнего времени.

За этот период акты вредительской работы (в УНС) были следующие:

«Допущение производства работ по новым шахтам, которые впоследствии должны были быть остановлены: шахта № 6 Брянского Рудоуправления, — проводил через **Детера** и . . . .

Допущение работ по проходке и откачке новых шахт без достаточного оборудования и при недостаточных технических средствах:

Хрустальное Рудоуправление—шахта № 17: начата откачкой затопленная шахта без наличия нужных насосов и без электро-энергии, вследствие чего в дальнейшем работы пришлось остановить и шахту вновь затопить.

Несветаевское Рудоуправление—шахта «Скачинский» Несмотря на значительный приток воды, шахта не была достаточным образом технически оборудована при начале проходки, вследствие чего продвигание ее было чрезвычайно медленым, а себестоимость прохождения 1-го погонного метра чрезвычайно высокой.

Допущение к работе шахт без достаточного геологического освещения: шахта им. Киселева Чистяковского Рудоуправления. По выходам пластов мощность предположенного к разработке Ремонского пласта была первоначально определена в 1,1 метра. На основании этих данных была начата проходкой капитальная шахта без предварительного дополнительного освещения участка буровыми скважинами. В дальнейшем выяснилось, что мощность пласта при пересечении буровыми скважинами на глубине оказалась равной 0,85,0,0,60 и ниже метра. Таким образом, пришлось принять для проекта и для работы шахты не 1,1, а 0,70, что, конечно, должно в значительной степени удорожить уголь при эксплоатации.

Шахта № 16 Буленовского Рудоуправления. Шахта предположена к оборудованию для работы на двух пластах коксового угля мощностью 0,70 и 0,60 метра. Предварительной геологической разведки глубокой не было. При прохождении шахты и при пересечении обоих пластов, нижний оказался мощностью 0,45 метра и хотя верхний пласт работается и самостоятельно, однако, производственные возможности шахты оказываются значительно меньше

Замедление при прохождении оборудования новых шахт:

Щербиновская новая шахта: допущение медленного темпа развития подготовительных работ, как под землей, так и в особенности на поверхности и замедленный темп

при проэктировании отдельных частей шахты. Изменение типа копра в проекте из трехногого, в четырехногий и вследствие этого двукратное его проэктирование. Все это вызвало значительные задержки и невозможность своевременного выполнения оборудования шахты.

Шахта «Карл» Хрустальского Рудоуправления: Задержки в проектировании, задержки в установке под'емной машины и оборудовании шахты вообще, чем вызвана задержка в готовности шахты к эксплоатации.

Шахта № 29 Рудченковская: задержки в проектировании проводки поверхностного оборудования, а также запоздалое с заказами на мелкое поверхностное оборудование, чем вызвано замедление пуска в ход шахты в эксплоатацию.

Шахта «Ильич» Кадиевского Рудоуправления: задержки в составлении проекта переоборудования шахты «Ильич» следствием чего явилась невозможность переоборудовать существующий горизонт в 166 сажень, как предполагалось раньше, а явилась необходимость перенести переоборудование на следующий горизонт 201 саж. и, таким образом, увеличенная по проекту добыча сможет быть осуществлена с опозданием на 3 года, а выписаная в под'емная машина новая из-за границы не будет использована в течение года»...

Вредительство по проектированию по показаниям Матова сводилось к замедлению при составлении проекта новых шахт, к числу каковых в особенности должны быть отнесены следующие проекты: шахта № 17 Рудченковская, шахта № 29 Рудченковская, шахта новая Щербиновская, шахта Ирминская, шахта «Ильич», шахта «Карл», шахта «Американка».

«Помимо вышеперечисленных фактов, мною при посредстве **Братановского и Кржижановского** поощрялись и приводились в жизнь целый ряд разнообразных мероприятий, имевших задачей задержки или неправильное разрешение, как при проектировании, при составлении смет, так и при углубке, выдаче заказов и вообще оборудования новых капитальных шахт» л. д. 124—127).

Деятельность Проектного Бюро.

Целиком подтверждая показания **Матова,** заведывающий Проектным Бюро Управления новым строительством **Братановский** о вредительстве в Управлении показывает следующее:

«Перехожу к моей деятельности в Проектном Бюро... Моя деятельность, как члена организации в области проектирования заключалась в следующем: в затягивании составления проектов, путем неоднократных переделок их и составления бесконечного количества вариантов (проект Ирминской шахты), проекты шахт им. Лутугина и Киселева, проект шахты № 17 Рудченковского Р/Управления, Горловки № 19, 20, «Карла»); составление нереальных практически неосуществимых проектов (шахта «Американка»—проект **Джоя,** проект Дроновской мульды, проект Васильевской шахты, — Хрустальского Р/Управления — проект Ален и Гарсия); составление проектов, таким образом, чтобы себестоимость угля при

эксплоатации была, по возможности дороже, также, как и стоимость капитальных затрат (проекты Сорокинских шахт, Чистяковских, Рудченковских). В то времяя имел инструкции некоторые части проектов отделывать весьма тщательно и так как это требует последнее слово техники с тем, чтобы впоследствии иметь возможность частично использовать проекты при концессионерах по возвращении прежних владельцев. Я имел также инструкции накапливать богатый технический материал в виде чертежей и литературы, каталогов, эскизов, фотографий, статистических данных и т. п., но держать их под спудом, не выпуская в обращение. В бытность мою в проектном бюро, я принимал участие вместе с другими членами организации в выборе участков для закладки шахт и тут согласно директивам организации было несколько случаев умышленного выбора неподходящих месторождений (шахты Чистяковские и Сорокинск.).

Соответствующее направление деятельности технического совета было отчасти также поручено мне и тут сильно помогли мне председатель технического совета **Рабинович** и профессора, а также главные инженеры Р/Управлений, постоянно поднимавшие прения по каждому, даже незначительному вопросу, утверждавшие плохие варианты и отвергавшие то, что было сделано хорошо. В отношении проектировавших для Донугля американцев была инструкция придерживаться той же политики, что в отношении остальных проектов, т.-е. затягивание, нереальные проекты, использование инженерских сил не по назначению (Гарсия—плохой специалист по подземным работам—был загружен как раз проектированием горных работ), утверждение неосуществимых вариантов (проектов **Джоя** и т. п.). В деятельности моей по инструкции организации, непосредственно мне помогали инженеры . . . . и **Кржижановский** (л. д. 164—165).

Обвиняемый **Соколов,** говоря по этим же вопросам, не расходится с показаниями **Матова и Братановского:**

«Заложенные шахты проходились в то время, когда проекты не были закончены, а разведки не произведены. Шахты встречали пласты меньшей мощностью, чем ожидали—шахты им. Киселева и Лутугино, оборудование заказывалось без проверенного плана и недостаточно проверенное в расчете. В итоге полученные под'емные машины не подходили к намеченым шахтам и перебрасывались на другие. В общем работа велась по хорошо организованному плану, в целях бесполезной растраты государственных средств для получения в итоге результатов гораздо менее ожидаемых».

«Я уже указал о том, какая линия проводилась **Матовым** в области проектирования и какие результаты она давала в отношении проектов. При выполнении проектов на местах, проводилась линия, дававшая в результате, что закладываемые и оборудываемые шахты не могли бы без существенных изменений дать ту производительность которую намечали по проекту. Разведки делались крайне спешно или небрежно, при чем, при начале работы дава-

ли одни данные о месторождении, а когда шахта уже проходила, то выяснялись ошибки.

На шахте им. Лутугино Чистяковского Р/Управления когда шахта была пройдена—пласт оказался почти на 30% тоньше, чем давали первоначальные данные, взятые наспех и непроверенные должным образом. Прохождение шахты даже обогнало разведочное бурение.

Шахта им. Киселева того Р/Управления уже была пройдена больше чем на половину, когда разведки выяснили, что шахта находится не в центре участка, и что одно крыло пласта не рабочее. В итоге по обеим шахтам нужно наскоро переделывать проекты, чтобы найти способ давать намеченную добычу. Срок существования шахт уменьшается. Себестоимость угля будет дороже, чем предлагалась и некоторое заказанное оборудование будет излишним.

По Гришино проект составлялся на основании того, что пласт не будет иметь изменений. Работы производятся. Машины заказаны, а затем выясняется, что пласт имеет утонение.

На шахте № 17 Рудченкова для окончания начатого уже проекта проверка первоначальных данных показала большое количество ошибок и следовательность неправильного первоначального проекта, по которому закладывалась шахта. Пришлось проектировать все сначала тогда, как шахта уже проходилась. В итоге план работ изменился. Заказанное оборудование частью оказалось неподходящим, другая часть еще не заказанной. И несмотря на спешку в проектировании, на которой настаивал **Матов,** шахта может сначала начать работать со значительным опозданием (первоначальный проект составлялся **Завадским).**

Шахта № 7/8 «Карл» Хрустального Р/Управления заложенная 13 лет тому назад, еще не начала работать и проект по ней еще не готов, потому, что по распоряжению **Матова,** перечитывались все новые варианты, работы задерживались, оборудование находилось одинаковым с шахтой № 17 Рудченковки. Часть оборудования, уже готового и подходящего для работы, уже пришла и лежала на шахте, проект делался на новый вариант, с американским оборудованием, изготовление которого потребовало бы 1 г.—1½. По этой же шахте работы намечались так, что сначала вырабатывался верхний пласт, а затем нижний. Но разведки показали, что последний гораздо хуже первого, и следовательно, весь план работ был составлен неправильно. В итоге работы по добыче уже запоздавшие, еще запаздывали бы на несколько лет. Это играло большую роль для бывших владельцев (рудник раньше принадлежал Немецкой К-о).

Для проведения решений вопросов, касающихся работы УНС через Правление, **Матовым** составлялись соответствующие доклады, подбирались материалы, освещающие вопрос в необходимом для организации свете. Так как и проектирование и выполнение работ по новым шахтам находилось в УНС и правление Донугля не рас-

полагало другими хорошо разработанными по вопросу, то давало согласие на проведение решений в жизнь» (л. д. 59, 60, 61).

Казаринов о работе УНС.

Давая подробные показания о вредительстве в У. Н. С., **Казаринов** показывает.

«Так, из деятельности УНС совершенно исчез § 1 программы, Строительство же фактически велось по чисто случайному признаку, в котором преобладал элемент преступности. Выявление и отбор участников для нового строительства производились с точки зрения наименьшей эффектности новых шахт, а разведки почти что не велись.» (л. д. 440, 441).

«Когда в 1926 г. в Горловке нужно было приступать к постройке нового коксового завода, то оказалось, что на его месте только что выстроена новая котельная для проходки шахты. Котельную, вместе с котлами и дымовой трубой пришлось переносить на новое место.

В 1925 г. по инициативе инж. **Бахтиарова** решено было переоборудовать две Гришинские шахты, Ново-Экономическую и Гродовскую, рассчитанные на 20 миллионов пудов каждая, на добычу в 30 миллионов в год, это дает в сумме 60.000.000 пудов, кроме 40.000.000 п., Стоимость переоборудования 2-х шахт превысит стоимость сооружения одной новой шахты производительностью в 30.000.000 пудов, что за меньшие затраты дало бы 70.000.000 пудов против 40.000.000 пуд. При этом надо отметить, что составленный проф. Шевяковым проект переоборудования является сплошным для строителей вопросительным знаком (по данным инж. Цибульского).

Из трех шахт, проходимых фирмой «Тиссен», одна заложена на Ремовский пласт, маломощный и почти наполовину участка не рабочий. Шахта же проходится большего сечения и рассчитаны на 20 миллионов годовой производительности, спроектированы дорогие громадные приствольные выработки, механизация и проч., что стоит в полном противоречии с возможностями месторождения. При этом проектирование, уже законченное аппаратом УНС, было для переработки поручено еще фирме «Стюарт», что обходится чрезвычайно дорого само по себе.

В 26/27 г. сделаны, обошедшиеся в 1 млн. руб. подготовительные работы по проходке 2-х крайне необходимых Сорокинскому Р/Управлению новых шахт. В тек. году, под видом нехватки средств, к работе по проходке неприступлено.

В результате на под миллион рублей без движения и не использовывается оборудование. В 24/25 г. по инициативе **Матова** решен вопрос о переоборудовании шахты «Ильич» рассчитанной и оборудованной на годовую добычу в 30 млн. пудов, на производительность в 42 сл. пудов. В настоящее время дает 18 мл. пудов, т.-е. 6% отого, что она может дать при сравнительно

небольших затратах на обновление верхних частей оборудования.

Проект составлен инженером **Соколовым,** предусматривает переоборудование ныне действующего горизонта, для увеличения до 42 мл. добычи, в то время, когда запас у этого горизонта может при этой добыче хватить лишь на 3—3½ года. Приходится переоборудование переносить на следующий горизонт, а в тоже время на существующем уже напрасно сделано ряд дорогостоющих капитальных работ теперь излишних (электр. кам.) обошедшихся около 200.000 рублей. С переносом оборудования на нижний горизонт, под'емная машина, стоющая около 1 мл. и пребывающая и устанавливаемая текущим летом, потребуется только через 2 года.

Говоря об импорте я указывал на ненормальность заказа под'емных машин, задания на которых менялись в течение времени заказа около 8 раз. Теперь, когда машины приходится устанавливать, то обнаруживается, что большинство их не соответствует фактическим потребностям и они или будут работать неправильно, или вся шахта будет искажена (Скачинский, Горловка, № 19, Рудченкова № 17).

Перечисленные факты являются наиболее крупными звеньями преступной цепи проводившейся организацией. Наряду с ним можно было бы отметить еще ряд более мелких явлений, направленных к нанесению ущерба и вреда каменноугольной промышленности и Союзу в целом, так как конечной целью всех мероприятий организации по УНС являлся срыв пятилетнего плана индустриализации страны. (л. д. 442, 443, 444)».

Инженер **Шадлун** по вопросу о вредительстве в УНС показывает:

Строительство по директивам из заграницы.

«Рассматривая также вопрос о переоборудовании существующих шахт; этот вопрос по заявлению **Матова,** также интересовал **Пряткина и Штетинга.** На совещании у **Штетинга** было выяснено, что бывшие владельцы хотят обязательно переоборудования Орлово-Еленовского рудника, входящего в Брянское Р/Управление, шахты № 1 капитальной Чистяковского Р/Управления, Северного и рудника Артема Щербиновского Р/Управления, а также Свято-Горовского рудника Гришинского Р/Управления. Вопросами капитального переоборудования названных рудников, по заявлению **Матова,** он предполагает заняться с будущего, т.-е. с 1928 года своим отделом, т.-е. управлением нового строительства, чего в этом году провести нельзя будет, а можно будет лишь только по прохождении смет на 1928 г. На этом же заседании **Матовым** была дана директива, чтобы при составлении смет эти рудники обязательно были внесены в сметы, а вопрос прохождения этих смет он берет на себя при их рассмотрении». (л. д. 241).

Сущевский о вредительстве в УНС.

Инженер **Сущевский** о вредительстве организации УНС показывает:

«Вредительство проявлялось в проведении крупных затрат для восстановления предприятий безнадежно затопленных с тем, чтобы результаты этого, по возможности, не так скоро можно было использовать (шахта Яковенко, Горско-Ивановская). В соответствующем выборе об'ектов для проектирования работ. Об'екты эти должны были отвлекая внимание Донугля не давать в конце концов выгодных результатов, а в то же время отвлечь внимание от лучших участников. К шахтам, которые являются непроизводительными и нерентабельными в достаточной степени нужно отнести № 16 и 17 Мушкетовского Рудоуправления, Киселево, Лутугино и по части плохого качества угля № 19 и 20 Горловки.

3) Затяжка проэктов для тех шахт, которые так или иначе неизбежно нужно было проходить или оборудовать. К таким шахтам относятся: «Карл», Киевка, Рудченко 18, Горловка 19, 20, Рудченково 29. Несогласованность одних работ с другими горных с обогащением и электроэнергией: Сорокино, Щербиновка, Кидиевка. В первом несогласованы вопросы электростанции, а во второй и третьей вопросы обогащения, а в Щербиновке и электроэнергии. Производство заказов несоответствующих своему назначению или вообще преждевременных, заказы эти, главным образом, на заграничное оборудование. Одна из главных трудностей состоит, конечно, в том, чтобы при проэктировании не были наглядны не вязки. Следовательно, нужно было как то прикрыться известной благонадежности ширмы. Для покрытия с без апеляционным авторитетом решений, которые могли бы возбудить сомнения у кого-либо из «малых сих». Для этой цели отличным орудием мог служить Технический Совет, ареопаг всех знатоков горного дела. Все они люди занятые по горло или в ВУЗ'ах или в Высших Госуд. органах, или в других трестах, вникнуть в детали, обдумать спокойно все возможности и варианты не представлялось в сущности легким даже при желании. Люди эти были к тому же все свои и в конце концов, ведь хозяин тот, кто тратит деньги и они весьма прислушивались к тому, чего хочет хозяин Донуголь». (л. д. 47, 48).

«Самым наглядным примером злостной оттяжки нужно считать шахту «Карл», которая в основном была кончена до революции. Заказав туда машину в 1924 г. даже, шахту нужно было иметь в эксплоатации в 1926 году; приступив к оборудованию поверхности в 1923/24, она войдет в работу фактически в 1929. При этом произведено с шахтой несколько манипуляций: ствол будет на 350 метров переделываться, машины устанавливаются с 29 пересены на 17». Яков. сперва потом на Карл. С Карла машина переносится на Гришино. Полученные из Германии погрузочные устройства выбрасываются, делают новое американское. Проэкт для сортировки начат в 28 году без чего шахта не может работать. Недопустимо долго работал «Скочинский», куда приходит машина, но шахта перепроэктирована—будет задержка на полгода (которая окупится вполне увеличением добычи) чего не

трудно было избежать при большей осторожности и осмотрительности технического совета.

В части шахт, которые намечены в программу и были в работе из тех, что требуют значительных затрат для своего пуска в ход, нужно отметить шахту Яковенко, Горско-Ивановскую, где откачка их займет значительное время и соответствующие средства.

Из шахт, которыми поспешили проходкой и которые при нормальном положении с трудом оправдывали бы капитальные затраты, нужно назвать Киселево (и Лутугино), Сорокинскую шахту хотя и остановили недавно, но она подходит под ту же категорию затяжных, пока можно сделать затраты. Сюда же нужно отнести и шахты 16/17 Мушкетовского Рудоуправления с сомнительным месторождением.

Приходится сказать, что есть целый ряд шахт, пуск которых дал бы уголь хороших качеств и дорогой по цене, которые хотя и состоят в программе, но во второй очереди—это № 18 Рудченково, № 2 Узловая, Паркоммуна, № 3/4 Щербиновка. В общем из этих сопоставлений видно, что две шахты сильно задержаны работой, две шахты решили откачивать не щадя затрат, 4 шахты проходится с сомнительным экономическим результатом, а 4 шахты, которые должны были бы дать большое количество хорошего угля не проходятся, 8 шахт проходятся но нецелесообразно и с целым рядом неувязок в смысле проэктов, заказом на подъемные машины, копры и проч.» (л. д. 211, 212).

Вопросы мелкого и среднего шахтного строительства были также об'ектом внимания организации. Более того, основное направление в работе по закладке и проходке этих шахт диктовалось организации, из-за границы, в целях отвлечения внимания Донугля от работы на крупных и ценных шахтах.

Закладка мелких и средних шахт предшествовала концентрация шахт, в связи с проведением коей, многие шахты были переведены на консервацию.

Рациональное решение треста о консервации некоторых шахт—организация использовала также в своих целях.

Использование временного закрытия шахт для их полного выведения из строя.

Так, **Матов** описывает следующим образом решения организации и меры принятые ею по вопросу о концентрации шахт:

«В первой половине 1925 года, вследствие недостатка спроса на уголь, явилась необходимость закрытия ряда шахт Донбасса, для концентрации добычи на остающихся шахтах. Само по себе это явление должно было признано вполне рациональным. При рассмотрении этого вопроса, на заседании руководителей организации, было решено форсировать эту концентрацию с таким расчетом, чтобы остановленные шахты были впоследствии затруднительно или невозможно снова пустить в ход, в случае если встретиться надобность снова в их работе, вследствие потребности в топливе. И действительно, приблизительно через полгода, когда осенью 1925 г. возрос спрос на уголь, ряд шахт остановленных весной того же года оказалось пустить затруднительно или невозможно. К числу таких

шахт можно отнести шахту «Нарком» на Кадиевском руднике и одну из шахт Первомайского рудника «Анна». Последняя шахта была совсем затоплена, а шахта «Нарком» потребовала значительных средств и времени для своего восстановления. Вследствие этого с одной стороны увеличился недостаток в угле осенью 1925 года), а с другой стороны пришлось закладывать ряд новых шахт среднего типа».

В другом показании **Матов** говорит:

«Этот вопрос сам по себе рационален в условиях рассматриваемого времени (начало 1925 года) так как наблюдался избыток угля и следовательно надо было остановить ряд шахт, дабы сократить расходы и не распылять добычу. Однако, останавливая шахты во многих случаях, их надо было останавливать временно, с тем, чтобы при спросе на уголь можно было их быстро пустить в ход. На совещании было решено принять меры к тому, чтобы при остановке шахт, максимальное количество останавливать на всегда или во всяком случае, чтобы их нельзя было быстро восстановить. Действительно, когда через полгода, осенью 1925 года спрос на уголь возрос—эти и подобные шахты восстанавливать оказалось или невозможным или очень сложно и пришлось увеличить число закладываемых средних шахт (л. д. 241).

Инженер **Сущевский** по этому повду показывает:

«В смысле первоначальной стадии — затоплений центральный район за исключением Щербиновских рудников, полностью дали исполнение «программы»: рудники Байракские № 8, № 1, 8, 5 быв. Ауэрбаха и дальше быв. Русско-Бельг. были затоплены в большей или меньшей степени каждый и кажется кое где еще и сейчас есть не восстановленные под эксплоатацию участки, во всяком случае восстановительные работы продолжались в 1925/26 г., что показывает насколько существенным был первоначальный удар. В Горловском Р/Управлении—шахта № 8 была затоплена основательно и чтобы давать «добычу» пришлось обратиться «к выборке старых участков подтравой» на самых верхних горизонтах, таким образом, создалось впечатление, что рудник работает еще с 1922 года, по существу же это была работа тех же мелких шахт».

Исполнение мелкого шахтного строительства.

В связи с изменением конъюнктуры рынка, когда спрос превысил предложение и страна потребовала уголь в количестве превышающем запасы Донугля,—возник вопрос о закладке мелкой и средней промышленности.

Эту работу организация использовала также в своих целях. **Матов** по этому поводу приводит следующее решение организации:

«Во второй половине 1925 года на одном из совещаний был поднят вопрос о мелких шахтах. Совещание состоялось насколько помню в присутствии обычного числа и в составе всех членов—руководителей центральной группы. Кроме того, присутствовал **Рубанович.** После обсуждения этого вопроса, который был поднят по ини-

циативе **Бояршинова** и **Рубановича**—решено было использовать существовавшую тогда тенденцию к усиленному заложению мелких шахт, форсировать закладку этих шахт, стремясь развивать их в местах недостаточно благонадежных, или представляющих те или другие затруднения в эксплоатации или закладывать их на плохого качества пластах.

Приблизительно в это же время или может быть позже также на одном из совещаний, было решено по возможности задерживать проведение в жизнь вопроса о переоборудовании старых капитальных шахт, а также вопрос рационализации работы» (л. д. 110).

В другом показании **Матов** говорит, что:

«Решено было форсировать заложение шахт поощряя их закладку на местах заведомо неблагонадежных или недостаточно благонадежных. В отношении переоборудования старых капитальных шахт, ввиду того, что шахты старого Донбасса, почти все имеют устарелое оборудование, большинство этих шахт подлежит переоборудованию в техническом отношении. Однако, решено было, по возможности, это оборудование задерживать, дабы сохранить прежнюю стоимость угля, малую производительность рабочих и большой расход топлива на свои нужды (л. д. 128).

«Для быстрого увеличения добычи Донугля, вследствие увеличившегося спроса на уголь, решено было Правлением Донугля заложить ряд средних и мелких шахт. Тогда на совещании руководителей организации, решено было дать задание главным инженерам и районным директорам по возможности в максимальном количестве закладывать шахты на заведомо неблагонадежных и мало разведанных участках. Из известных примеров, могу указать на шахту № 28 и шахты на Карбоните Золото-Тошковского Р/Управления и на Кадиевке (л. д. 241)».

Инженер **Сущевский** по этому поводу показывает:

«Когда с несомненностью стало обнаруживаться, что с добычей должен получиться крах, если расчитывать на естественное восстановление старых шахт, был выдвинут, согласно программы организации, лозунг развития мелких шахт и работы на таких шахтах, где до того времени за невыгодностью не работали: с особенной ретивостью **Бояршинов** и районные инженеры продвинули этот вопрос в 1925/26 году вместо того, чтобы хоть тогда совершенно серьезно уже заняться большими шахтами».

Далее **Сущевский** показывает:

«Под предлогом невозможности работ на капитальных шахтах—развивали работы мелких шахт, с производством капитальных вложений для этой цели. Такая постановка дает возможность получить на рынке значительное количество угля («Исполнение запросов страны») и так как уголь этот в большинстве низшего качества—нанесение значительных убытков прямых и косвенных транспорту и промышленности государству. Восполняя суммарную потребность топлива в стране—эксплоатиру-

ются мелкие шахты, представляющие с точки зрения крупного капитала интерес скорее отрицательный (конкуренты, которые будут быстро и до конца уничтожены) крупные концессии благодаря этому соответственно предохраняются (л. д. 145)».

Оценка работы мелкой промышленности дана **Сущевским** еще в одном из его показаний:

«В 1925 году внимание Донугля направлено в сторону мелких шахт, Рудоуправлением было предложено в самом срочнейшем порядке произвести отбор таких шахт, которые в кратчайшее время могли быть пущены в работу, отпущены были соответствующие кредиты и шахты начали расти как грибы. Те Рудоуправления, которые почему либо не управлялись зарождать эти шахты, получали замечания и хочешь не хочешь должны были ввязываться в это дело. Кампания была проведена в ударном порядке, поэтому выбор шахт был сделан недостаточно осмотрительно, без нужной разведки, в результате многие из них пришлось закрыть довольно скоро и быть может это было лучше потому, что другие приходится закрывать уже теперь, а до сего времени они влачили существование повышая себестоимость Рудоуправления.

Кредиты в свое время на дополнительные шахты были отпущены тоже, что называется с потолка, потому что «некогда» было собрать сведения сколько и на какую шахту нужно. В Рудоуправлениях получилась путаница: на одних шахтах громадные перерасходы, на другие недорасходы. В Рудоуправлениях появился в значительном количестве уголь такого качества, что не знали как его спихнуть. Работа мелких шахт для Рудоуправлений была сущим наказанием. По самой природе своей и в дореволюционное время эти шахты были выгодны только потому, что находясь в руках мелких хозяйчиков, могли не нести значительной доли общих расходов, не соблюдали правильной системы работ, пренебрегали креплением. В общем можно сказать вели паразитическое существование в районах, где были большие шахты и во всех районах работали отбросами рабочей силы. Когда появилась мысль создать благополучие Донугля и понизить себестоимость на таких шахтах, повидимому, не были учтены многие из вышеприведенных обстоятельств, Рудоуправления потратили массу энергии, руководящий персонал был отвлечен на распутывание самых разнообразных часто сложных и всегда мелких вопросов, что несомненно отразилось на ведение дела на основных шахтах, не говоря уже о том, что в силу невозможности соблюдения условий, позволявших раньше мелким шахтам выгодно работать, эти шахты сами по себе не удешевили угля Рудоуправлениям, а основные шахты до некоторой степени даже удорожили себестоимость из за отвлечения внимания техперсонала на мелочь.

Мне кажется почти наверное, что затративши те деньги, которые пошли на мелкие шахты, можно было бы путем дооборудования нескольких крупных, получить

тот же результат по добыче то же в течение какого-нибудь года, но только на более длительный срок.

Вообще же говоря, получилось так со всей этой мелкой промышленностью: нам нужно было начинать проходку и оборудование крупных шахт, а Донуголь не мог раскачаться на это и, вместо того, пустился по линии наименьшего сопротивления, и эксплоатация мелких шахт в финансовом отношении явилась как бы оттяжкой средств и в силу этого отговоркой от того, почему не начинаются новые шахты, что дескать нет денег.

На меня в то время производило впечатление, что ни Донуголь в целом, ни отдельные Рудоуправления не имеют духа почему то приступить к крупному строительству. Теперь мы видим, что во всяком случае года на два темп работы по новому строительству запоздал и одной из причин этого я считаю отвлечение в мелкую промышленность, в конце концов, очень быстро провалившуюся, и тем усугубившую это неудачное начинание» (л. д. 52—54).

Следствие установило, что захват средней и мелкой промышленности проводила организация по прямым указаниям по этому поводу лично **Дворжанчика:**

Об этом же говорит **Сущевский:**

«**Дворжанчиком** еще в 1924 г. было высказано соображение о развитии на щербиновке мелких шахт» (л. д. 160).

Братановский о мелком шахтном строительстве показывает:

«Из наиболее существенных фактов могу указать на распоряжение относительно открытия целого ряда мелких шахт по всему Донбассу. К открытию шахт приступлено было очень энергично. По распоряжению **Мешкова** я поехал вместе с ним в Сталинский район и об'ехал все Рудоуправления вместе с главными инженерами, наметил участки будущих шахт. В Сталинском округе, где недра в очень большой степени вблизи от поверхности, выработаны, нашлось очень мало мест для закладки мелких шахт, тем не менее, согласн имевшегося категорического распоряжения приходилось изыскивать хотя бы мало-мальски подходящие места или восстанавливать мелкие шахты заброшенные в годы гражданской войны. Всех шахт, насколько я помню, было намечено около 20—25. Из этого количества штук 5 шахт я считал невыгодными закладывать ни в коем случае, но т. к. вопрос решался целым рядом лиц, имелось твердое распоряжение шахты заложить, то вопрос в большей части решался в положительном смысле» (л. д. 48, 49).

Вредительство при закупке импортных оборудований.

Исключительная по размерам убытков разрушительная работа организацией проведена в области закупки импортного оборудования.

Основным принципом, направляющим всю работу по завозу импортного оборудования являлся принцип заведомого злостного вредительства при определении качества, технических спецификаций, сроков и проч., заказываемых механизмов.

Завед. Иностранным отделом **Казаринов** по этому поводу показывает:

«Покупка и ввоз из-за границы оборудования началась в 1925 году, когда для этой цели были посланы специально две комиссии: о первой т. **Иванова** я знаю лишь то, что она не была чужда влиянию организации (Сущевский). Что же касается второй, членом которй я состоял,—то работа всецело находилась под этим влиянием».

При размещении заказов среди иностранных фирм организация руководствовалась директивой, полученной от **Дворжанчика** на мартовском совещании в 1926 году в Берлине, а также на совещании членов руководителей организации в Донугле, заслушавшей доклад **Казаринова** о его работе в этом направлении. Директивы эти прежде всего сводились к тому, чтобы члены организации при ведении перетоворов о закупке импортного оборудования входили в соглашение с фирмами, о выдаче в пользу организации определенного процентного вознаграждения с продажной стоимости заказанного.

Так, Завед. Иностранным Отделом **Казаринов** по этому поводу показывает:

«В полученных мною лично двух письмах мне сообщалось: в первом полученном вскоре после моего оставления в Берлине по от'езде **Билика** (февраль 1926 г.) директивы о том, какую по мнению организации следует принять позицию в отношении своей деятельности и участия в дальнейших закупках, оборудования для Донугля, при чем рекомендовалось по возможности расширять об'екты покупок, если возможно переходя за рамки лицензионных разрешений с отнесением сроков поставки на возможно более долгий срок, а также сообщалось о необходимости связаться с **Башкиным.** Во втором полученном письме, незадолго до моего от'езда за границей, сообщалось об образовании Управления Нового Строительства и о том, что мне предлагается не критиковать прибывающие в Берлин заказы с точки зрения их неполноты и т. д. (л. д. 384)».

Конкретные факты вредительства.

Переходя к конкретным фактам вредительства **Казаринов** указывает на следующие:

«1) Покупка ротационных пяти компрессоров хотя и хорошего качества, но по габариту своему не соответствующие сечению штреков, вследствие чего они не могли быть использованы для той цели, для которой предназначались и их пришлось размещать в других менее срочных работах.

2) Покупка десяти штук пневматических врубовых машин для подготовительных работ вне лицензии. Машины эти хорошего качества, но при общей установке Донбасса на электричество они оказались пока не нужными.

3) Покупка пяти насосов системы «Этерсдорфера», новой, еще не применявшейся конструкции, вследствие чего насосы эти не нашли себе применения в Донбассе.

4) Заказ под'емной машины для шахты № 29 Рутченкова на производительность несоответствующую произ-

водственной мощности шахты (расхождение на 40%), вследствие чего машины пришлось искусственно приспособить к ряду шахт, что в конце концов все-таки не даст полного ее использования. Вместе с этим из-за необходимости неоднократной переделки ее сильно удорожалась ее стоимость и более чем на 2 года оттянулся срок ее установки и использования.

5) Заказ без достаточных технических данных двух реемоек. Хотя мойки по системе хороши, но построены без предварительного испытания углей, которые будут ими промываться, что отразиться на их работе. Заказ был обусловлен сроком в 10 месяцев, но завод не мог закончить их выполнение вследствие недостаточности технических данных в срок, в силу чего получение моек опоздало почти на 2 года.

6) Заказ целого ряда электромоторов, станков, бурильных молотков и проч., хотя и хорошего качества и нужные Донбассу, но не помещенных в лицензии и заказанных таким образом в обход существующих законов об импорте. Если искать фактических виновников перечисленных преступлений, нельзя обойти не упомянув составителей спецификаций и заказов в тресте как в смысле их неясности, так и в отношении последующей недачи указаний и ответов на запросы фирм. Указать конкретно на этих виновников в аппарате Донугля нет возможности имя им—организация, обнимающая собой весь многоликий аппарат технического отдела Донугля. Отделять здесь суб'ективные причины от об'ективных и при том способствующих первым—нельзя.

Для того, чтобы обрисовать вполне хаотическое состояние дел в аппарате треста, укажу лишь на то, что мне, преступнику, в план которого входило возможно большая путаница, приходилось исправлять, дополнять и выравнивать элементарные ошибки Харькова (л. д. 434—435)».

«Полученная вторая лицензия в отношении неясности и неопределенности, главное в отношении выставленных в ней стоимостей не только не отличалась от первой, но наоборот — превосходила ее. В нее были включены предметы, абсолютно ненужные Донбассу, например,— воздушные экономайзеры, газогенераторы, стекла для ламп Вольфа, асбестовые прокладки, конные рашпили и т. п.

Я не являюсь специалистом по турбинам,—продолжает Казаринов,—но достаточно в них разбираюсь, чтобы понять, что турбины куплены неэкономные в смысле расхода пара. Но главное преступление в этой закупке заключается в том, что для Власовки куплена турбина 5.000 киловатт по габариту своему не вмещающая в тамошние станции и притом отличающаяся от принятого для Донбасса типа (3.000 и 6.000 клв.).

Что касается котлов ошаца, то и они по габариту своему не годятся для тех котельных, где они срочно им были нужны и около года пролежали на складе Дон-

угля, перебрасываясь из одного рудоуправления в другое в поисках места, где бы их установка была возможна.

Таким образом, было ввезено оборудование, ввоз коего был разрешен исключительно вследствие срочной его необходимости.

В действительности же оно будет пущено в работу в срок, которого с избытком хватило бы для изготовления на отечественных заводах.

Полученная лицензия содержала в себе между прочим и разрешение купить коксовые печи. Нужны ли были коксовые печи Донбассу? Да. Но заказывая их все же было сделано деяние, повлекшее за собой тяжелые для Донбасса последствия, а именно: проводя вопрос о коксовых печах в инстанциях Союза последние были введены в заблуждение сообщением неверных преуменьшенных в три раза против действительности цифр стоимости оборудования, в результате чего пришлось в обход закона приобретать оборудование вне лицензий, кроме того, в 1928 операционном году Донуголь очутился в крайне критическом финансовов положении (л. д. 436)».

«К преступному влиянию организации следует отметить заказ оборудования в Америке ряда механизмов без достаточного количества запасных частей. Сюда относятся буровые станки Сулливан, врубовые машины Джефри и ряд других предметов, таким образом, обреченных на бездействие.

Я не могу выразить в суммах убытки, нанесенные Республике действиями организации в деле импорта, они измеряются сотнями тысяч рублей и делятся на две группы: непосредственные убытки от закупки ненужного или несоответствующего оборудования и убытки от затоваривания средств в оборудование, лежащим без использования» (л. д. 423 и об.).

Характеризуя вредительскую работу организации в части, касающейся импортных заказов, и обращаясь непосредственно к аппарату треста, **Казаринов** указывает, что главным проводником этой работы был технический и иностранный отделы:

Работа Иностранного Отдела.

«Пост заведующего иностранным отделом я занял по директиве организации и против своего желания. Для проведения в жизнь того, что поручено мне было организацией достаточно было лишь не противоречить и покрывать то, что с одной стороны в качестве материала для составления заявок давалось отделами заказчиками, а с другой то, что делал Берлин, стараясь по возможности придать этим средствам и результатам преступлений видимость, порядок, план и т. д. Так я и поступал. Я затрудняюсь сказать, где в работе ИНО кончалась халатность, обусловленная вошедшими в систему беспорядком и разгильдяйством в отношении заказов импортного оборудования и где начинались его преступления.

Преступления ответственность за которые сообща падает на ИНО и на отделы, работавшие по директиве организации на протяжении всех этих операций заключаются в следующем:

1. Включение в заявки предметов изготовляемых промышленностью Союза, как, напр., котлы, турбины, трансформаторы и проч.

2. Включение в заявки предметов оборудования, приобретение коих не диктуется срочной необходимостью, как, напр., под'емные машины.

3. Включение в заявки в количествах, превышающих потребность треста.

4. В отсылке для реализации по требованиям отделов в виде уточненного заказа предметов не соответствовавших лицензионным заключениям, как, например, запасные части для автомобилей.

Особенно усердствовало в деле внесения путаницы и беспорядка в деле импорта Управление новым строительством и механизацией. Я неоднократно просил **Матова** прекратить бросающуюся в глаза несогласованность между заявками и заказами УНС, на это он всегда отвечал мне, что это не важно и сойдет, так как мне должны быть хорошо известны условия работы в Берлине.

Результатами этой деятельности, в корне которой лежал принцип покупать во что бы то ни стало, явилась закупка по настоянию Электроотдела АЕГ еще 4-х турбин старого типа (л. д. 438—440)».

О вредительстве организации в области импортных закупок говорит и обвиняемый **Матов,** в частности, указывая на:

«Преждевременную выписку ряда под'емных машин для новых шахт, вследствие чего эти машины будут лежать неиспользованными. К числу таковых должны быть отнесены машины для двух Гришинских шахт. Указанная выше машина для шахты «Ильич»; две под'емные машины для шахты Лутугина и Киселева Чистяковского Рудоуправления. Указанные под'емные машины будут лежать неиспользованными в течение ряда лет».

По этому же вопросу показывает инженер **Сущевский:**

«С заказами машин получилось самое безобразное выбрасывание валюты. Две машины Кадиевские, две Гришинские и Карловская стоимостью приблизительно 500.000 долларов с лишним не будут использованы года полтора минимум. К ним вдобавок Матов прикупил старых бадий, аккуратно закрашенных, про которых рабочие на Хрустальном Рудоуправлении, глядя на немецкие трафареты, меня спрашивали: «Неужто такого у нас нельзя сделать». Умудрялись также, «чтобы попробовать, потому, что дешево» купить 6 насосов для нефти, которые и ныне лежат на Хрустальном Рудоуправлении.

Вредительство при механизации. Чинокал. Горлецкий.

Все такие покупки дают ясное понятие о том, что покупается без всякой оглядки на то, что соблюсти хоть сколько-нибудь интерес Донугля. Просто—пригодится, места не пролежит, а есть и такое, что и вовсе не пригодится» (л. д. 51).

Вопросы механизации производства специально были об'ектом вредительской деятельности организации.

Заведующий отделом механизации **Чинокал** кратко перечисляет моменты вредительской деятельности организации в этой области:

«Явно вредительской была деятельность:

а) Заказ 9-ти врубовых машин фирме **Кнапп,** в котором были заинтересованы **Бояршинов** и его пособник **Быховский.**

б) Заказ нового недостаточно испробованного типа машины фирмы Эйкгоф рискованный в силу новизны типа и вносящий пестроту и осложнения со снабжением запасными частями. Сказанное относится и к другим типам машин.

в) Явно вредительским актом была история с заказом на моторы и скреперные лебедки, виновником этого дела я считаю Берлинское Представительство.

г) Вредительской была политика наводнения наших рудников машинами Джой и Сискол без достаточной подготовки рудников, что и привело к ряду перебоев в работе.

д) Явно вредительской деятельностью было руководство **Бояршиновым** отделом механизации, выразившейся в разгоне хороших работников, в загрузке отдела бессмысленными заданиями и дача явно абсурдных сроков для их выполнения. Так, например, выполнение в один день пятилетнего плана механизации, которым мы не пользовались и который только вводил в заблуждение другие отделы.

е) Весьма подозрительной была деятельность **Горлецкого** в области распределения машин по рудникам (л. д. 84).

Районный инженер Донугля **Шадлун** следующим образом описывает работу вредителей в области механизации:

«О том, что **Чинокал** участвовал в организации я знал, т. к. он участвовал в совещании, устроенном **Матовым в 1925 г.** Кроме того, видел лично как **Чинокал** передавал в 25 и 26 г.г. **Матову** сведения о работе врубовых машин, количество машин и какую то об'яснительную записку, с содержанием коей я не познакомился. Припоминаю также я видел, как **Чинокал** готовил для **Матова** перед от'ездом его за границу список на какие то запасные части для врубовых машин. Припоминаю также жалобы, которые были в Рудоуправлении на него ввиду отсутствия нужных запасных частей и наличия большого количества неходовых запасных частей. Доходило до того, что на шахтах Чистяковского Рудоуправления приходилось разбирать машины для того, чтобы оттуда вытащить нужные части и поставить в рабочую машину. Приходилось констатировать, что новая машина засылалась туда, где для нее нет даже электро-энергии и врубовая машина лежала без работы в магазине, как пример приведу такой случай был в Щербиновском Рудоуправлении, где, повидимому, врубовая машина и теперь лежит в ящиках магазина. Припоминаю также случай, когда по рудоуправлениям рассылались врубовые машины не того вольтажа (напряжения), какой имел рудник, т.-е. вместо 220 вольт отделом механизации посылались врубовые машины 110 вольт и обратно. Такие случаи были в Снежнянском и Чистяковском рудоуправле-

ниях. Припоминаю также, что по заказам Рудоуправлений отделом механизации присылались ведущие цепи такие, которые рвались при первом натяжении и машины стояли без действия. Эти случаи происходили во многих рудоуправлениях, которые вводили механизацию в шахтах.

Частыми явлениями были такие, что отправляли в рудоуправления врубовые машины, но не давали конвейеров, от чего при пологом падении получался отрицательный эффект, т.-е. уголь при механической отбойке становился значительно дороже, чем при ручной. Бывали также такие случаи, когда посылали конвейера без моторов, вследствие чего при наличии конвейеров ими нельзя было пользоваться. Распределение моторов, машин, запасных частей производилось **Чинокалом,** совместно с **Горлецким,** так как они вдвоем ведали и заправляли механизацией Донбасса» (л. д. 242, 243).

Инженер **Братановский** о работе **Чинокала** и **Горлецкого** показывает:

«Чинокал и **Горлецкий** докладывали о своей работе по отделу механизации в связи с инструкциями о заказах неподходящего оборудования» (л. д. 158).

Инженер **Матов** освещает работу вредителей по механизации в части директив, данных **Чинокалу** и **Горлецкому** и другим следующим образом:

«Чинокал и **Горлецкий** по отделу механизации: развитие работ машинами на более мощных и легких пластах вместо работы на более крепких» (л. д. 90).

Вредительство путем затяжки при составлении смет.

Вся изложенная вредительская деятельность организации не могла не иметь отражения при составлении смет и программ. По этому поводу инженер **Братановский** показывает следующее:

«Другой существенный факт также совпадавший с интересами организации—это вся проводившаяся через директоров система составления смет и программ, составлявшаяся на рудниках и контролирующая и исправляемая в Директорате, а затем в Москве. Эта система способствовала очень медленному составлению плана работ на ближайшие годы, вследствие чего многие работы приходилось начинать без определенного плана, либо откладывать на продолжительное время. Все это производилось по определенному, заранее обдуманному плану. Лица, руководившие этим делом, каждый в отдельности по своей квалификации не могли не видеть вредности этой системы, несмотря на это она проводилась в жизнь в течение ряда лет.

Выполнять директивы организации мне фактически было не трудно, так как принимавшие в составлении проектов и смет участие лица являлись зачастую членами организации» (л. д. 49, 50).

Вредительство путем постоянных изменений структуры Донугля.

Инженер **Матов** отмечает также вредительскую деятельность организации в вопросах руководства и разработки организационной структуры Донугля:

«Руководители организации вполне отдавали себе отчет, что частые изменения организационной структуры

какого-либо предприятия, а в особенности такого крупного, как Донуголь, должны чрезвычайно вредно отражаться на общей работе предприятия,—постановили на одном из заседаний стремиться к возможно частому изменению структуры Технического управления Донугля. Следствием этого явилось установление территориального принципа руководства Рудоуправления из центра (районный директорат) в 1925 году,—его ликвидация и замена функциональной системой управления в 1926 году,—восстановление принципа территориального управления в 1927 году, причем были учреждены должности районных инспекторов с чрезвычайно неопределенными правами и обязанностями. Вполне естественно, что указанные структурные изменения вызвали целый ряд затруднений как в сношении с рудоуправлениями Донугля, так и вообще в деле управления Донбассом и этим самым подрывали правильность производства работ центрального управления» (л. д. 116).

О вредительстве в бухгалтерии.

Тот же **Матов** в своих показаниях говорит о вредительстве в бухгалтерии:

«Зная, что для успешности ведения работ должна быть точная и возможно более краткая и по возможности постоянно сохраняемая отчетность, которая представляется Рудоуправлениями Донугля, совещание руководителей организации решило по возможности усложнить и затруднить эту сторону дела, вследствие этого отчеты представляемые Рудоуправлениями в Донуголь по своей форме, были создаваемы очень сложными, причем самые формы эти весьма часто менялись, что с одной стороны затрудняло их составление на рудоуправлениях, а с другой стороны затрудняло надзор за Рудоуправлениями со стороны Донугля».

Так работала центральная организация, и нет никакого сомнения, что ее вредительство было наиболее опасным и действительным, т. к. было наиболее организованным, ибо все, что вонзикало в организации, по ее инициативе и под ее давлением, проводилось затем в жизнь Управлением Донугля, и она была фактическим руководящим центром всем аппаратом могущественного треста.

Размер производимого вредительства заставил предварительное следствие поставить перед собою специальный вопрос об уточнении источников финансирования вредительской организации и вознаграждения самих вредителей, и наиболее полного выявления тех каналов, по которым деньги проходили от источника к организации. Тем более, что уже имелись данные, указывавшие, что финансирование организации было расплатой не только за проводимое вредительство, но и за услуги политического характера, оказываемые некоторыми членами организации, не только бывшим своим хозяевам, но и иным заинтересованным в этом органам.

Следствием установлено, что до 1923 года, т.-е. до создания организации и ее руководящей группы, вознаграждения члены организации получали от бывших промышленников России непосредственно через круг лиц, прямо или косвенно связанных с польскими оффициальными органами. С момен-

та образования руководящей группы начинают поступать преимущественно из-за границы через эти органы. К отдельным лицам руководящей группы и последними распределяются между членами-руководители, а те в свою очередь между членами организации.

После создания Московского Центра, деньги начинают поступать оттуда.

Организация, как оказывается, субсидировалась Парижским Об'единением бывших углепромышленников Юго-России, Французским Об'единением бывших владельцев предприятий в России, Польским Об'единением бывших владельцев предприятий России, а также германскими фирмами коим давались заказы на импортное оборудование, и, наконец, непосредственно органами капиталистических государств.

Об этом подробно показывает обвиняемый **Братановский:**

«Сначала деньги поступали только от Парижского об'единения бывших горнопромышленников Юго-России, через инженера Дворжанчика, бывшего директора Ирминского рудника, проживающего ныне в Польше. Деньги насколько мне было известно, со слов Сущевского и Детера поступали нерегулярно и в небольших суммах. После установления связи с обществом французских промышленников и через них с французскими оффициальными учреждениями, после установления связи с Польским Военным Министерством, деньги стали поступать также и от этих учреждений и в значительно-больших суммах (по несколько тысяч и даже десятков тысяч рублей единовременно).

Деньги эти пересылались или через французские, или через польские легальные учреждения, а также перевозились отдельными лицами и передавались или непосредственно организации Донугля или впоследствии через Московский центр. Помню, инж. Матов и Юсевич вместе привезли сумму около 30.000 р., было поступление в 12.000 р., в 6.500 р. и 8.000 р. Кроме этого, деньги поступали от немецких фирм, заинтересованных в получении заказов для рудников Донбасса на машины и предметы оборудования и от желающих подчинить своему влиянию рудники Донбасса... Деньги от немецких фирм поступали в виде процентов за сделанные заказы и пересылались через представителей фирм, инженеров и монтеров, ездивших в СССР по делам фирм для установок и монтажа машин, а также передавались через русских инженеров, возвращавшихся из командировок в Германию. Помню была получена довльно крупная сумма от АГГ через Заведующего Русским Отделом инж. Блеймана; привозил какую-то сумму инженер одной из проходческих фирм Кестер, от Эйкгофа, привозил деньги инж. Бегеман, от Сименса и Шуккерта должен был вести деньги инж. Кифер, с чем я узнал, будучи проездом в Берлине. Получались деньги и от др. фирм, названия которых я сейчас не помню.

Распределялись деньги обычно Ю. М. Матовым или Н. П. Бояршиновым, за отсутствием их—Батиаровым или мной. Лично я распределял насколько помню, два

раза, один раз 8.000 р., другой раз 6.500 р. Распределение производилось среди гл. руководителей директоров и заведывающих отделами пропорционально числу членов организации, подчиненных соответствующему заведывающему или директору и соответственно установленных коэффициентов... Список лиц, коим раздавались деньги, примерно, соответствует списку лиц членов организации, работавших в центральном аппарате Донугля» (л. д. 160—161).

По вопросу о получении денег от Польского об'единения инж. **Братановский** показывает:

«На одном из собраний в конце 25 г. представитель Московского центра—**Скорутто** доложил предложение польского об'единения, войти во связь с этим об'единением с целью получения целого ряда информационных сведений и выполнения некоторых директив, носящих экономический характер. **Под директивами политического характера подразумевались директивы на случай войны** и дача сведений на мирный период экономического характера. Скорутто не называл суммы, которую поляки обещают платить за эти сведения, но говорил, что платить за это будут они. Совещание приняло это предложение, насколько помню, без возражений. (см. выше). С тех пор стали поступать деньги и от поляков, но в каком точно размере, не знаю, ориентировочно сумма, полученных Донуглевцами денег от поляков за год составляла 40—50 тысяч рублей» (л. д. 109).

Источники и порядок финансирования

О дальнейших методах распределения и направления денег **Братановским** говорит:

«Деньги я получал от **Сущевского** в конвертах с подписями на машинке на русском языке. Кроме денег никаких писем или директив в пакетах не было. По внешнему виду пакеты были заграничные. Первый денежный пакет был получен осенью 1923 года. Деньги были в новых купюрах червонного исчисления в 100 рублей каждый. При передаче мне пакета с деньгами в первый раз при разговоре о тех сведениях, которые Сущевский хотел бы получить от меня для прежних владельцев, он прочитал мне, по вынутому из кармана печатному листу, требования, очевидно заграничного центра, при этом упоминалась фамилия **Дворжанчика,** с которым я никогда лично знаком не был» (л. д. 35).

«Припоминаю, что всего я получил деньги 4 раза, причем два раза через Сущевского (один раз лично от него, а другой раз через посланного им служащего),— в первый раз 200 рублей, во второй раз, кажется, 250 руб. в третий раз—через Матова,—но после визита Сущевского с которым Матов долго шопотом о чем-то беседовал получил я 300 рублей и в четвертый раз тоже от Матова, но точную сумму не помню, так как это совпало с получением мной премии от Донугля и платой за проектирование в Югостали (должно быть тоже рублей 300).

Перед поездкой за границу я сам твердо решил, в случае проезда через Париж, побывать у Буроса или еще у кого-нибудь из французов и переговорить по де-

нежному вопросу как для себя, так и для других, но сделать мне этого не удалось по указанным ранее причинам» (л. д. 60).

О порядке распределния денег между другими членами организации **Братановский** показывает:

«Лично мне пришлось распределить деньги дважды: первый раз—8000 р., а второй раз—6000 или 6500 руб., причем я распределил их согласно коэффициентам, установленным предыдущей практикой. Я лично давал деньги **Мешкову, Детеру, Березовскому, Воликовскому, Шадлуну, Бахтиарову, Белавинцеву, Чинокалу, Кржижановскому** и еще возможно кому-либо, каждому по несколько сот рублей с расчетом, чтобы они от себя уплатили другим членам организации. Второй раз были распределены деньги мною среди тех же лиц. И вообще деньги распределялись, примерно, таким образом. Денежная отчетность посылавшаяся в Москву, состояла из списка лиц, получавших деньги с указанием суммы. Назвать фамилии штейгеров и низшего персонала, участвовавших в организации я не могу, так как фамилий их я не знаю. Так как мне иногда приходилось составлять вместе с **Матовым** или переписывать составленный им список лиц, получавших денежные суммы, то я знал, кто из членов организации получал деньги: **Владимирский, Калганов, Сущевский, Кузьма, Казаринов, Ржепецкий, Соколов, Бояринов** и еще другие в том числе механики строители и путейцы.

Организация Юго-Восточной части Донбасса находилась в таком же отношении к общей организации Донугля, как и все остальные районы, но с большей самостоятельностью, в силу своей отделенности от Харькова. Общие директивы по работе организации давались **Березовскому** из Харькова. Сведения же **Березовский** привозил в готовом виде из Харькова, где они и включались в общие сведения о Донбассе. **Березовский** на совещаниях организации присутствовал так же, как и другие директора и делал иногда доклады.

Деньги поступали для этого района также из Харькова, возможно, получались и непосредственно из-за границы или из Москвы» (л. д. 110—111).

О финансировании организации и о распределении денег между членами таковой конкретно показывает и обвиняемый **Матов:**

Общая сумма регулярного финансирования.

«Деньги распределялись Сущевским через членов основной группы между всеми вышеперечисленными рядовыми членами на основе месячной оплаты. Деньги поступали не всегда регулярно, но в сумме этот принцип выдерживался. Деньги поступали с 1924 по 27 г. включительно. Допускаю возможность, что некоторые лица оставляли деньги на текущих счетах за границей. Не исключена также возможность получения сумм за границей от бывших владельцев непосредственно. Ориентировочно считаю 50 чел. членов организации по 400 в среднем—оклад жалования, при чем около 250.000 руб. в год, а за три года 700—600 тыс. руб.

Откуда эти суммы получались бывшими владельцами я не знаю, но полагаю, что располагать ими они не могли, а субсидировались или группами капиталистов, или французским правительством» (л. д. 71).

Обвин. Матов лично во время пребывания в служебной командировке в Париже получал для организации деньги от **Соколова**— бывш. промышленника России. По этому поводу инж. **Матов** показывает:

«Недели через две мы с Юсевичем зашли к Соколову в помещении с'езда, при чем там был—поставлен вопрос о заместителе Юсевича и я сказал, что таковой будет прислан при первой возможности, однако, фамилия его еще не может быть названа, так как я не имел в то время определенной кандидатуры. После этого мы получили деньги, причитающиеся организации и ушли. Полученные деньги мы поделили приблизительно пополам для перевоза их в Россию, при чем нам было выдано 300 или 400 тысяч франков» (л. д. 132).

Финансирование иностран. органами.

Организация субсидировалась как указано выше польскими и французскими учреждениями за доставку им интересующих сведений и иностранными фирмами за дачу им заказов импортного оборудования. По этому поводу инженер **Матов** показывает:

Польша и её задания.

«В 1914 г. в период связи организации с Дворжанчиком (после от'езда Ружицкого, после одной из поездок в Москву с сведениями отправленными для Дворжанчика на заседании руководящей группы организации Будный сообщил, что он в Москве получил от . . . . . предложение давать сведения о сотоянии шахт Донбасса и вести вредительскую работу в Донбассе» (л. д. 104).

«Совещание, обсудив данные предложения и уже работая по аналогичным заданиям для бывших владельцев, решило принять и данное предложение и поручило тому же **Будному** войти в более детальные переговоры с . . . . . в одну из ближайших поездок в Москву.

В одно из следующих заседаний, приблизительно в перечисленном выше составе, **Будный** сообщил, что он переговоры закончил и . . . . . Совещанием было принято и одобрено соглашение **Бдного** с . . . . . и было решено давать требуемые сведения и выполнять программу вредительства с указанным дополнением.

В дальнейшем работа проводилась все существующей организацией.

Вредительская работа велась установленным порядком членами организации.

Связь также была установлена уже существовавшим порядком, т.-е. обычно через **Будного** и в отдельных случаях через **Бояринова**, как указано было мною выше.

Получение денег и распределение их производилось также установленным ранее порядком.» (л. д. 104—105).

Деньги так же получались через **Будного,** затем **Сущевского,** который был главным распорядителем денежных сумм и передавал их членам руководителям, а последние или сами их распределяли или передавали районным инженерам Донугля для раздачи по переферии.» (л. д. 237).

«Во второй половине 1925 года или может быть в первой половине 1926 года, ко мне обратился инженер **Шадлун** и сказал, что он получил письмо от одного из бывших владельцев французских предприятий в России, кажется от **Ремо,** в котором последний спрашивал, нельзя ли иметь сведения, могущие интересовать французские оффициальные сферы о сотоянии шахт и рудников Донецкого Бассейна. Я ответил, что этот вопрос нужно поставить на разрешение центральной группы нашей, существовавшей уже тогда, организации. Указанное выше предложение в одно из ближайших заседаний было поставлено, не помню мною или **Шадлуном.** Состав заседания был обычный, т.-е. **Бояршинов Братановский, Я, Бахтиаров, Детер,** не помню был ли **Сущевский** и там же присутствовал **Шадлун.** На этом заседании решено было принять предложение, полученное через **Шадлуна** и решено было давать сведения, аналогичные даваемым уже польским учреждениям, о чем и предложено было снестись **Шадлуну** и установить связь. Через некоторое время на ближайшем заседании руководящей группы организации **Шадлун** сообщил, что он вошел в сношение с . . . . . по поводу дачи интересующих сведений, что сведения даваемые нами . . . . . их удовлетворяют и что он условился о сумме вознаграждения. На том же заседании все это дело сношения с французскими органами было поручено вести **Шадлуну.** Для собирания сведений были использованы все члены организации в целом. **Шадлун** получал нужные сведения от членов организации, приготовлял их для отправки в Москву и отсылал через указанных выше лиц. Таким же способом он получал и денежные суммы из Москвы. В нескольких случаях, насколько помню, два или три раза, получения денег проходили через меня. Размер полученных сумм каждый раз равнялся 20—30 тысяч рублей. Поскольку получал **Шадлун** — я сейчас не помню. деньги получались 6—8 раз. Лично мною по несколько раз деньги, получаемые от французов, выдавались **Детеру, Братановскому, Мешкову, Кржижановскому, Воликовскому** и некотрым другим. В большинстве же случаев распределение и раздача производились **Дадлуном.** (л. д. 121—122).

«Вскоре после моего возвращения в Россию, кажется в январе или феврале 1927 г. я был в Москве с **Бахтиаровым,** как упомянул выше. Мы с ним решили зайти в . . . . . во-первых, чтобы получить причитающиеся организации взносы денег, а затем, чтобы переговорить вообще о делах организации. Я взял у **Юсевича** письмо, полученное им в Париже для Москвы и будучи в Москве,

кажется, через день после приезда мы с **Бахтиаровым,** отправились по адресу в . . . . .

Очередная получка составляла, как мы выяснили еще в Париже 60.000 руб. (в Париже мы говорили о 900.000 франков)» (л. д. 158—159).

При образовании Московского центра деньги для организации начинают поступать через Москву. По показаниям **Матова,** порядок получения был таков:

«Получение денег из Москвы то же выполнялось посредством членов организации. Часто такие пересылки производились через **Именитова,** или **Бояршинова,** при его поездках. Разверстка производилась Братановским, который составлял списки для оплаты. Для Москвы писалась записка с обозначением требуемой суммы за подписью Бояршинова, моей или иногда Братановского» (л. д. 260—261).

Кржижановский показывает о том, что организация получала деньги и от Харьковского польских учреждений, при чем получение денег по поручению **Братановского** было возложено на него. Всего по показаниям **Кржижановского** было получено им:

«5.000 р., из коих 1.500 руб. получил Братановский, 3.000 р. получил Матов, я получил 350 р., так как 150 р. получил Братановский за собственные явки.

Получки по посещениям были разные:

1 раз	. . . . .	1.000 руб.
2 „	. . . . .	800 „
3 „	. . . . .	650 „
4 „	. . . . .	750 „
5 „	. . . . .	1.000 „
6 „	. . . . .	— „
7 „	. . . . .	800 „
		5.000 руб. (л. д. 263).

Эти общего характера указания об источниках и порядке распределения были проверены затем и подтверждены показаниями остальных обвиняемых, получавших деньги. Так, по вопросу о финансировании организации инженер **Соколов:** показывает:

«Связь начала налаживаться сначала с бывшим директором Донецко-Грушевского Общества инженером Дворжанчиком и членом Правления того же Общества инженером **Штельбрингом.** Начало связи относится к 1922 году, когда первые инструкции и средства были получены Андреевым и частью (500 р.) переданы лично для меня. Это считалось, как поддержка из-за границы. Затем, мною было получено в 1923 г. через Будного письмо от Дворжанчика с инструкциями по контр-революционной организации и деньгами, примерно, на 200 р. Затем в 24 г. Матовым были преподаны инструкции того же содержания, что и предыдущие письма и также с деньгами на 1000 рублей. Затем, в 25 г., когда была отправлена первая партия русских инженеров за

границу, начали поступать деньги и дальнейшие инструкции через Казаринова уже от Горно-Промышленного Об'единения бывших русских владельцев в Париже. Из этих средств, я помню, что получил от Матова для себя и для Бояршинова 500 р. Деньги получались из-за границы, как уже говорилось, через ездивших туда инженеров и распределялись Матовым по рудникам...

За сведения Кадиевки мною было получено от Матова при поездках в Харьков в 26 и 27 г.г.—3000 и 2000 рублей, из которых в 26 г. были розданы Бояринову, Некрасову и Рущинскому по 600 руб., а в 27 г. только двум последним по 500 руб. Остальное оставалось у меня.

Суммы, получаемые за год со всех перечисленных учреждений, разведок и бывших владельцев, достигали 200.000 руб. Деньги хранились у Сущевского, но я лично получал, как уже писал, от Матова. Как распределялись суммы по районам—мне неизвестно, так как об этом мне не сообщали, в Южной же антрацитовой группе казначеем была жена Калганова» (л. д. 37, 38).

Инженер **Бояринов,** подтверждая получение денег от **Соколова,** показывает:

«На Кадиевке мне выплачивал (Соколов) деньги два раза—один раз 500 р., а второй раз—заплатил, кажется, 700 р. Привозил эти деньги из Харькова я, вернее, я получал два раза от Матова пакет с деньгами—передать Соколову Валентину Олимповичу» (л. д. 202).

Помимо этого, Бояринов получал деньги за проведение вредительской работы по Байраку, о чем его показания были приведены выше.

Особо показывает инженер **Казаринов** по вопросу о финансировании организации немецкими фирмами при получении ими заказов:

«Источники получения организацией средств исчерпывающе мне неизвестны. Я знаю, что получались они, как от Дворжанчика и Прядкина, так и, после осуществления директивы о взятках, от Башкина. Так как принятие постановления этого совпало по времени с заминкой в закупочной деятельности Донугля, то я вступил в переговоры с фирмами, с которыми уже были заключены сделки, я придерживался, примерно, тех размеров взяток, о коих шла речь на описанном выше совещании, я требовал от фирмы Эйкгоф—13.500 марок, от фирмы Вольф—6.000 марок, от фирмы Вейзе—4.000 милл. и от фирмы Демар—20.000 марок. Из означенных фирм только Эйкгоф согласился уплатить 8000 м. Фирма Вольф соглашалась платить, но только от новых заказов, а за совершенные сделки давать взятки не соглашалась, как и остальные фирмы. После получения заказа на 15.000 ламп, Вольф выплатил около 7000 м. на тек. сч. Башкина».

Далее **Казринов** показывает, что сообщил

«Башкину данные о переговорах, ведшихся инж. Рубановичем с фирмой Отто, ф. Кошерс, Грекель, Бомат и Ошац. Не дождавшись конца переговоров, я уехал из-

за границы. Поехавший вскоре после этого за границу инж. **Матов,** ведший ряд крупных заказов на подъемные машины, закончил начатое мною гнусное дело. По возвращении своем он говорил о том, что ему удалось наладить связь между Башкиным и представительством Донугля и что материально дела организации процветают. Называвшиеся им фирмы и суммы я не помню.

О точных суммах, получаемых организацией и их распределении я не могу дать исчерпывающих показаний, так как вопрос этот всегда тщательно был законспирован **Матовым** и **Братановским,** коего я считал казначеем организации, так как о деньгах я всегда говорил с ним.

Мне известно о привезенных и переданных мне лично 8000 руб. гр. **Кестером** во время отсутствия **Матова.** Деньги были присланы от Башкина. Эти деньги мною совместно с **Братановским, Бахтиаровым** и **Сущевским** были распределены по 500 руб. **Матову, Бахтиарову, Братановскому, Березовскому** и **Казаринову** по 500 руб. Щербиновской ячейке было дано 1000 руб., остаток был тут же распределен и передан мною инж. . . . для . . . и инж. . . . для . . .

Точного распределения я не помню, но помнится оно было произведено пропорционально числу членов ячеек» (л. д. 388).

Инженер **Сущевский** по вопросу о вознаграждении, получаемом ими и др. членами организации, показал:

«Начало поступления денег от Дворжанчика относится к 1923 г., когда первый раз были переданы через Будного-Одрова мне на Щербиновке.

Затем, получены были деньги через **Бахтиарова** и им в свою очередь, кажется, от Матова в начале 1924 г.

После того, деньги получались мною несколько раз. Это было три раза, насколько могу восстановить в памяти. При пакетах бывали письма не всегда, кажется, раз или два. Ответ я давал немедленно с посланцем, о получении и посланные уезжали, повидимому, в тот же день.

Наконец, в 1925—26 г. деньги передавались через Будного, который получал их, вероятно, в Москве.

Указать отдельные суммы—я не могу, равно не припомню, сколько я получал сам, но, кажется, это было не больше, чем получали зав. шахтами. Я полагаю, что Дворжанчик, часть, которую он мне предназначал, не высылал. Однако, не имея данных об этом и даже будучи за границей и, следовательно, имея полную возможность выяснить этот вопрос, им не интересовался даже (л. д. 135)».

«Возвращаясь к вопросу о деньгах, я должен добавить, что во время моего отсутствия заграницей, деньги. полученные от Дворжанчика распределялись Будным и он передал один раз за мое отсутствие моей жене деньги для меня, суммы которых я не припомню (л. д. 136)».

«В письме, переданном мне от Дворжанчика Будным в начале 1925 г., где было и письмо Матову, было указа-

ние на деньги, кажется, 1.000 руб., которые Матов имел получить. Деньги одновременно с письмом были мне переданы Будным для Матова, Бахтиарова и меня. Будучи в Харькове, я Бахтиарова просил вручить по назначению деньги, когда отдавал ему самому предназначенные.

Когда в 1925 г. я уехал за границу, **Детер** передал мне письмо к Дворжанчику, в котором содержалось распоряжение относительно того, что нужно Дворжанчику сделать с деньгами **Детера,** бывшими у Дворжанчика за границей. Письмо я отправил Дворжанчику по приезде в Германию. Там же я получил для **Детера** ответ, который по возвращении вручил **Детеру.**

Детер перед своим от'ездом спрашивал, не нужно ли чего передать Дворжанчику. — Я просил передать, что если Дворжанчик имеет для меня вообще какие-либо деньги, чтобы их сюда не переправлять (л. д. 148(».

«**Владимирский** говорил мне при встрече в Харькове о получении от Дворжанчика через Будного письма. Письмо это было в связи с переходом Владимирского на службу в Москву. В письме Дворжанчик указывал, что он считает необходимым в силу изменившегося служебного положения Владимирского увеличить размер высылаемых ему денег. Тут же писалось о том, что Владимирский должен будет влиять на распределение кредитов по Донбассу и на направление политики Донугля. Я помню, мы с Владимирским смеялись над тем, что, мол, с повышением по службе в Донугле соответственно увеличивается и оплата Дворжанчика (л. д. 170)».

Не отрицает получения денег от **Сущевского** и от **Будного** и **Одров.** Его показания по этому поводу приведены выше.

Обв. **Люри** также не отрицает получения денег от **Сущевского.**

Инженер **Детер** по вопросу о получении им и др. членами организации вознаграждения показывает:

Добавляю к прежнему показанию, что при разговоре о возможной уплате я говорил **Сущевскому,** что те деньги, которые будут мне предназначены — можно передавать моему шурину **Мяновскому»** (л. д. 76).

«По вопросу о деньгах дополняю, что после тех указаний, которые я давал **Сущевскому** относительно способа уплаты денег, я из письма **Дворжанчика,** кроме того, что для меня будут деньги, узнал, что и сумма в 750 долларов мне уже назначена. После этого я написал **Мяновскому,** чтобы он при встрече с **Дворжанчиком** с ним об этом переговорил. Я очень долго не получал ответа от **Мяновского** и при личном свидании он мне сообщил, что эти деньги им получены. Деньги и сейчас там» (л. д. 78).

«Вознаграждение за оказанные услуги я получил от **Матова** разновременно в размере 1.000 (тысячи руб.). Добавляю еще, что те сведения, которые могли интересовать б. владельцев, т.-е. о ходе добычи состояния рудников Брянского и Селезневского, мною помимо того, что я писал в письмах **Мяновскому,** я передавал **Матову»** (л. д. 97)

Инженер **Шадлун** по вопросу о вознаграждении его быв. владельцем условился еще перед от'ездом директора рудника **Ремо** за границу в 1919 г. (л. д. 191).

Поступление денег непосредственно от **Ремо** начинается с 1922 г. при следующих обстоятельствах:

«...в один из его приездов в Харьков, мы, т.-е. я и он **(Мроз),** идя на службу разговорились о том, как его дела и скоро ли он уедет в Польшу, он мне сказал, что уже личные его бумаги готовы, но что происходит какая-то задержка в Польше, но Ружицкий обещал все устроить. При этом разговоре он сказал, что **Ружицкий** мне кланялся и передавал, что для меня имеется кое-что какая-то поддержка от **Ремо.** Я ему сказал, что охотно бы получил вечером этого дня, он мне передал записку от Ружицкого, тут же передал и деньги — сто долларов и десять фунтов стерлингов. Это происходило у него в комнате, кроме него и меня никого не было. С **Ружицким** я познакомился в 1910 году, когда он служил в Конотопе, занимая должность Особоуполномоченного по топливу, с ним я встречался в 1916 и 1917 г.г. на заседаниях и совещаниях, касающихся погрузок и отправок топлива. После этого, я с ним не встречался, когда он уехал в Польшу я не знаю. Из полученных мною через **Мроза** сто долларов и десять фунтов стерлингов, семь долларов я дал **Мрозу** по его просьбе, а он мне взамен дал совзнаки, а остальные девяносто три доллара и десять фунтов стерлингов находились у меня их отобрали при обыске и аресте. Записка от **Ружицкого** была на белой бумаге (без конверта) небольшого размера, приблизительно следуеющего содержания: по поручению **Ремо** передаю вам через **Мроза** сто долларов и десять фунтов стерлингов, затем следовала подпись—с уважением **Ружицкий.** Кроме того, мне **Мроз** сказал, что если я хочу написать **Ремо,** то он передаст письмо в следующую поездку Ружицкому, который перешлет его **Ремо. Мроз** передал мне, что **Ружицкий** просил от имени **Ремо** сообщить ему о полжении рудников **Голубовского** и Берестово-Богодуховского, т.-е. какие шахты работают, какие нет. Я ничего **Ружицкому** не послал, а послал тогда, когда получил первое письмо от **Ремо** через **Мроза** и деньги тысячу рублей» (л. д. 214—216).

Из этой тысячи рублей **Шадлун** отдал 600 руб. **Некрасову,** а 400 руб. оставил себе (л. д. 200).

Письма от **Ремо** он получал еще и в 1925 году, при следующих обстоятельствах: «В 1925 году при одной из встреч с **Сущевским** я получил от последнего письмо от Ремо и двести рублей денег червонцами, в каких купюрах точно не припомню, но были, помню, по три червонца. В этом письме, присланном **Ремо,** указывалось, что он посылает мне деньги, не указывая суммы и просит регулярно давать сведения о положении каменно-угольной промышленности для Бюро С'езда Горнопромышленников» (л. д. 222).

Начиная с 1925 г. **Шадлун** начинает получать деньги не-

посредственно от **Сущевского** или **Матова,** так по его показаниям, он:

«... За период 1925—1926 год получал вознаграждение шесть раз, из коих пять раз по двести руб. и один раз сто пятьдесят рублей. Из шести раз, три раза мне вручал деньги **Сущевский** и три раза получал деньги от **Матова.** Последний раз, когда я получил от него сто пятьдесят рублей, а не двести, он мне ответил, что мало получено денег. Осенью 1926 года получение денег прекратилось при встрече с **Сущевским** я точно не помню было это зимою 1926 года или в начале 1927 г., я его спрашивал, что слышно нового и дадите ли еще денег, он мне сказал, что получение денег затормозилось и что едет за границу **Матов** и **Бахтиаров,** которые должны будут урегулировать этого вопрос. По возвращении одного и другого из-за границы, мне передавал **Сущевский,** что денег пока нет и Матов не получил за границей и когда они будут пока не известно, помимо этого, **Сущевский** мне сказал, что собирается в Москву вместе с **Матовым** и постарается там узнать что-либо. Я видел как-то Сущевского и Матова после возвращения их из Москвы, в разное время отдельно, один и другой мне сказали, что происходят некоторые некоразумения и что пока он ничего не может сказать: в такой форме мне ответил один и другой» (л. д. 229, 230).

Наконец, **Некрасов** получение денег от **Шадлуна** также подтверждает и показывает следующее:

«**Шадлун** приехал в 1922 г. ко мне утром и передал мне 300 рублей золотом, с указанием, что это от **Ремо** за хорошую службу» (л. д. 135).

Какова была история финансирования организации.

ГЛАВА V.

РОЛЬ НЕМЕЦКИХ ИНЖЕНЕРОВ В ВРЕДИТЕЛЬСТВЕ И СВЯЗЬ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ С ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫМИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ КРУГАМИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Роль немецких фирм и немецких инженеров во вредительстве.

В разделе, посвященном описанию источников, из которых вредительная организация черпала свои средства, указывалось что целый ряд иностранных фирм был не только связан с отдельными членами организации, но и с самой организацией в целом; в цитированном показании **Казаринова** уже приводились факты предоставления иностранными фирмами вознаграждения вредителям, причем, как указывает упомянутый обвиняемый, суммы получались непосредственно организацией, а последняя уже распределяла эти деньги между своими членами. Обвиняемые **Матов и Братановский** подтверждают показания **Казаринова** и об'ясняют, что это является некоторым видом куртажа за предоставляемые фирмам заказы.

В то же время целый ряд обвиняемых, в приведенных выше показаниях, с полной определенностью устанавливают, что вредители заказывали не только ненужные, но и негодные предметы оборудования и машины. Одновременно в несколь-

ко своеобразном виде обрисовывается и роль немецких инженеров и техников по сдаче этих машин.

Братановский показывает:

«...Деньги от немецких фирм поступали в виде процентов за сделанные заказы и пересылались через представителей фирм, инженеров и монтеров, ездивших в СССР для установки и монтажа машин...» (л. д. 161).

Выше также приводились подробные показания обвиняемых о том, какие пред собой задачи ставили контр-революционеры в деле срыва механизации каменноугольной промышленности. Эти показания находят себе полное подтверждение в показаниях низовых работников, непосредственно связанных с производством. В особенности, эти показания относятся к врубовым машинам, поставленным германской фирмой «Кнапп», договор с которой на поставку врубовых машин был заключен одним из вредителей.—Заместителем Зав. Отделом Механизации Донугля **Горлецким.** Другой вредитель—Зав. шахтой «Октябрьская Революция» **Самойлов,** на шахте которого эти машины устанавливались, показывает:

«Я хорошо помню, что летом 1926 г. у нас на шахте появился представитель фирмы «Кнапп»— инж. Кестер. Он предлагал нам машины... Вскоре после его отъезда к нам на шахту прибыли две машины по жел. дороге. Машины Кнаппа для наших работ оказались непригодными, т.-к. они были очень громоздки. Я категорически заявил гл. инж. Калганову, что у меня на шахте они применяться не будут. Он обещил их перебросить на шахту им. «Воровского». Однако, это обещание свое он исполнил не скоро, машины пролежали еще мес. 2—3 и потом уже были направлены на шахту «Воровского». Как мне известно, эти машины на шахте «Воровского» были уставлены и работали, но с меньшей продуктивностью, чем напр., машины Суливан завода. Гавришенко и Никитин часто ругали эти машины, считая их худшими, чем машины Сулин завода и неспособными брать твердую зарубку» (л. д. 66).

Инструктор по врубовым машинам, член вредительной организации **Никишин** дает не лучший отзыв о машинах Кнаппа:

«В 1926 году, кажется, весной или летом у нас на Рудоуправлении находился немецкий инженер, — фамилии его не помню,—которого я знал, как представителя фирмы «Кнапп». Мне было поручено Рудоуправлением сопровождать его для обследования шахты «Октябрьская Революция», т. к. он предполагал снабдить нас машинами. После осмотра шахты этот немец заявил мне, в присутствии Самойлова и др., что его машины на шахте «Октябрьская Революция» работать не смогут. Через некоторое время на шахту «Окт. Революция» поступили присланные две машины Кнаппа. Заявляю, что я их не требовал и в смете на 1926 г. они мною не указывались. Долго ли находились эти машины на шахте «Окт. Революция»—я не помню, знаю лишь, что их по распоряжению гл. инж. перебросили на шахту «Воровского». Через некоторое время на шахту прибыли двое монтеров «Кнапа», кажется, с Власовки, где они работали, осмотрели шахту и один из них, по фамилии **Бадштибер,** остался для установки машин. Сначала

мы установили одну машину на втором пласту шахты «Воровского», но ее первая же проба показала полную негодность машины в условиях нашей зарубки. Такое же «испытание» и проба продолжались около месяца, результат был тот же машина не шла и ее вытащили на поверхность и больше никуда не применяли. Вторая машина дала также отрицательные результаты, вследствие чего ее вытащили на поверхность... Качество машин было, низкое, уступающее всяким другим, напр., Сулевану, и общее мое впечатление было, что машины старого типа... В механической части как в конструкции, так и в качестве был ряд дефектов» (л. д. 64).

Третий вредитель—Зав. шахтой «Артем» Власовского Рудоуправления **Горлов** показывает:

«На шахте в 1927 г. от фирмы «Кнапп» были получены четыре врубовых машины. Припоминаю, что с их работой в испытаниях долго не клеилось: хорошо помню, что был составлен акт об их непригодности. Прошло некоторое время и машины все таки были приняты. Машины предназначены для работ на твердую зарубку, оказались непригодными и были приняты для работ на пласте с мягкой зарубкой, где собственно говоря, можно было обойтись и без этих машин. Распоряжение об установке их на мягкий пласт было дано гл. инж. **Кузьмой**. Знал об этом и Зав. Горными работами инж. **Овчарек».** (л. д. 34).

Член вредительской организации Зав. Горными работами Власовского Рудоуправления инж. **Овчарек** показывает:

«В механической части машины были грубы и, вместе с тем, хрупки, т. к. имели слабый корпус, в электрической части был также ряд дефектов, по сравнению с Суливаном Припоминаю, что осенью 1926 г. ко мне в кабинет зашел немец монтер, который предложил мне написать анкету, а может быть и акт о работе машин; эту анкету я заполнил и подписал. Она была подписана и немцем и с ней он направился в кабинет гл. инж. Кузьмы. Отзыв о машинах я дал удовлетворительный». (л. д. 33).

Инструктор врубовых машин, свидетель **Гольцев,** также дает не лучший отзыв об этих машинах:

«В конце марта или начале апреля 1926 г. на первый горудник были из Германии от фирмы «Кнапп» получены четыре врубовых машины. Упаковка машин была очень плохой. Самые врубовые машины были ржавыми и производили вид не новых. Машину поставили на работу по верхней зарубке в Мелиховский уклон. Машина там не пошла. Тот уголь, на какой она предназначалась, она не взяла и пришлось ее перевести на другой уступ— вышестоящий № 245, где была система выемок диагональная. Там машина еще хуже не шла. Из уступа № 245 машина была переброшена на литер № 6 на уступ № 413 и там машина более или менее начала работать. В этом уступе или вернее по всем литере зарубка очень мяткая. Остальные машины в количестве трех были переделаны и брошены на работу исключительно на литер 6, тогда как на других участках с крепким углем машины были крайне нужны и приходилось зару-

брать вручную. **Кузьма** Сулевановские машины почему-то корил, а кнаппоновские, наоборот хвалил» (л. д. 70—71).

Вышеприведенные показания подтверждаются актом специального экспертного исследования врубовых машин фирмы «Кнаппа», эксперты признали, что эти машины оказались совершенно непригодными. Наконец, обвиняемый **Кузьма,** главный инженер Власовского Рудоуправления, говоря о приемке им этих машин, показывает:

«В Донуголь мы подали заявку на врубовые машины для верхней зарубки, что крайне необходимо в условиях залегания Власовского пласта, причем, в первую очередь, мы предполагали применить верхнюю зарубку на Мелиховском участке. Прибывшие машины Кнаппа не удовлетворили этому условию на Мелиховке, точно также они не дали никакого преимущества перед машинами Суливана на лит. «А». (л. д. 121).

Об'ясняя применение и прием этих машин, **Кузьма,** принужден признать это ошибкой.

Однако, в свете дальнейших фактов, выявленных предварительным по делу следствием, приемки и применение этих машин об'ясняется, отнюдь, не ошибочным суждением об их качестве и пригодности, но причинами несколько иного порядка; эти «причины» в значительной степени выяснены были уже результатами очной ставки, данной на следствии обвиняемому **Никишину** и монтеру фирмы Кнаппа, обвиняемому **Бадштиберу.**

Никишин на очной ставке показал:

«Я, вообще, не хотел допускать машины в рудник, так как считал работу машины, при наших технических условиях и существующих у нас правилах, не соответствующей предписаниям и опасной. Бадштибер, однако, отвечал мне, что я плохой специалист; он отозвал в сторону и попросил присутствовавшего при этом заведующего Гаврюшенко распорядиться о том, чтобы машина была, несмотря на мои протесты, спущена в шахту... Я знал, что поставленные Кнаппом машины, вообще никуда не годны». (л. д. 102—103).

Бадштибер, в своем показании на очной ставке, установил:

«Никишин знал о том, что машины непригодны для этой шахты, но, несмотря на это, способствовал тому, чтобы машины были приняты и ничего не сделал против этого, хотя это и являлось его долгом. (л. д. 101).

Гаврюшенко защищал наши машины, несмотря на то, что он иногда в частной беседе указывал на то, что машины наши либо имеют много недостатков, либо не соответствуют условиям работы в его шахте». (л. д. 99).

Оба, таким образом, прекрасно были осведомлены о негодности машин и оба, тем не менее, настаивали на их приемке. Впрочем, роль **Бадштибера** была здесь более прилична, чем роль **Никишина.** В первый раз **Бадштибер** отказался, как «честный немец» подписать акт о пригодности машины; за это он получил соответствующее внушение по немецкой линии, как он и сам об этом показывает, от своего непосредственного начальства—инженера **Зеебольда,** после чего окончательно замолчал. О том, как в дальнейшем, в конце концов, были приняты

эти машины, еще более яркий свет проливают дальнейшие показания **Бадштибера,** устанавливающие и новые обстоятельства.

Бадштибер показывает:

«Кестер достиг путем подкупа назначения новой комиссии, которая безоговорочно признала негодные машины хорошими и приняла их. Пролетариату был этим нанесен убыток в 40 тысяч рублей. За приемку машин председатель комиссии инж. Кузьма получил две с половиной тысячи рублей от Кестера... **Точно также обстоит** дело с приемкой машин на руднике им. Воровского, где зав. Гавришенко и инспектор Никишин высказались за приемку врубовых машин, в то время как эти машины были негодны. Я был вынужден, по приказанию **Зеебольда,** постоянно выявлять хорошие стороны машин фирмы «Кнапше» и расхваливать их. Для усиления этого аргумента Зав. шахтой Гавришенко получил перед приемкой лично от инженера Зеебольда в два приема 700—100 руб., а от меня 300 р., которые я передал ему по приказанию Зеебольда. Кроме того, я был вынужден, по приказанию Зеебольда, наладить дружеские отношения с инспектором Никишиным, устраивать ему выпивки и передать ему 400 р., чтобы он при приемке высказался в благоприятном смысле относительно машин фирмы «Кнапша» и облегчил, таким образом, приемку. Следствием этого снова явился убыток для государства, по крайней мере, на 10 тысяч рублей» (л. д. 107, 108).

Таковы были обстоятельства, окончательно решившие вопрос о машинах. Этим, однако, еще не разрешается вопрос о причинах,—почему, исходя, из каких соображений немецкая фирма «Кнапше», немецкие инженеры и русские поставщики стремились внедрить в каменно-угольную промышленность СССР неподходящие и заведомо негодные машины. Если бы дело обстояло только так, как пока его изложил в показаниях **Бадштибер,** вопрос мог бы итти лишь о привлечении как русских приемщиков, так и немецких поставщиков за взятку и мошенничество. Дело, однако, обстояло гораздо серьезнее.

По показаниям **Бадштибера,** цель сдачи, с одной стороны, и приемки—с другой, негодных машин была двоякая:

«Эта систематическая вредительная работа проводилась Кестером и Зебольдом и мной невольно, с целью:

1) сдать негодные машины и после быстрого их разрушения получить новые заказы;

2) осуществить этим путем их цель, т.-е. падение хозяйства единственного пролетарского государства...» (л. д. 108).

Последнее показание, ставящее деятельность немецких поставщиков и русских приемщиков в цепь однородных, связанных определенным внутренним единством, действий, не могло не привлечь специального внимания следствия и не поставить перед последним вопроса об искании еще иных доказательств обоснованности этого утверждения **Бадштибера.**

В этом отношении важно отметить прежде всего следующее показание обв. **Башкина,** который, подтвердил, что

«со слов Кестера инж. Кузьма было дано 2.000 руб. и это решило участь машин» —

вместе с тем сделал ряд сообщений, которые не могут не быть поставлены в связь с приведенным выше заявлением **Бадштибера.**

Раньше, однако, должны указать одно соответствующее показание **Бадштибера:**

«Когда я во время моей работы на шахте Гаврюшенки жил у последнего, Зеебольд часто приходил туда. На квартире Гаврюшенки часто бывали вечеринки... Зеебольд произносил во время этих собраний речи **антисоветского характера...** Я хорошо помню, что он в одном случае сказал, что иностранцы не дураки и не станут поддерживать хозяйственное строительство большевиков путем поставки хороших машин, и что они, напротив, будут тормозить это строительство поставкой старых негодных машин» (л. д. 114).

Такая постановка вопроса Зеебольдом ясно указывает на согласованность в их действиях, и тот факт что речь Зеебольда имела место на вечеринке у заведомых вредителей, членов организации, не вызывая протеста с их стороны, показывает, что здесь была не случайная встреча лиц, у которых развязались языки «по пьяной лавочке», а согласованные действия заговорщиков, обсуждавших вместе, результаты своей работы.

Сопоставление же этих показаний с рядом сообщений других обвиняемых, данных по другому поводу и для выяснения иных обстоятельств, придает утверждению **Бадштибера** совершенно определенное доказательное значение.

По показаниям инженера **Братановского** организация Донугля имела связь вначале непосредственно, а затем, главным образом, через Московский центр со следующими заграничными об'единениями, обществами и учреждениями:

«1) Об'единением бывш. горнопромышленников Юго-России — осколок бывш. с'езда горнопромышленников Юго-России,—состоящим из следующих лиц: Б. Н. Соколова, Штединга, Фенина, Прядкина, Сергеева и др.

2) Французским Об'единением бывш. владельцев и акционеров промышленных предприятий. В этом об'единении видную роль играет Буроз—бывш. акционер и директор Екатерининского Горного О-ва, Форрет, Тестевен и Юрен.

3) Польским об'единением бывш. директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе, членами которого состоят: Дворжанчик, Мьяновский, Цешевский.

4) Обществом кредиторов бывш. старой России, с которыми названные выше три об'единения состояли в тесной связи.

5) Рядом немецких фирм, заинтересованных в получении заказов на машины и предметы оборудования для рудников и заводов в СССР. Фирмы эти «А. Е. Г.», Ейгоф, Сименс и Шукерт и др.»... (л. д. 159—160).

Связь с германскими фирмами и совещание в Берлине.

Обвиняемый **Башкин,** говоря о своих связях с лицами, находящимися заграницей, в первую очередь упоминает о своем брате инженере **Башкине** Исае Борисовиче, эмигранте, бежавшем заграницу в 1922 г. Этот **Башкин** устроился на службу в Берлине в «Русском Отделе АЕГ». Директором этого Отдела считался **Блейман,** уже упоминавшийся не раз выше в показаниях ряда обвиняемых—членов вредительной организации. О том, что из себя представлял этот «Русский Отдел АЕГ» и как этот русский отдел был связан с вредительной организацией, показывает инженер **Казаринов:**

«Я участвовал на одном из совещаний в Русском Отделе АЕГ, на котором присутсвовали Башкин, **Блейман, Пель и Дворжанчик.** Совещание это происходило в начале марта 1926 года и обсуждались на нем следующие вопросы: 1) сообщение Казаринова о полученных им директивах из Харькова, 2) сообщение Дворжанчика об ожидающемся об'единении всех бывших русских торгово-промышленных кругов за границей, 3) установление, по предложению Башкина, связи с Юсевичем, и 4) предложение Башкина о методах усиления средств организации...»

По сделанному **Казариновым** сообщению о полученных им из Харькова директивах, совещание приняло это предложение к сведению, отметив, что специальных мер по поводу полученных директив предпринимать не придется, если не поступит каких-либо коренных изменений в организации и ходе закупок.

Дворжанчик сообщил совещанию, что в ближайшем будущем намечается об'единение всех бывших торгово-промышленных кругов и предприятий дореволюционной России. Точных данных об этой организации еще не было, предполагалось лишь разбить это об'единение на секции, с созданием, между прочим, специальной угольной секции. Цель этого об'единения сводилась к отстаиванию интересов бывших промышленников и укреплению их позиции, требованию компенсации за понесенные от Соввласти убытки. Организация эта должна была быть международной и быть связана с Обществом кредиторов б. России. Дворжанчик предлагал организации инженеров связаться с этим об'единением, сговорившись с ним о финансировании и прочих вопросах. **Казаринов** возражал против такой связи, впредь до выявления точки зрения организации на этот вопрос, мотивируя тем, что для принятия столь ответственного решения нужны специальные директивы. Точка зрения **Казаринова** была поддержана **Блейманом** и **Башкиным** и решено по этому вопросу запросить Харьков. **Дворжанчик** высказывал мысль, что если такое об'единение помимо воли организации состоится заграницей, то финансирование организации может прекратиться (л. д. 384 и 385).

Вопрос об установлении связи с **Юсевичем** (Юсевич, член организации, находился в командировке во Франции, где поддерживал связь с б. Советом С'езда горнопромышл. Юго-России) и через него с Парижской группой с тем, чтобы преломлять работу через Берлинский аппарат, был выдвинут на совещании **Башкиным. Дворжанчик** находил это лишним,

поскольку намечалось об'единение Русской промышленности. **Казаринов** также высказался против, что, поскольку организация находит пребывание **Юсевича** правильным, то не следует поднимать этого вопроса, тем более, что никто не знает полученных **Юсевичем** директив. С **Казариновым** согласились и предложение **Башкина** было отклонено (л. д. 414—386).

Наконец, по поводу предложения **Башкина** о методах усиления средств организации, **Башкин** указал, что в виду предстоящих крупных закупок Донуглем оборудования и вероятности их в дальнейшем таких же закупок, целесообразно было бы облагать все фирмы, продающие Донуглю машины и прочее, незначительным процентом от продажной стоимости в пользу организации. Зная Германскую промышленность, он уверен, что она на это охотно пойдет и брался лично вести переговоры с фирмами, если ему будет сообщено с кем Донуголь ведет переговоры и собирается заключить сделки. **Башкин**, указал, что Харьков одобряет этот шаг и сообщил об этом соответствующим письмом. Предложение **Башкина** встретило поддержку Блеймана, из'явившего согласие от имени АЕГ облагать свои будущие продажи 1—½% в пользу организации. **Казаринов** информировал **Башкина** о фирмах, с которыми ведутся переговоры и у которых приобрели оборудование, для пред'явления им требований об обложении себя в пользу организации. Приняв предложение **Башкина** ему было дано поручение хранить и пересылать получаемые деньги организации, в чем ему обещал свою помощь Блейман (л. д. 386).

Что следует из этого показания? Это показанием устанавливается.

1) что русский отдел фактически служил явкой, организационным центром связи между вредительной организацией инженеров и об'единением капиталистическх хозяев за-границей;

2) что на этих совещаниях обсуждались вопросы дальнейшей тактики стратегии этих капиталистических организаций—об'единение их и координация действий, причем, однако, при решении этого вопроса, деятели вредительных организаций СССР возражали против этого лишь по формальным основаниям (впредь до выяснения точки зрения организации на этот вопрос — **Казаринов**), тогда как возражения других, в том числе **Блеймана,** были иного характера и сводились к мотивам боязни конкурентной борьбы со стороны парижских союзников;

3) что немецкие предприниматели пошли на добровольное обложение в пользу к.-р. организации.

Не может быть, однако, никакого сомнения, что каковы бы ни были мотивы согласия **Блеймана,** как представителя немецкой фирмы «А. Е. Г.» на этот платеж, самый факт его участия в этом совещании доказывает:

а) полную осведомленность его, **Блеймана,** о существовании контр-революционной организации;

б) неменьшую осведомленность его о практических целях и методах работы этой организации.

Этот факт придает показаниям **Бадштибера,** действовавшего на территории СССР от имени хотя и другой фирмы

(«Кнапп»), но имевшего дело с членами той же самой вредительской организации,—что представители его фирмы в России, если не вся фирма в целом, во всяком случае, знали об иных целях, которые преследовались поставкой негодных машин, кроме целей чисто коммерческих,— определенное обоснование.

Еще более данных для такого заключения дают показания **Матова,** который в бытность его осенью 1926 г. в Берлине, при встречах с **Рубановичем,** что он сговорится с **Башкиным** по телефону и тогда они пройдут вместе к одному из директоров АЕГ. Дня через 2 **Рубанович** сказал **Матову,** что свидание должно состояться в тот же день с заведующим русским отделом **Блейманом** совместно с **Башкиным.** В условленный час они встретились с **Башкиным,** который и привел их к указанному **Блейману.** Разговор шел о передаче заказа на несколько под'емных машин и прочее оборудование. После довольно длинных переговоров, когда **Рубанович** сказал, что он ведет уже переговоры с конкурирующими фирмами, **Блейман,** наконец, согласился на 3% (л. д. 254).

Совершенно ясно, что, соглашаясь на этот куртаж, **Блейман** не мог не знать, с кем он имеет дело.

О том же говорит, наконец, обвиняемый **Братановский,** показывающий, между прочим, что в представительстве Донугля при Берлинском Торгпредстве служил член организации **Детер,** которому были поручены все сношения с немецкими фирмами. **Детер** де говорил **Братановскому,** что фирма А. Е. Г. готово пойти на очень большие затраты, с целью поддержания организации и широкого развития ее деятельности (л. д. 108).

Как бы то ни было, факт непосредственных сношений руководителей организации с директором русского отдела фирмы представляется безусловно установленным. По показаниям же **Братановского,** фирма «А. Е. Г.» интересовалась сверх того отдельными сведениями по оборудованию рудников с середины 1926 года, когда систематически эти сведения стали им даваться».

Показания обвиняемых **Казаринова** о связи «русского отдела А. Е. Г.» с вредительной организацией и о роли служащего этого отдела **Башкина** Исая Борисовича в деле осуществления этой связи находят себе подтверждение и в показаниях вредителя на Власовском Рудоуправлении главного механика **Башкина,** Абрама Борисовича (брат **Башкина** из А. Е. Г.):

> «Впервые мне стало известно, что мой брат связан с центром вредительской организации, находящейся в Берлине, от приезжавшего представителя фирмы Зейферта, инж. Гесслера, на Власовский рудник летом 26 г. Этот инженер, познакомившись со мной ближе, передал мне приветственное письмо от брата, которое, по его словам, он, Гесслер, с большими трудностями и с риском провез через границу СССР. В этом письме мой брат, между прочим, намеками сообщал, чтобы я не удивлялся

некоторым сообщениям, лично передаваемым мне приезжающими иностранными представителями и оказывал бы им доверие...» (л. д. 44, том Майера).

Дальнейшие события, имевшие место уже с другим немецкими инженерами, показали, что сообщение Исая **Башкина** Абраму **Башкину** не остались без результатов.

21 или 22 августа фирмой А. Е. Г. был командирован в СССР на Рутченковское и Горловское Рудоуправления инженер А. Е. Г **Отто** для организации работ по электрическим установкам для коксовых печей и химического завода (л. д. 8).

8 марта 1927 г. в Рутченко прибыл монтер той же фирмы АЕГ **Мейер** для монтажа турбин (л. д. 19). Как показывают даты прибытия в СССР обоих служащих «АЕГ» **Отто** и **Мейера**—их командирование имело место после состоявшегося в Берлине упомянутого выше совещания в русском отделе АЕГ в присутствии **Блеймана, Башкина, Дворжанчика** и **Казаринова.**

О действительной цели командирования **Отто** и **Мейера** в СССР показывает обвиняемый **Башкин:**

«В сентябре 1927 г. у нас на Власовке появился инж. **Вегнер,** выполнявший обязанности по устройству подстанции. С этим Вегнером я вскоре близко познакомился. Он был осведомлен о моем брате и о германском центре и о нашей местной организации и, между прочим, указывал мне, что он сам, затем инж. Отто и монтер Мейер имеют задание по вредительской работе и ее увязке с нашей местной вредительской организацией...» (л. д. 12, т. Отто).

Тот же **Башкин** рассказывает, что [illegible]

«...кроме **Вегнера** об участии **Отто** мне рассказывал и монтер **Мейер...»,**

Говоря о **Мейере Башкин** показывает:

«Последний появился у нас на Власовке в конце октября для работы по электрической установке. С ним я также близко познакомился и имел беседу, из которой видел, что он также обо всем осведомлен хорошо. Мне известно, **с его собственных слов,** что он (Мейер) имел поручение подыскать кого-либо для нанесения вредительства турбине электрической станции путем пуска сырого пара в турбину во время ее стоянки...» (л. д. 12).

«В одном из разговоров Мейер заявил, что знает моего брата и должен переговорить со мной по известному мне делу...» (л. д. 41).

Уточняя это показание **Башкин** сообщает:

«Когда монтером Мейером была подготовлена к пуску новая турбина в 5.000 киловатт на Власовской электростанции, то давая мне подробное об'яснение о назначении всех деталей турбины и указывая способы управления ею как при пуске, так и при остановке, обходя со мной все места турбины, указал мне, что если при остановке турбины допускать проникновение пара в холодную турбину, то этим конденсирующимся паром будут быстрее изнашиваться лопатки турбины, т. к. они будут сильно окисляться и таким путем долговечность

турбины будет сокращаться, т.-е. вместо нормального срока службы лопатки 8—10 лет, они износятся в 3—5 лет. Давая такое пояснение, монтер Мейер рекомендовал держать открытым при остановленной турбине пароотводный вентиль, устанавливая его так, чтобы небольшое количество пара все же могло проникнуть внутрь холодной турбины... Разговор этот являлся следствием откровенных разговоров с монтером Мейером, как и с монтером Вегнером о вредительских работах вообще и, в частности, по электростанции. Вышеуказанное сообщение являлось прямым заданием нанесения вредительства, т. к. это совпадало с вредительской работой организации вообще.

На проведение этой работы я получил от Мейера 500 р., т. к. нужно было подготовить из обслуживающего персонала исполнителя» (л. д. 47 и 48).

Сверх того, **Башкин** показывает об особом интересе, который проявлял **Мейер** к «Артемстрою» («Артемстрой»—строительство электростанции), чертежи которого всячески стремились достать:

«Мейер также интересовался «Артемстроем» и говорил, что фирма желает иметь от него заказы, отмечая, что об этом заботится и инж. **Отто.** Мейер находился у нас на Власовке около двух недель. Интерес Мейера и Вегнера к «Артемстрою» был настолько велик, что когда я их познакомил с инж. «Артемстроя» Леонтьевым, они долго его расспрашивали об этом строительстве. Наконец, в один из дней Леонтьев, Мейер и Вегнер отправились на «Артемстрой» и его осматривали. Из разговоров с Мейером я установил, что и инж. Отто интересуется Артемстроем» (л. д. 35).

Тогда,—показывает **Башкин**—

«у меня возникла мысль передать ему чертежи Артемстроя, конечно, за деньги. Я сказал Мейеру, что у меня есть чертежи, на что он мне советовал передать их Отто, **за что последний заплатит деньги.** Основываясь на этом разговоре, я решил при поездке в Харьков увидаться с Отто, передать ему чертежи и запросить с него денег в сумме около 1.000 руб. Осуществить этого мне не удалось, так как я был арестован» (л. д. 35).

Все эти показания **Башкина** следствие подвергло серьезнейшей проверке и установило следующее:

Допрошенный по этому поводу на очной ставке **Башкиным Мейер** признал, что:

1) «Он действительно вел с Башкиным подробные беседы относительно Артемстроя и установок, которые его интересовали»;

2) «Башкин, действительно, давал ему относительно Артемстроя точные об'яснения»;

3) Он **Мейер** действительно сказал, что инж. Отто весьма заинтересован в Артемстрое и что он получил от фирмы необходимые указания, чтобы принять нужные расследования и по возможности обеспечить фирме заказы и поставки» (л. д. 93).

Мейер отрицает, однако, что он вел переговоры о продаже чертежей «Артемстроя» **Башкиным Отто.**

По вопросу о вредительстве. **Мейер** признал на очной ставке с **Башкиным,** что:

1) «что он часто бывал с **Башкиным** в подвале Электростанции» и

2) «при этом неоднократно говорил также о способах возможности нанести вред турбине» (л. д. 96).

Делал это он, однако, по его показаниям, по долгу службы, как обязанный показать не только, как следует пользоваться турбиной, но и каким образом, машина может быть разрушена.

Точно **Мейер** по этому поводу показывает:

«Я в качестве монтера информировал за 14-тидневный срок испытания, как обслуживающий персонал, так и руководящих лиц на предприятии, относительно каждого недостатка и каждой мелочи. При каком-либо дефекте в обращении с турбиной—не должно было существовать возможности для отговорки: «монтер нам не сказал». Относительно этого имеется определенный устав на предприятии, который г-н Башкин даже взял с собой в контору» (л. д. 95, 96).

И дальше:

«Я утверждаю, что в уставе сказано, что я должен обращать внимание обслуживающего персонала как на то, каким образом содержать машину в порядке, так и на то, каким образом машина может быть разрушена (л. д. 96).

И, наконец:

«Я часто бывал с ним (Башкиным) в подвале Электростанции и при этом неоднократно говорил также относительно возможностей нанести вред турбине. Я часто бывал с г-ном Башкиным у нового охладителя из смеси воды с воздухом и подробно показывал ему обращение с аппаратом и регулирование тока воды. Фильтр имеет в турбине очень большое значение, так как когда с ним неправильно обращаются, генератор начинает потеть и портиться» (л. д. 96),

На прямой вопрос следователя: «Отрицаете ли Вы, что давали инженеру Башкину указания и инструкции относительно того, каким образом турбина может быть разрушена, с поручением, чтобы он, рекомендованным Вами способом, испортил турбину», — **Мейер** ответил:

«Я признаю, что вел с инженером Башкиным вышеприведенные переговоры, но отрицаю, что давал ему поручения испортить турбину указанным мною способом» (л. д. 97).

В ответ на это **Башкин** сказал:

«Я категорически утверждаю, что монтер Мейер дал мне конкретное поручение разрушить и испортить турбину».

Равным образом, **Мейер** отвергает утверждение **Башкина,** что он, **Мейер,** передал ему 500 руб. на вредительные работы.

Что касается обвиняемого **Отто,** то факты установлены в отношении его сводятся к следующему:

Обвиняемый **Отто** проживал в свое время— с 1896 по 1906 год в России, затем вторично приехал в Россию уже перед войной и в момент об'явления войны был арестован царскими властями, когда, якобы, были арестованы все немцы, проживавшие в Москве. Приехал вновь в Россию он, по его словам, в начале 1914 г. перед империалистической войной с ведома германских военных властей и, располагая специальной отсрочкой от военной службы на 3 года. Это последнее показание **Отто** наводит на мысль о специальном характере мотивов, по которым ему была дана отсрочка, так и о том, почему он был отпущен военным командованием, именно в начале 1914 г., когда о войне пока еще никто не думал, кроме тех, кто этим специально ведал. По недостаточно проверенным, имеющимся в следственном материале, показаниям двух русских инженеров—**Стародубцева и Греймера,** им было известно о том, что **Отто** был в свое время германским шпионом в царской России, приговорен к расстрелу и сослан в Сибирь; последнее им известно было, однако, лишь по слухам и категорически отрицается **Отто.**

Сам **Отто** показывает лишь, что после трехнедельного ареста в Москве он был выпущен под негласный надзор полиции и жил в Москве до марта 1915 г., после чего ему было предложено полицией выехать в Уфу, где он и пробыл до августа 1917 г., когда был вторично арестован уже после революции по обвинению в том, что он ведет работу среди крестьян с целью вызвать бунт и крестьянские волнения. Основанием для его ареста, по его собственным словам, была агитация среди крестьян о том, что, мол, так помещикам и нужно, и действия крестьян правильные, причем делал он это вовсе не из революционных целей, а потому, как он и говорил, что это Германии на-руку, так как он в революционном движении видел фактор, ослабляющий Россию и облегчающий, следовательно, победу Германии.

Перед самым приездом в СССР, в 1927 году, **Отто,** по его собственным словам, состоял одновременно членом «Стального Шлема» в Германии и членом «Об-ва друзей Новой России» там же.

Отто отрицает свое содействие вредительской работе организации и свое сознательное содействие организации по передаче ей директив из-за границы. Он показывает:

«Отрицаю свою осведомленность о существовании такой организации и о работе ее» (л. д. 88).

Этих данных, однако, все же было бы недостаточно для привлечения **Отто** в качестве обвиняемого, если бы не следующее обстоятельство. Не только **Башкин** устанавливает роль обвиняемого **Отто** по связи вредительской организации с заграницей и по передаче через него организации корреспонденции, подтверждение этой роли **Отто** дает и обвин. **Казаринов,** показывающий:

«Сообщаю пути и лица перевозивших корреспонденцию (для организации из-за границы), проходивших через меня и писавшуюся мною (за границу).... А. Е. Г.—монтер—**Отто.** Лето 1927 г. **Башкин** (А. Е. Г.) **Матову**—содержание мне неизвестно...» (л. д. 344).

Дата этого показания **Казаринова,** допрошенного не специально по поводу **Отто,** целиком совпадает с моментом действительного приезда **Отто** в СССР, что не может быть не признано имеющим значения.

Еще категоричнее показывает **Казаринов** в другом месте:

«Монтеры А. Е. Г., приезжая в Харьков, являлись ко мне в И. Н. О. и заявляли: «Почта для Матова». После чего я направлял их к Матову, которому они лично передавали письма. В одном случае (Отто) я получил от него и передал письма Матову...» (л. д. 412).

Отто отрицает, однако, это обстоятельство. Но тот факт, что и здесь **Казаринов** показывает об этом, будучи допрошенным вовсе не специально по поводу **Отто,** а при изложении им общей системы связи вредительной организации с заграницей, — не может не быть признан имеющим решающее значение.

Наконец, еще одно обстоятельство, которое должно быть здесь приведено — это тот факт, что в записной книжке **Отто** оказались три фамилии — **Казаринов, Рубанович** и **Черченко,** причем, по показаниям **Отто,** эти фамилии он получил от **Блеймана** до 1 января 1928 года (момент, к которому относится начало ведения им записной книжки), и именно к этим лицам он должен был явиться непосредственно по приезде в СССР. Полное совпадение этих показаний **Отто** с показаниями **Казаринова** не возбуждают сомнения в вопросе о том, кто из них утверждает в данном случае истину.

Связь с заграничными торгово-промышленными и политическими кругами.

Приведенные выше факты показывают, что организация вредителей располагала в достаточной мере разветвленными и серьезными связями с заграницей с различными торгово-промышленными кругами не только торгово-промышленного, но и иного чисто политического характера. Это последнее в особенности имело место по отношению к некоторым официальным органом польского правительства, французского правительства. Следствие остановилось поэтому с особым вниманием на выяснении этих связей, куда они ведут и выяснило следующее:

Если в первое время связь вредительных организаций с заграницей была связью отдельных организаций с отдельными лицами, находящимися за границей, то с 1923 г. эта связь должна была быть характеризована, как связь организаций с организациями.

Шадлун показывает, что письмо, полученное им от **Дворжанчика** в 1923 году было следующего содержания:

«М-е Шадлун, бывш. горнопромышленниками юга России организовано бюро совета с'езда горнопромышленников Парижа. Руководителями бюро являются: Соколов Борис Николаевич, Ремо, Буров и, кажется, была фамилия Тостьевена (бывш. директор Об-ва Унион в Макеевке). Кроме того, указывалось, что в бюро принимают участие не только бывшие французские предприятия, но и, вообще, владельцы бывш. предприятий, причем были указаны фамилии Лаврентьев, бывш. директор Рудченковских рудников, Штетинг, — бывш. директор многих рудников, Ландсберг — бывш. директор рудников и др...» (л. д. 220).

Однако, это письмо не ограничилось только указанием состава заграничного центра организации, это письмо содержало в себе и указания на те сведения, которые понадобятся этому центру в первый период и те действия, которые должны быть совершены членами организации Донбасса.

«Далее указывалось, — показывает **Шадлун,** — что для бюро нужны будут различного рода сведения о ходе и работе рудников Донецкого бассейна и поэтому он, Ремо, просит давать сведения по Голубовке и Берестовке. В этом же письме он указывал, что такие сведения будут поступать от всех предприятий Донецкого бассейна, о том, как пересылать сведения, им будет сообщено дополнительно...» (л. д. 221).

Следующим звеном организованного Парижского центра с Донуглевской организацией явился **Матов.**

Об этом также показывает обвин. **Шадлун:**

«... за справками и для передачи писем нужно обращаться к Матову, который поддерживает с Ремо и Бюро с'езда регулярную связь» (л. д. 221).

Во исполнение директивы **Ремо Шадлун** на следующий же день обратился к **Матову,** которому и сообщил содержание письма, на что **Матов** сказал, что он знает об этом и что нужно будет по этому поводу подробно побеседовать.

«Через несколько дней, точно не припомню, Матов пригласил меня в кабинет Бояршинова, где уже сидели: Бояршинов, Бахтиаров, Братановский, Мешков, Воликовский и, кажется, Березовский и Детер, точно не припомню. На этом заседании первым начал говорить Матов о том, что скрывать нечего того, что многие из инженеров имеют сношения со своими бывшими хозяевами и что во избежание недоразумений и могущих быть больших неприятностей, мы, инициативная группа, решили по этому поводу обменяться мнениями... На этом заседании Матов сообщил, что им установлено и налажено регулярное сношение с Бюро с'ездов Парижа, где принимают участие чуть ли не все бывшие владельцы рудников Донецкого бассейна...» (л. д. 222).

В другом своем показании **Шадлун,** уточняя свое показание о совещании, созванном **Матовым,** показывает:

«Здесь же было сказано, что каждый групповой директор по своему району готовит сведения и передает их Матову. Сведения должны быть следующего характера: добыча, запасы, отправка, количество подготовок в шахте и общее состояние шахты... Припоминаю также по инициативе Матова и Бахтиарова было устроено совещание в узкой комнате библиотеки... После мне Сущевский и Матов рассказали, что на этом совещании, на котором я не был, разговор шел о том, чтобы давали однородные сведения, иначе трудно сводить общие сводки. Рассматривался также вопрос о том, что нужно будет как-нибудь вместе с обычными сведениями дать сведения о состоянии оборудования, замене старого новым и что переоборудуется, вообще, в Рудоуправлении... Это последнее совещание, если не ошибаюсь, было осенью 1926 г...»

Так рисует обвиняемый **Шадлун** начало и развитие своей связи и связи Донуглевской организации с заграничным центром углепромышленников Парижа. Однако, другой обвиняемый, точно так же являвшийся одним из руководителей Донуглевской контр-революционной организации, инженер **Матов,** подтверждая в основном основные факты начала и развития связей Донуглевской организации с Парижским центром углепромышленников, в то же время несколько иначе обрисовывает роль Шадлуна в этой связи, свою роль и иначе рассказывает о порядке сношения с Парижским центром.

Точно так же, как и **Шадлун, Матов** указывает:

«Группа лиц, бывших членов совета с'ездов горнопромышленников, организовавшаяся в Париже, является основным центром. В эту группу, насколько мне известно, входят: Соколов Борис Николаевич, Прядкин, Лазарев, Штетинг, Буроз и другие, коих я вспомню позже...»

Говоря о целях и задачах организации, **Матов** и здесь не расходится с теми показаниями по этому вопросу, которые были даны **Шадлуном.** Он показывает:

«Организация действовала по указаниям и инструкциям из-за границы, каковые сводились к следующему: информация бывших владельцев о происходивших в Донбассе добычах, состоянии работ и перспективных планах развития рудников и шахт. Проведение вредительской работы при производстве добыч, замедление темпа нового строительства. Вредительство при импорте механизации, вредительство при рационализации...»

Говоря о связи с заграничным центром, **Матов** свидетельствует, что:

«... связь заграничного центра с организацией в Донугле проводилась через Дворжанчика, роль коего была ролью идейного руководителя, и через лиц, бывших за границей непосредственно».

Данные, которые здесь приведены, не рисуют пока ничего нового, кроме того, что было уже известно ранее. Речь идет пока что только об организованной связи контр-революционной организации в СССР, контр-революционной организации русских белогвардейцев за кордоном. По мере, однако, роста и развития организации к 1926 г. она достигла такого размаха и такой организационной сплоченности, что этой деятельностью заинтересовались и отдельные органы французского правительства.

Матов приоткрывает завесу и над этой другой стороной деятельности **Шадлуна.** По его показаниям:

«... в начале 1926 г. на одном из заседаний Донуглевской организации в обычном составе, в присутствии Шадлуна, последний заявил, что он получил письмо из Франции от Ремо, в котором последний пишет, что французские оффициальные органы узнали о той работе, которая ведется в Донбассе вредительской организацией, заинтересованы войти в непосредственную связь с этой организацией через свои местные органы, эти последние имеют директивное распоряжение заключить соглашение. Так как вопрос шел о даче сведений и выполнении деятельности аналогичной как и для польских учреждений,

то заседание довольно быстро приняло предложение Ремо и поручило Шадлуну войти в связь и наладить все дело. Шадлун согласился. На этом заседании были: Бояршинов, Бахтиаров, Братановский, Березовский, Детер, Казаринов, Сущевский, Воликовский, Мешкоь, Шадлун и он, Матов. В дальнейшем Шадлуну удалось эту связь наладить через одного из своих знакомых,

...После того как взаимоотношения с французскими органами были налажены в начале 1926 г., на одном из соответственное министерство для установления непосредственной связи с-за границей. При этом на заседании кто-то поднял вопрос, куда же зайти и собрание решило, что это может быть французское министерство промышленности и военное и что Юсевичу надо побывать в обоих, чтобы выяснить с кем связываться в дальнейшем, в случае надобности в непосредственной связи при посещении представителя организации в Париже. Это письмо было переслано в общем порядке. На заседании присутствовали все обычные члены совещания...» (л. д. 247).

Упомянутый выше **Юсевич,** которому было дано задание установить связь с соответственным французским министерством являлся, по показаниям **Казаринова** связующим звеном между организацией и бывшей франко-бельгийской группой владельцев предприятий (л. д. 382). На первоначально данном показании Юсевич признал, что в конце лета 1925 г. перед его от'ездом за границу **Матов** пригласил его на заседание Харьковской руководящей группы, которая обсуждала вопрос о связи с Парижским об'единением бывш. владельцев горнопромышленных предприятий и о налаживании дела с получением средств. Ему, Юсевичу, и было предложено осуществить связь с Парижским об'единением во исполнение чего он отнес врученный ему **Матовым** пакет с материалами по крупным шахтам и вручил его в Париже **Соколову.** По приглашению **Соколова,** он, **Юсевич,** на заседании об'единения сделал доклад о привезенных им материалах (л. д. 77).

В дальнейшем ходе следствия **Юсевич** от данного им показания отказался, однако, его показания совпадают с показаниями **Матова** из которого явствует, что в конце 1925 г. был намечен для длительной поездки в заграничную командировку член организации **Юсевич,** который за несколько месяцев до этого был им, **Матовым,** введен в организацию. Перед от'ездом **Юсевича** было устроено совещание руководителей организации, на котором ему было дано задание лично войти в связь с бывшим с'ездом горнопромышленников в Париже для выяснения — нет ли претензий с их стороны и дополнительных требований, а также выяснить денежные недоразумения, которые существовали в тот момент между организацией и этим с'ездом (л. д. 244).

По поводу данного **Юсевичу** поручения войти в связь со с'ездом бывших горнопромышленников в Париже, **Юсевич** говорил инженеру **Братановскому,** что он виделся в Париже с **Соколовым, Прядкиным, Ферретом** и **Бурозом.** С последним он вел переговоры о сдаче с подряда проходок шахт в Дон-

бассе. **Буроз** очень интересовался положением Екатериновского рудника и, вообще, предприятиями Донецкого бассейна. Перед вторичной поездкой **Юсевича** за границу — показывает далее **Братановский** — он получил от него, Братановского несколько таблиц сведений, характеризующих исполнение проектного дела и шахтного строительства. Насколько помнит **Братановский,** на это ему дал разрешение **Матов** (л. д. 54—55).

Таким образом, связь **Юсевича** со с'ездом бывш. горнопромышленников находит свое полное подтверждение в показаниях **Казаринова, Матова** и **Братановского.**

Связь с французскими кругами **Юсевич** поддерживал вместе с **Матовым,** когда последний, осенью, 1926 г. прибыл в Париж. Однако, осенью, 1926 г., когда **Матов** был командирован Донуглем за границу, он встретился там с **Юсевичем** и ими исполнено было задание об установлении связи уже не только с представителями промышленности. По показанию **Матова,** задания с которыми он поехал за границу об организации, были следующие:

«... прежде всего нужно было заехать в Центральное бюро организации в Москве и получить задания оттуда для заграницы. Помимо того, в Берлине надо было совместно с бывшим там Рубановичем посетить наиболее видные промышленные предприятия, с которыми находилась в связи организация, затем в Париже, совместно с Юсевичем, посетить бывш. С'езд горнопромышленников и затем военное министерство, от которого, как выяснилось к тому времени, шли деньги для организации. При этом было решено, чтобы я информировал министерство о ходе работ, положении на местах, о мерах, кои могут быть приняты на шахте на случай об'явления войны и т. д.

Проездом через Москву, где я пробыл несколько дней, я посетил Московский центр, где застал группу руководителей в лице **Рабиновича, Скорутто, Именитова** и несколько других лиц. Я заявил, что еду за границу и буду в Париже. Тогда мне **Рабинович** сказал, что я должен посетить там бывш. с'езд горнопромышленников и кроме того, военное министерство, которое должен информировать о положении дел в Московской центральной организации.

...В Париже я встретился с Юсевичем, членом нашей организации, который уже несколько месяцев как был в Париже и был в курсе всех интересующих там меня лиц и учреждений. Прежде всего мы решили побывать в бывшем с'езде горнопромышленников. Юсевич сговорился с Соколовым, там решено было созвать небольшое совещание из бывших в Париже представителей с'езда. В' условленный час мы пришли и застали там: Соколова, Пряжкина, Буроза, Штетинга, Сансе и еще несколько лиц, коих я не знал.

На заседании я сделал доклад, причем в общих чертах охарактеризовал работу центральной Московской ор-

ганизации о ее развитии и приобретаемом значении, о развитии там вредительской работы, затем более подробно я доложил о работе Донуглевской организации и достигнутых результатах за последний период...»
В развернувшихся прениях:

«. . . представитель Горловки выразил неудовольствие по поводу того, что на Горловской концессии заложено 2 больших шахты. Сансе, бывш. директор Правления Щербиновки, сказал, что надо принять срочные меры к задержке постройки новой шахты, но, что он хочет об этом говорить отдельно, для чего я должен выбрать время зайти к нему. Об Ирмине говорили мало. После этого присутствующие интересовались технической стороной при постройке новых шахт, я их в самых общих чертах ознакомил, указавши на американские новшества, вводимые на наших шахтах. **После этого Соколов перешел к вопросам политического характера.**

Он говорил, что в настоящее время во Франции почти закончился восстановительный процесс после немецкой войны, и что теперь задачей всех бывших владельцев, акционеров и представителей их правлений является нажим на французское правительство с тем, чтобы принять решительные меры против Советской России, так как только борьба с ней и ее уничтожение может им возвратить их благополучие, в виде прежних владений. Конкретно, как это должно произойти Соколов не говорил, но, **по его мнению, «прежде всего надо провести разрыв с советской властью, и после подготавливать войну».** Далее он говорил, что та работа, которую ведут вредительские организации в России, в том числе Донецкая, являются передовыми отрядами капитализма в России. Этими, приблизительно, словами закончилось совещание. После этого с Юсевичем говорили и Соколову о наших денежных взаимоотношениях и он сказал, что нам следует получить около 30.000 р., но что это, повидимому, последняя уплата Донуглевской организации непосредственно в виду перехода в центр. Мы с Юсевичем решили не брать денег сейчас, так как предполагали еще пробыть 2—3 недели во Франции и зайти за деньгами перед самым отъездом. На следующий день я зашел к Сансе и говорил о Новой шахте, показавши ему эскизный проект. Между прочим он говорил, что необходимо изменить задание по проектированию поверхностного оборудования и м. пр. копра, дабы задержать постройку шахты.

Еще через день или два, я с Юсевичем и инж. Коленским, сотрудником Торгпредства, решил зайти в военное министерство по делам организации, как Московской, так и Донуглевской. Оказалось, что или тот или другой уже были там раньше. Сговорившись предварительно по телефону, мы зашли туда втроем.

В большой приемной оказалось довольно много народу и нам пришлось подождать минут 10—15, пока подошел к нам чиновник, спросил, по какому мы вопросу, после чего повел нас по коридору и ввел в кабинет, где

за столом сидел пожилой, повидимому, довольно важный чиновник в штатском. Он очень любезно с нами поздоровался, сказал, что осведомлен по какому вопросу мы пришли и тотчас приступил к делу прося меня сообщить о последнем периоде. Я опять-таки начал о работе и расширении деятельности Московской организации, затем о положении дел у нас. Он спросил, как я смотрю на слияние и не отразится ли это на продуктивности работы в Донбассе. Я сказал, что по моему — нет. После этого он стал меня подробно спрашивать о наиболее уязвимых местах на рудниках и заводах, я ему рассказал, что это электростанции и что мы послали уже планы шахт с указанием местоположения шахт. Он спросил еще о некоторых деталях работы московской организации, на что я ему не мог ответить. Затем он перешел к деньгам и спросил, не нужны ли нам деньги, я сказал, что нет и что мы их получим в Москве. При этом выяснилось, что это повидимому, последняя уплата непосредственно Донуглевской организации, вследствие перехода всего в Москву. После этого мы простились и ушли. Когда мы все выходили, то подошел тот же человек и попросил нас заполнить анкеты, где были вопросы, кто мы, откуда и по какому делу. Затем он передал, что относительно перевода денег будет дано на-днях распоряжение и мы вышли. Недели через 2 после этого мы с Юсевичем перед от'ездом из Франции зашли к Соколову за деньгами, получили около 500.000 ф., поделили их пополам для перевоза до Берлина, где затем переменили их на доллары для перевозки их в Россию, куда и возвратились в начале декабря» (л. д. 253—255).

По приезде **Матова** и **Юсевича** из-за границы ими был сделан доклад Харьковской организации, затем по приезде **Матова** в Москву вместе с **Бахтиаровым,** они согласно показаний **Матова:**

«отправились в Московскую центральную организацию, причем Матов, предварительно, сговорился по телефону с Рабиновичем. Было устроено собрание руководителей... Я сделал доклад о моем посещении в Париже с'езда и военного министерства...

Если отношения с Францией приняли такой характер в 1927 году, то официальные связи вредителей с органами другого государства—с Польшей завязались гораздо раньше, гораздо теснее.

Этот интерес тех или иных оффициальных органов и любопытство отдельных должностных лиц, могли быть тем легче удовлетворены, чем ближе к ним находился осуществитель связи между обеими организациями, неоднократно уже упоминавшийся в показаниях обвиняемых, **Дворжанчик,** который, как установлено, имеет место пребывания в Польше.

Непосредственным помощником **Дворжанчика** в деле поддержания им связи с вредительными организациями в СССР является, упоминавшийся выше, член организации **Будный** (л. д. 237).

Это же подтверждается показаниями самого **Будного,** ко-

торый с 1923 г. переотправлял письма **Дворжанчику** и получал от него ответы.

По показаниям **Будного,** за время с 1922 по 1926 г. он получил от Дворжанчика 40 пакетов (л. д. 88).

О содержании даваемых **Дворжанчиком** через **Будного** директив приведены выше показания ряда обвиняемых.

Характер этих сведений уже однажды цитировался выше при описании посещения в конце 1925 г. **Скорутто** совещания Харьковского центра. Они настолько важны и характерны, однако, что их должно привести здесь еще раз в более детализированной форме. По показаниям **Братановского:**

«... представитель Московского центра Скорутто доложил предложение польского об'единения, субсидируемого польского об'единения, войти в связь с этим об'единением, с целью получения целого ряда информационных сведений и выполнения некоторых директив, носящих экономический и политический характер. Под директивами политического характера подразумевались дирекитвы на случай войны и дача сведений на мирный период экономического характера. Скорутто не называл суммы, которую поляки обещают платить за эти сведения, но говорил, что платить за это будут они. Совещание приняло это предложение без возражений. С тех пор стали поступать деньги и от поляков. Ориентировочно сумма полученных донуглевцами денег от поляков за год составляла 40—50 тысяч рублей. Помимо одного экземпляра сведений для поляков через Московский центр посылались планы подземных работ и поверхности рудников, с указанием на них электростанций. Хотя Скорутто не говорил, что этими сведениями интересуется военное мнинистерство, но по характеру сведений было ясно, что ими интересуется польский генеральный штаб. С этого времени получение денег из-за границы в общей сложности увеличилась процентов на 30, к суммам, полученным от Парижского центра и французов...».

После принятия организацией указанного предложения польского об'единения связь с Польшей поддерживалась также через . . . . . Это лицо именовавшее себя «Казимиром», сообщало **Бояринову,** что он собирает сведения для . . . . . (л. д. 211). Указанный «Казимир», показывает **Бояринов:**

«... приехал на Кадиевку в феврале месяце 1926 г. и привез закрытое письмо от Матова, в котором последний сообщал, что податель письма тот человек, о котором он с ним, Бояриновым, говорил. Бояринов условился встретиться с «Казимиром» в марте месяце 1926 г. на ст. Дебальцево. Вскоре после от'езда «Казимира», приехавший на Кадиевку Матов спросил Бояринова, приезжал ли, к нему посланный человек. Получив утвердительный ответ, **Матов** вручил Бояринову в запечатанном виде два об'емистых пакета и предложил их передать «Казимиру». По состоявшемуся условию Бояринов встретился с «Казимиром» на ст. Дебальцево и вручил ему пакеты. Тогда же они условились встретиться в конце апреля 1926 г. на Байракском Рудоуправлении. Местом встречи была названа квартира Сватковской. В середине

апреля 1926 г. Соколов, возвратившись из Харькова, вручил Бояринову без всяких надписей один об'емистый пакет и указал, что это от Матова для дальнейшей переотправки. В обусловленное время Бояринов вручил этот пакет «Казимиру» на кварите Сватковской, условившись встретиться в конце мая, или в начале июня, при чем в целях конспирации местом встречи была назначена станция Никитовка. Приблизительно в конце мая 1926 г. на Кадиевку приехал групповой директор Донугля Евстратов, который вручил Бояринову пакет, тоже без всяких надписей, и сказал, что пакет от Юрия Николаевича (Матова). Встретившись с «Казимиром» на ст. Никитовка, Бояринов вручил ему этот пакет. Условившись встретиться на той же станции в августе месяце. Примерно в половине июня 1926 г. Евстратов привез Бояринову один пакет для дальнейшей переотправки, а затем тот же Евстратов в начале августа привез второй пакет. Оба они были вручены Бояриновым «Казимиру» на ст. Никитовка, условившись встретиться на той же станции в конце сентября. Примерно, 3—5 сентября Евстратов привез пакет Бояринову, который он вручил «Казимиру» в конце сентября. В виду перехода Бояринова с Кадиевки на Байрак его связь по переотправке пакетов была прервана». Однако, «в ноябре 1926 г. на Байрак приехал «Казимир» с письмом Матова, в котором последний просил оказать содействие подателю письма в сборе технических сведений. «Казимир» заявил, что ему нужны следующие сведения по Байраку и Щербиновке: статистические сведения о добыче, производительности, задания за прошлые три года, перспективный 5-тилетний план, перечень главнейших капитальных работ, как произведенных, так и намеченных к производству. Бояринов, собрав эти сведения по Байраку вручил их «Казимиру» на шахте. Вместе с «Казимиром» Бояринов приехал на Центральную шахту Щербиновского Рудоуправления, где застали Одрова, замещавшего Сущевского, Бояринов, указав на «Казимира», сказал Одрову, что по поручению Матова нужно собрать сведения по Щербиновке и передать их. Все сведения были собраны и к 7 час. вечера вручены «Казимиру», которого Бояринов отвез на Никитовку...» (л. д. 207—211).

В период с 1923 до 1926 г. связь организации с . . . . . приняла совершенно организованный и оформленный характер.

ГЛАВА VII.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР И ЕГО РАБОТА.

История возникновения Московского Центра.

Показания, которые мы приводили выше, говорят уже о работе не только Харьковского об'единяющего Центра вредителей, но и наличии и деятельности такого же центра в Москве. Это последнее обстоятельство не могло, конечно, явиться случайным. Организация развилась настолько, в частности, в сфере заграничных своих связей, что рационально могли

быть разрешены все задания, которые себе начала ставить организация лишь при наличии соответствующего аппарата в командной верхушке всего управления промышленностью СССР—ВСНХ в Москве. К этому толкало и установление связи с другими отраслями промышленности и крупная роль которую осуществляла организация в деле реализации заграничных заказов по закупке импортного оборудования, наконец, в той области, где организация соприкоснулась с работой чисто политического характера. Только Москва могла удовлетворять здесь требованиям, которые ставились логикой внутреннего развития организации и, что главное, логикой классовой борьбы. Все это толкало и толкнуло организацию на создание руководящего центра в Москве и передачу ему основных, и по меньшей мере, наиболее опасных и ответственных функций—финансирования из-за кордона, связи с другими отраслями промышленности. Начало образования такого центра датируется 26 годом.

Интересно, что образование такого Центра было также продиктовано из-за границы—Парижским Центром. Вот что показывает о создании Московского Центра **Матов:**

«Кажется в самом начале 1926 г. из Москвы приехал **Скорута** и в разговоре с Бояршиновым и мною сообщил, что в Москве создано ядро организации, имевшее задачей связи с заграницей и произведение вредительской работы на ряде предприятий. Он уже и раньше слышал о существовании развитой организации в Донугле, хотел детально ознакомиться с их работой. Решено было в тот же день устроить заседание Донугольской группы. Скорута на этом заседании доложил, что несколько времени тому назад у них, не помню кем, **Рабиновичем** или . . . . было получено предложение из Парижа, кажется от с'езда или через с'езд от другой какой-либо организации, образовать в Москве центральную группу, которая занялась бы вредительской работой в широком масштабе при чем в письме указывалось на проводимую уже работу в Донугле и рекомендовали детально с ней ознакомиться. Мы ознакомили его с тем, какие у нас имеются инструкции, как проводится связь с заграничными учреждениями, как растянута связь на предприятиях Донугля» (л. д. 247).

Московский Центр по показаниям **Матова** был сформирован в следующем составе: **Рабиновича, Федоровича, Назимова, Скорута, Пальчинского, Именитова,** кажется (относительно последнего Матов не уверен) и ряд других лиц (л. д. 118).

О составе Московской организации дали, кроме Матова, показания **Братановский и Казаринов:**

Братановский:

«Непосредственное руководство группа организации Донугля получала от Московского центра, состоявшего из инженеров: **Рабиновича, Скоруты, ... Именитова .....** Во главе об'единения стоял **Рабинович** (л. д. 102)».

Казаринов:

«Я ограничиваюсь персональным перечислением тех лиц, об участии коих в рядах организации мне доподл-

линно известно. Председатель Московского центра—**Рабинович Л. Г.»** (л. д. № 376).

О существовании Московского центра было известно и инженеру **Березовскому,** который по этому поводу показал:

«Горлецкий сообщил мне, что, кроме Харьковского центра, существует еще центр в Москве, в котором состоит горный инженер Именитов» (л. д. № 124—об).

Московская организация впоследствии расширялась в своем составе и налаживала связи с местами, о чем свидетельствует **Матов:**

«Основной группой организации были: **Рабинович, ... Скорута, ...** и еще несколько человек мне знакомых. К этой группе из знакомых примкнули: **Именитов, ...** Вообще, он за последнее время сильно разрастался в своем составе. Сам я на заседании Московского центра бывал несколько раз, при чем в состав его входило довольно много народу, человек до 12—15. Но много было и незнакомых. Руководящую роль там играли знакомые мне: **Рабинович, Скорута,** и несколько незнакомых лиц, как я потом выяснил, из ВСНХ, Госплана и др. Наркоматов и Трестов» (л. д. 161—162).

Характеризуя состав Московского Центра, **Казаринов** показал:

«Во главе организации во всесоюзном значений находился Московский центр, об'единяющий в себе имена, к которым каждый техник Донбасса в каменноугольной промышленности, вообще, с ранних лет привык относиться с уважением» (л. д. 376).

Далее **Матов** показывает как осуществлялась связь с местами и какова была структура Московского центра:

«Связь с местами,—говорит Матов,—осуществлялась двояким способом: во-первых, обычно представитель местной трестовской организации периодически посещал московскую центральную организацию; таковым, например, от донугольской организации был **Бояршинов,** во-вторых, представители московской организацси посещали районы, при чем, как кажется, отдельные члены центральной организации ведали определенными районами, так, например, для Харькова был назначен **Скорута** хотя приезжал также, с целью связи Рабинович или . . . . . (л. д. 119).

О связи Московского центра с организациями явствует также из показаний **Братановского:**

«Связь организации Донугля с московским центром поддерживалась через **Скоруту или Именитова...** На собраниях московского центра от донугольской организации бывали и делали доклады **Бояршинов,** Белавинцев и **Матов** (раза два). Насколько знаю, со слов Матова или **Скоруты, Рабинович** и **...** поддерживали связь с другими подобными об'единениями в других отраслях промышленности (л. д. № 103).

Задачей Московского центра, по показаниям **Матова** и **Братановского,** состояли в следующем:

Матов:

«Задачей центра являлось об'единение существую-

щих уже организаций, создание новых, инструктирование и руководство общих вопросов местными организациями. Кроме того, задачей его являлось влияние на центральные правительственные органы и связь с инженерно-техническими организациями к числу коих относились: Клуб Горных Деятелей, ВАИ, Центральное Бюро ИТС. Работа Московской Центральной организации велась в следующих направлениях: связь с заграницей по соответствующим отраслям промышленности, в смысле дачи информации и проведения вредительской работы как в центральных учреждениях правительства, так и в правлениях трестов ,имевшихся в Москве. Инструкции которыми руководствовалась Московская центральная организация при помощи которых она руководила работой в отдельных отраслях промышленности, были аналогичны донуглевским, а так как к тому времени в донуглевской организации уже имелись достаточно подробные инструкции, то Московская организация воспользовалась ими, приспосабливая их, по мере надобности, в различных случаях при работе на производстве; для работы в центральных правительственных учреждениях там были выработаны специальные инструкции» (л. д. 118—119).

Более рельефно обрисовывает задачи организации **Братановский:**

«Задачи организации были:

1) Постепенное и планомерное приведение хозяйства страны, главным образом, в крупной промышленности, в такое состояние, которое заставило бы сначала советское правительство сдать крупную промышленность в концессию иностранцам, и затем довести это хозяйство до такого состояния, чтобы совласти пришлось совершенно капитулировать перед иностранным капиталом.

2) На случай интервенции способствовать ее успехам, расстраивая хозяйство страны и дезорганизуя тыл.

3) Вести пропаганду против совласти, распространяя вокруг свое влияние постепенно на все больший и больший слой населения» (л. д. № 80—81).

С течением времени деятельность Московской организации, по показанию **Матова,** сильно расширилась:

«Центр через своих членов занимался работой по наркоматам; а по трестам имел в центре представителей,—занимался организацией ячеек. Насколько мне известно, его работа, за последний год значительно развилась на . . . . . заводах Московского района и на . . . . ., а также началась работа на . . . . . В числе лиц, принимавших участие в работе центра надо отметить также . . . . . , задачей которого было завязать связи и организовать ячейки в Ленинграде на тамошних заводах и учреждениях. Также принимал участие в работах центра . . . ., который совместно с **Рабиновичем** должен был проводить работу организации во вновь организованном НТС при Главторгтопе» (л. д. 162).

Такой разветвленной деятельностью Московский центр не ограничился, а связался с рядом государственных учреждений, с которыми происходили совместные заседания. Вот как об этом свидетельствует **Братановский:**

«После заседания вместе с московским представителем решено было завязать связь, пока что, со следующими трестами: .... войти в сношение было поручено мне, а с ....—**Бахтиарову,** так как он имел в обоих трестах хорошо знакомых в лице инжен. ....—в первом и в лице инж. ....—во втором. Поручение мы с Бахтиаровым исполнили и связь завязывалась. Помню, на собрании кто-то спросил **Скорутто,** имеется ли или следует завязать связь с организациями машиностроительной промышленности в Харькове. На это Скорутто или Именитов ответили, что об этом должна позаботиться ..... и что об'единять следует лишь предприятия однородной промышленности. С этого времени на собрании членов организации Донугля стали присутствовать представители указанных выше трестов:

от . . . . . — . . . . . .
от . . . . . — . . . . . .
от . . . . . — . . . . . .

Эти инженеры присутствовали на собраниях, на которых рассматривались наиболее важные вопросы, например, о пропаганде, о методах проведения в жизнь директив заграничных центров, об отношении к интервенции и т. п.» (л. д. 106—107).

Присутствие представителей ..... на заседании Донугля, с участием представителей Московского центра, находит себе подтверждение и в показаниях **Матова:**

«В Харькове состоялось пленарное заседание в присутствии не только Донуглевской группы, но также . . . . . представителей от ..... На этом заседании под председательством Бояршинова, помимо нашей группы: Братановского, Бахтиарова, меня, Казаринова, и некоторых других были: ..... и не помню кто от .... Скорутто говорил о нецелесообразности децентрализованного способа сношений с заграницей с точки зрения большего риска попасться, а также больших удобств связи в Москве. Это было достаточно очевидно, и потому встречено было сочувственно, а также решено было провести это в жизнь. По докладу **Скорутто** получалось, что Московский центр уже установил связь с ..... и вопрос, таким образом, было легко провести в жизнь. Это было скоро сделано» (л. д. 162—163).

О централизованной связи с . . . . . устанавливается также показанием **Братановского:**

«Скорутто привозил из Москвы инструкции о том, чтобы связь осуществлялась исключительно через Московский центр и докладывал об установлении прочной связи с заграничными об'единениями через .....» (л. д. 157):

О том, насколько широко развернули связи московского центра свидетельствует **Матов:**

«В начале 1926 г., будучи в Главторгтопе, я встретился с **Скорутто.** Он мне рассказал, что у них в центральной организации делу развернулось уже широко, что

они уже завязали сношения с .... и что, пожалуй, скоро харьковские организации должны будут существовать уже не как самостоятельные организации, а лишь как филиалы Московского Центра». (л. д. 249).

Подчинение себе Московским центром харьковских организаций, по показаниям **Матова,** было осуществлено:

«Начиная со второй половины 1927 г. московский центр начинает и для харьковских организаций играть роль настоящего центра. Туда направлялись сведения и все данные и оттуда же получались причитающиеся денежные суммы» (л. д. 163).

Взаимоотношения Донуглевской организации с московским центром на почве получения денег и направления корреспонденции подтверждаются также показаниями **Братановского** и **Казаринова:**

«Братановский: Донуглевская организация отправляла свою корреспонденцию в московский центр, а тот уже переотправлял за границу. Когда деньги поступали через Московский центр приходилось давать отчет распределения сумм. Денежная отчетность, посылавшаяся в Москву, состояла из списка лиц, получавших деньги, с указанием сумм». (л. д. 105, 106, 110).

Казаринов.—«Я слышал от Братановского, что пересылка денег и крупной почты направлялась: харьковская организация, московская организации—за кордон» (л. д. 454).

Представители Московского центра принимали участие и в заседании Донуглевской организации. **Казаринов** показывает:

«Я лично, перед поездкой за границу, присутствовал на одном заседании, на котором был решен, под председательством **Матова,** с участием **Л. Г. Рабиновича,** вопрос об учреждении и распределении ролей в УНС. Этому органу организация справедливо придавала чрезвычайно большое значение. На заседании присутствовали помимо **Матова, Бахтиаров, Братановский, Детер, Рабинович и Сущевский.** Я впервые присутствовал на подобном совещании и оно произвело впечатление» (л. д. 379—380).

Со стороны Донугля московский центр посещал **Матов.** Он показывает:

«Я был на заседании московского центра несколько раз... Проездом через Москву, где я пробыл несколько дней, я посетил московский центр, где застал группу руководителей, в лице **Рабиновича, Скорутто, Именитова** и несколько других лиц. Я заявил, что ему за границу и буду в Париже. Тогда мне Рабинович сказал, что я должен посетить там бывший с'езд горнопромышленников и, кроме того, военное министерство, которые должны информировать о положении дел московской центральной организации» (л. д. 163 и 253).

Членам Московского центра **Рабиновичу** и **Скарутте** была дана очная ставка: **Рабиновичу**—с **Братановским, Казариновым и Матовым, Скарутте**—с **Братановским** и **Матовым.**

На очной ставке **Братановский, Казаринов** и **Матов** согласно подтвердили, что **Рабинович** и **Скарутто** состояли членами Московского центра.

Раскрытие шахтинского дела и затем удачная и энергичная работа Украинского ГПУ по раскрытию Донуглевской организации дало возможность ликвидировать работу Московского центра раньше чем он сумел действительно широко развить свою работу. Следственные же власти по настоящему делу ограничились преданием суду лишь лиц по данному делу, наиболее уличенных, выделив и направив к доследованию дело в отношении лиц, не игравших особой руководящей роли по вредительству на периферии, либо, хотя и игравших руководящую роль в Москве, но не в отношении каменноугольной промышленности.

Нижепоименованные привлеченные к следствию в качестве обвиняемых показали:

1) **Березовский** Николай Николаевич, род. в 1887 г., не судимый, горный инженер, имевший до революции сбережений в сумме до 20 тыс. рублей—виновным себя признал;

2) **Калганов** Николай Ефимович, род. в 1887 г., не судимый, горный техник, до революции имел сбережений в сумме до 5 тыс. рублей—виновным себя признал;

3) **Самойлов** Василий Никифорович, род. в 1880 г., не судимый, быв. собственник-шахтовладелец, горный техник—виновным себя признал;

4) **Бабенко** Сергей Александрович, род. в 1888 г., не судимый, горный техник—виновным себя признал;

5) **Чернокнижников** Степан Ефимович, род. в 1884 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

6) **Башкин** Абрам Борисович, род. в 1887 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

7) **Никишин** Михаил Ефимович, род. в 1892 г., не судимый, электротехник—виновным себя признал;

8) **Петров** Василий Филиппович, род. в 1887 г., не судимый, горный инженер—виновным себя признал;

9) **Потемкин** Григорий Петрович, род. в 1881 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

10) **Матов** Юрий Николаевич, род. в 1882 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

11) **Братановский** Сергей Павлович, род. в 1885 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

12) **Соколов** Валентин Олимпович, род. в 1886 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

13) **Казаринов** Алексей Иванович, род. в 1885 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

14) **Шадлун** Георгий Акимович, род. в 1880 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

15) **Баяринов** Николай Антонович, род. в 1890 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

16) **Детер** Александр Васильевич, род. в 1887 г., не судимый, инженер—виновным себя признал;

17) **Кржижановский** Николай Константинович, род. в 1888 г., инженер, не судим—виновным себя признал;

18) **Файерман** Павел Маркович, род. в 1877 г., горный техник, не судим, виновным себя признал;

19) **Одров** Владимир Клавдианович, род. в 1889 г., инженер, не судим, виновным себя признал;

20) **Сущевский** Дмитрий Михайлович, род. в 1889 г., до революции имел сбережений около 30 тысяч р., инженер, не судим, виновным себя признал;

21) **Будный** Семен Захарович, род. в 1875 г., служащий, не судим, виновным себя признал частично;

22) **Люри** Владимир Владимирович, род. в 1895 г., инженер, не судим, виновным себя признал частично;

23) **Ржепецкий** Владислав Станиславович, род. в 1875 г., инженер, не судим, виновным себя признал частично;

24) **Бояршинов** Николай Прокофьевич, род. в 1878 г., инженер, не судим, виновным себя признал частично;

25) **Мешков** Леонид Николаевич, род. в 1876 г., инженер, не судим, виновным себя признал частично;

26) **Калнин** Петр Эрнестович, род. в 1878 г., инженер, не судим виновным себя признал частично;

27) **Горлов** Иван Григорьевич, род. в 1888 г., горный техник, не судим, виновным себя признал частично;

28) **Элиадзе** Александр Яковлевич, род. в 1880 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

29) **Колодуб** Емельян Кириллович, род. в 1863 г., техник, б. шахтовладелец, не судим, виновным себя признал частично;

30) **Некрасов** Иван Иванович, род. в 1888 г., инженер, не судим виновным себя признал частично;

31) **Стояновский** Иван Кириллович, род. в 1888 г., инженер, несудим, виновным себя не признал;

32) **Семенченко** Платон Иванович, род. в 1878 г., служащий, не судим, виновным себя не признал;

33) **Владимирский** Владимир Васильевич, род. в 1883 г., инженер, имел до революции сбережений до 20.000 р., не судим, виновным себя не признал;

34) **Овчарек** Мечислав Антонович, род. в 1890 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

35) **Кувалдин** Владимир Михайлович, род. в 1877 г., механик, не судим, виновным себя не признал;

36) **Некрасов** Александр Евдокимович, род. в 1882 г., горный техник, не судим, виновным себя не признал;

37) **Нашивочников** Василий Николаевич, род. в 1883 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

38) **Васильев** Федор Тимофеевич, род. в 1883 г., горный техник, не судим, виновным себя не признал;

39) **Беленко** Венедикт Иванович, род. в 1894 г., техник, не судим, виновным себя не признал;

40) **Колодуб** Андрей Кириллович, род. в 1874 г., техник, не судим, виновным себя не признал;

41) **Антонов** Петр Ильич, род. в 1890 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

42) **Кузьма** Леонард Бернгардович, род. в 1891 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

43) **Горлецкий** Николай Николаевич, род. в 1870 г., инженер, до революции имел сбережений до 30.000 р., не судим, виновным себя не признал;

44) **Чинокал** Николай Андреевич, род. в 1887 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

45) **Валиковский** Андрей Константинович, род. в 1882 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

46) **Скорутто** Николай Иосифович, род. в 1877 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

47) **Рабинович** Лазарь Григорьевич, род. в 1860 г., инженер, б. углепромышленник, не судим, виновным себя не признал;

48) **Именитов** Соломон Григорьевич, род. в 1865 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

49) **Мейер** Макс Карлович, род. в 1876 г., рабочий, не судился, германский подданный, виновным себя не признал;

50) **Отто** Эрнст Эмильевич, род. в 1894 г., инженер, не судился, германский подданный, виновным себя не признал;

51) **Бадштибер** Вильгельм Иоганович, род. в 1892 г., рабочий, не судился, германский подданный, признал частично себя виновным;

52) **Штельбринг** Виктор Эдуардович род. в 1891 году, инженер не судился, виновным себя не признал;

53) **Юсевич** Адриан Яковлевич, род. в 1884 г., инженер, не судился, виновным себя не признал.

На основании изложенного нижеперечисляемые обвиняются в том, что они состояли членами вредительской контр-революционной организации, действовавшей с 1920 по 1928 г., разновременно вступив в нее и поставив своей целью подрыв советской каменноугольной промышленности в контр-революционных целях для достижения чего производили:

1. Разрушение и срыв производства на местах.

2. Срыв работы организационного центра каменноугольной промышленности Донбасса—Донуголь.

3. Срыв работы центральных органов, руководивших каменноугольной промышленностью.

Для достижения этих целей означенная контр-революционная организация не только использовала аппараты советских учреждений, противодействуя их нормальной деятельности, но и связавшись с пребывающими за границей и на территории СССР враждебными СССР лицами, группировками и органами, выполняла их враждебные в отношении СССР задания, передавала им сведения об экономическом состоянии каменноугольной промышленности для использования этих сведений во вред СССР и получала от заграничных контр-революционных об'единений и иных органов денежные средства для продолжения и дальнейшего развития своей контр-революционной деятельности, каковые действия

предусмотрены ст. 58/7 Уголовного Кодекса РСФСР, в отношении: 1) **Калганова Н. Е.**, 2) **Бабенко С. Я.**, 3) **Самойлова В. Е**, 4) **Чернокнижникова С. Е.**, 5) **Петрова Ф. В.**, 6) **Никишина М. Е.**, 7) **Кузьмы Л. Б.**, 8) **Горлова И. Г.**, 9) **Горлецкого Н. Н.**, 10) **Березовского Н. Н.**, 11) **Кржижановского Н .К.**, 12)**Сущевского Д. М.**, 13) **Соколова В. О.**, 14) **Воликовского А. К.**, 15)**Штельбринг В. Э.**, 16) **Мешкова Л. Н.**, 17) **Чинокола Н. А.**, 18) **Фаермана П. М.**, 19) **Потемкина В. П.**, 20) **Бояршинова Н. П.**, 21) **Рабиновича Л. Г.**, 22) **Колодуба Е. К.**, 23) **Беленко В. И.**, 24) **Колодуба А. К.**, 25) **Васильева Ф. Т.**, 26) **Нашивочникова В. А.**, 27) **Овчарека М. А.**, 28) **Калнина П. Э.**, 29) **Некрасова А. Г.**, 30) **Кувалдина В. М.**, 31) **Элиадзе А. Я.**, 32) **Антонова П. И.**, 33) **Одрова В. К.**, 34) **Семенченко П. И.**, 35) **Люри В. В.**, 36) **Стояновского И. К.**, 37) **Некрасова И. И.**, 38) **Ржепецкого В. С.**, 39) **Владимирского В. В.**, 40) **Именитова С. Г.**;

58/7 и 58/3 в отношении: 1) **Будного С. З.**, 2) **Матова Ю. Н.**, 3) **Братановского С. В.**, 4) **Шадлун Г. А.**, 5) **Детер А. В.**, 6) **Юсевич В. Я.**, 7) **Казаринова А. И.**, 8) **Бояринова Н. А.**, **9) Скарутто Н. И., 10) Башкина А. Б. и**

58/7 и 17 в отношении: 1) **Бадштибера В. И.**, 2) **Отто Э. К.**, 3) **Мейер М. К.**

На основании постановления Президиума ЦИК СССР от 24 марта 1928 г. все указанные лица подлежат суду специального присутствия **Верховного Суда Союза ССР.**

Ст. Помощник Прокурора РСФСР **Н. Крыленко.**

Прокурор Верховного Суда Союза ССР **П. Красиков.**

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР 19 г.